

84(3)

Р. 60

Джанни РОДАРИ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧИПОЛЛИНО

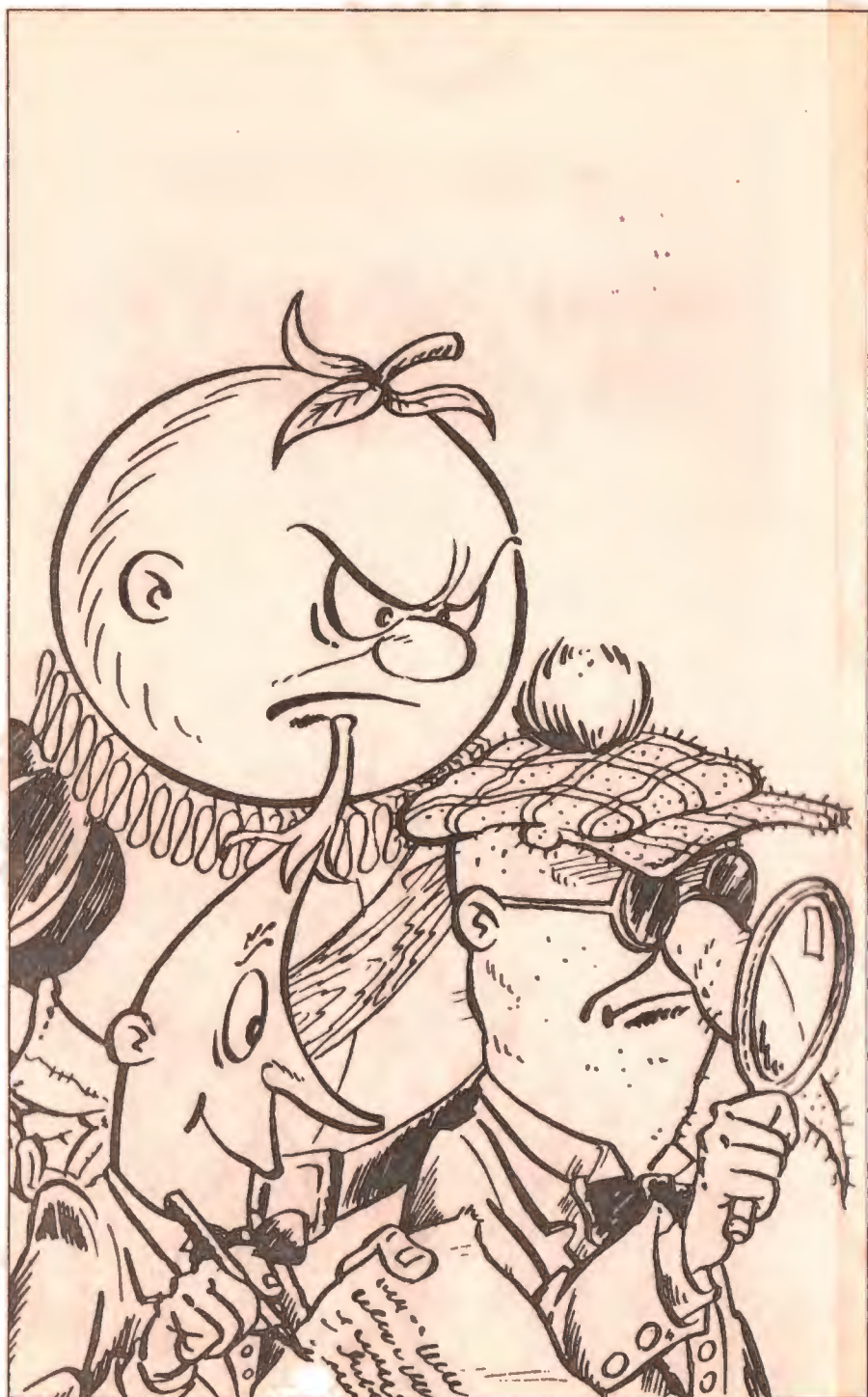

Москва, 2001

Джанни РОДАРИ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ЧИПОЛЛИНО

ББК 84.4

Р 60

Родари Джанни
Р 60 Приключения Чиполлино. Джельсомино в Стране Лгунов.
Сказочные повести. — М.: «РИПОЛ КЛАССИК», 2001. —
384 с., илл.

Серия «Библиотека Солнышкина»

Две изумительные повести-сказки о невероятных приключениях
забавных и благородных сказочных персонажей, рожденных
фантазией замечательного итальянского писателя Джанни Родари.

ББК 84.4

Художественное оформление серии

П. Навдаев

Иллюстрации

Ю. Якунин

Иллюстрация на обложке

М. Никитенко

ISBN 5-7905-0880-4

© З. Потапова, «Приключения
Чиполлино», перевод
© И. Константинова,
«Джельсомино в Стране
Лгунов», перевод
© «РИПОЛ КЛАССИК»,
оформление, 2001

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧИПОЛЛИНО

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой Чиполлоне отдал ногу принцу Лимону

Чиполлино был сыном Чиполлоне. И было у него семь братьев: Чиполлетто, Чиполлотто, Чиполлочча, Чиполлучча и так далее — самые подходящие имена для честной луковой семьи. Люди они были хорошие, надо прямо сказать, да только не везло им в жизни.

Что ж поделаешь: где лук, там и слезы.

Чиполлоне, его жена и сыновья жили в деревянной лагуче чуть побольше ящичка для огородной рассады. Если богачам случалось попадать в эти места, они недовольно морщили носы, ворчали: «Фу, как несет луком!» — и приказывали кучеру ехать быстрее.

Однажды бедную окраину собрался посетить сам правитель страны, принц Лимон. Придворные ужасно беспокоились, не ударит ли луковый запах в нос его высочеству.

— Что скажет принц, когда почувствует этот запах бедности?

— Можно опрыскать бедняков духами! — предложил Старший Камергер.

На окраину немедленно отправили дюжину солдат-Лимончиков, чтобы надушить тех, кто пахнет луком. На этот раз солдаты оставили в казармах свои сабли и пушки и взвалили на плечи огромные бидоны с опрыскивателями. В бидонах были: цветочный одеколон, фиалковая эссенция и даже самая лучшая розовая вода.

Командир приказал Чиполлоне, его сыновьям и всей родне выйти из домишек. Солдаты построили их в ряды и хорошенько опрыскали с головы до ног одеколоном. От этого душистого дождя у Чиполлино с непривычки сделался сильнейший насморк. Он стал громко чихать и не слышал, как издали донесся протяжный звук трубы.

Это на окраину прибыл сам правитель со свитой Лимонов, Лимонишек и Лимончиков. Принц Лимон был одет во все желтое с ног до головы, а на желтой шапочке у него побрякивал золотой колокольчик. У придворных Лимонов колокольчики были серебряные, а у солдат-Лимончиков — бронзовые. Все эти колокольчики звенели не переставая, так что получалась великолепная музыка. Послушать ее сбегалась вся улица. Народ решил, что пришел бродячий оркестр.

Чиполлоне и Чиполлино оказались в первом ряду. Им обоим досталось немало толчков и пинков от тех, кто напирал сзади. Наконец бедный старик Чиполлоне не выдержал и закричал:

— Назад! Осади назад!..

Принц Лимон насторожился. Это что такое?

Он подошел к Чиполлоне, величаво переступая своими короткими кривыми ножками, и строго посмотрел на старика:

— Чего это ты кричишь «назад»? Мои верноподданные так жаждут увидеть меня, что рвутся вперед, а тебе это не нравится, да?

— Ваше высочество, — прошептал на ухо принцу Старший Камергер, — мне кажется, что этот человек — опасный мятежник. Его нужно взять под особое наблюдение.

Тотчас же один из солдат-Лимончиков направил на Чиполлоне подзорную трубу, которой пользовались для наблюдения за возмутителями спокойствия. У каждого Лимончика была такая труба.

Чиполлоне позеленел от страха.

— Ваше высочество, — пробормотал он, — да ведь они меня затолкают!

— И правильно сделают, — прогремел принц Лимон. — Так тебе и надо!

Тут Старший Камергер обратился к толпе с речью.

— Возлюбленные наши подданные, — сказал он, — его высочество благодарит вас за выражение преданности и за усердные пинки, которыми вы потчуете друг друга. Толкайтесь посильнее, напирайте вовсю!

— Но ведь они и вас самих, чего доброго, с ног сшибут, — попытался возразить Чиполлино.

Но сейчас же другой Лимончик направил на мальчика подзорную трубу, и Чиполлино счел за лучшее скрыться в толпе.

Сначала задние ряды напирали на передние не слишком сильно. Но Старший Камергер так свирепо поглядывал на нерадивых, что в конце концов толпа заволновалась, как вода в кадushке. Не выдержав напора, старый Чиполлоне завертелся волчком и нечаянно наступил на ногу самому принцу Лимону. Его высочество, на ногах у которого были изрядные мозоли, сразу увидел все звезды небесные без помощи придворного астронома. Десять солдат-Лимончиков кинулись со всех сторон на несчастного Чиполлоне и надели на него наручники.

— Чиполлино, Чиполлино, сынок! — звал, растерянно оглядываясь по сторонам, бедный старик, когда его уводили солдаты.

Чиполлино в эту минуту находился очень далеко от места происшествия и ничего не подозревал, но зеваки, сновавшие вокруг, уже все знали и, как бывает в подобных случаях, знали даже больше того, что было на самом деле.

— Хорошо, что его вовремя схватили, — говорили досужие болтуны. — Вы только подумайте, он хотел заколоть его высочество кинжалом!

— Ничего подобного: у злодея пулемет в кармане!

— Пулемет? В кармане? Быть этого не может!

— А разве вы не слышите стрельбы?

На самом деле это была вовсе не стрельба, а треск праздничного фейерверка, устроенного в честь принца Лимона. Но толпа так перепугалась, что шарахнулась во все стороны от солдат-Лимончиков.

Чиполлино хотел было крикнуть всем этим людям, что в кармане у его отца не пулемет, а только небольшой окурок сигары, но, подумав, решил, что болтунов все равно не переспоришь, и благоразумно промолчал.

Бедный Чиполлино! Ему вдруг показалось, что он стал плохо видеть, — это потому, что у него на глаза навернулась большущая слезища.

— Назад, глупая! — прикрикнул на нее Чиполлино и стиснул зубы, чтобы не зареветь.

Слеза испугалась, попятилась и больше уже не показывалась.

Короче говоря, старого Чиполлоне приговорили к тюремному заключению не только на всю жизнь, но и на много-много лет после смерти, потому что при тюрьмах принца Лимона были и кладбища.

Чиполлино добился свидания со стариком и крепко обнял его:

— Бедный ты мой отец! Тебя засадили в каталажку, как преступника, вместе с ворами и бандитами!..

— Что ты, что ты, сынок, — ласково перебил его отец, — да ведь в тюрьме полным-полно честных людей!

— А за что же они сидят? Что плохого они сделали?

— Ровно ничего, сынок. Вот за это-то их и засадили. Принцу Лимону порядочные люди не по нутру.

Чиполлино призадумался.

— Значит, попасть в тюрьму — это большая честь? — спросил он.

— Выходит, что так. Тюрьмы построены для тех, кто ворует и убивает, но у принца Лимона все наоборот: воры и убийцы у него во дворце, а в тюрьме сидят честные граждане.

— Я тоже хочу быть честным гражданином, — заявил Чиполлино, — но только в тюрьму попадать не желаю. Потерпи немного, я вернусь сюда и всех вас освобожу!

— Не слишком ли ты на себя надеешься? — улыбнулся старик. — Это дело нелегкое!

— А вот увидишь. Я своего добьюсь.

Тут явился какой-то Лимонишка из стражи и объявил, что свидание окончено.

— Чиполлино, — сказал на прощанье отец, — теперь ты уже большой и можешь сам о себе подумать. О твоей маме и братишках позаботится дядя Чиполла, а ты отправляйся странствовать по белу свету, поучись уму-разуму.

— Как же мне учиться? Книжек у меня нет, да и купить их не на что.

— Не беда, жизнь научит. Только гляди в оба — старайся видеть насквозь всяких плутов и мошенников, особенно тех, которые имеют власть.

— А потом? Что мне потом делать?

— Сам поймешь, когда придет время.

— Ну пошел, пошел, — прикрикнул Лимонишка, — довольно болтать! А ты, оборвыш, держись подальше отсюда, ежели не хочешь сам попасть за решетку.

Чиполлино ответил бы Лимонишке насмешливой песенкой, да подумал, что не стоит попадать за решетку, пока не успеешь как следует взяться за дело.

Он крепко поцеловал отца и убежал.

На следующий день он поручил свою мать и семерых братьев заботам доброго дяди Чиполлы, которому повезло в жизни чуть-чуть больше, чем остальным родственникам, — он служил где-то привратником.

Попрощавшись с дядей, матерью и братьями, Чиполлино завязал свои вещи в узелок и, нацепив его на палку, пустился в путь. Он пошел куда глаза глядят и, должно быть, выбрал верную дорогу.

Через несколько часов добрался он до маленькой деревушки — такой маленькой, что никто даже не потрудился написать ее название на столбе или на первом доме. Да и дом-то этот был, собственно говоря, не дом, а какая-то крохотная конурка, которая годилась разве что для таксы. У окошечка сидел старик с рыжеватою бородкой; он грустно поглядывал на улицу и, казалось, был чем-то озабочен.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Как Чиполлино заставил кавалера Помидора заплакать в первый раз

— Дяденька, — спросил Чиполлино, — что это вам взбрело в голову забраться в этот ящик? Хотел бы я знать, как вы из него вылезете!

— О, это довольно легко! — отвечал старичок. — Вот войти гораздо труднее. Я бы с удовольствием пригласил вас к себе, мальчик, и даже угостил бы стаканчиком холодного пива, но здесь вдвоем не поместишься. Да, правду сказать, у меня и пива-то нет.

— Ничего, — сказал Чиполлино, — я пить не хочу... Так это, значит, ваш дом?

— Да, — ответил старик, которого звали кум Тыква. — Домик, правда, тесноват, но когда нет ветра, тут неплохо.

Надо сказать, что кум Тыква только накануне этого дня закончил постройку своего дома. Чуть ли не с самого детства мечтал он о том, что у него будет когда-нибудь собственный домик, и каждый год покупал по одному кирпичу для будущей постройки.

Но только, к сожалению, кум Тыква не знал арифметики и должен был время от времени просить сапожника, мастера Виноградинку, посчитать за него кирпичи.

— Посмотрим, — говорил мастер Виноградинка, почесывая затылок шилом. — Шестью семь — сорок два...

девять долой... Словом, всего у тебя семнадцать кирпичей.

— А как ты думаешь, хватит этого на дом?

— Я бы сказал, что нет.

— Как же быть?

— Это уж твое дело. Не хватает на дом — сложи из кирпичей скамеечку.

— Да на что же мне скамеечка! Скамеечек и без того в парке много, а когда они заняты, я и постоять могу.

Мастер Виноградинка молча почесывал шилом сначала за правым ухом, потом за левым и уходил в свою мастерскую.

А кум Тыква думал-думал и в конце концов решил работать побольше, а есть поменьше. Так он и сделал.

Теперь ему удавалось покупать по три, по четыре кирпича в год.

Он стал худым, как спичка, зато груды кирпичей росла. Народ говорил:

«Посмотрите-ка на кума Тыкву! Можно подумать, что он вытаскивает кирпичи из собственного брюха. Каждый раз, как у него прибавляется кирпичик, сам он худеет на килограмм».

Так шел год за годом. Наконец наступил день, когда кум Тыква почувствовал, что становится стар и не может больше работать. Он снова пошел к мастеру Виноградинке и сказал ему:

— Будь так добр, посчитай мои кирпичи.

Мастер Виноградинка, захватив с собой шило, вышел из мастерской, посмотрел на груды кирпичей и начал:

— Шестью семь — сорок два... девять долой... Словом, всего у тебя теперь сто восемнадцать штук.

— Хватит на дом?

— По-моему, нет.

— Как же быть?

— Не знаю, право, что тебе сказать... Построй курятник.

— Да у меня ни одной курицы нет!

— Ну так посели в курятнике кошку. Знаешь, кошка — зверь полезный. Она мышей ловит.

— Это-то верно, но ведь кошки у меня тоже нет, а правду сказать, и мыши еще не завелись. Не с чего да и негде...

— Что же ты от меня хочешь? — засопел мастер Виноградинка, ожесточенно почесывая затылок шилом. — Сто восемнадцать это сто восемнадцать, ни больше ни меньше. Так ведь?

— Тебе виднее — ты арифметике учился.

Кум Тыква вздохнул разок-другой, но, видя, что от его вздохов кирпичей не прибавляется, решил без лишних слов начать постройку.

«Я сложу из кирпичей совсем-совсем маленький домик, — думал он, работая. — Мне ведь дворца не нужно, я и сам невелик. А если кирпичей не хватит, пущу в ход бумагу».

Кум Тыква работал медленно и осторожно, боясь слишком быстро израсходовать все свои драгоценные кирпичи.

Он клал их один на другой так бережно, будто они были стеклянные. Он-то хорошо знал, чего стоит каждый кирпичик!

— Вот это, — приговаривал он, взяв один из кирпичей и поглаживая его, словно котенка, — это тот самый кирпич, что я раздобыл десять лет тому назад к Рождеству. Я купил его на те деньги, что припас на курицу к празднику. Ну, курятиной я полакомлюсь потом, когда кончу свою постройку, а пока обойдусь и без нее.

Над каждым кирпичом он выпускал глубокий-преглубокий вздох. И все же, когда кирпичи кончились, у него осталось в запасе еще очень много вздохов, а домик вышел крохотный, как голубятня.

«Кабы я был голубем, — думал бедный Тыква, — мне было бы здесь очень, очень уютно!»

И вот домик был совсем готов.

Кум Тыква попытался было в него войти, но угодил коленом в потолок и чуть не обрушил все сооружение.

«Стар я становлюсь и неуклюж. Надо быть поосторожнее!»

Он стал на колени перед входом и, вздыхая, вполз внутрь на четвереньках. Но тут обнаружились новые затруднения: нельзя встать без того, чтобы не пробить головой крышу; нельзя растянуться на полу, потому что пол слишком короток, а повернуться на бок невозможно из-за тесноты. Но главное, как быть с ногами? Если ты залез в домик, то надо втянуть внутрь и ноги, а то они, чего доброго, промокнут под дождем.

«Вижу, — подумал кум Тыква, — что мне остается жить в этом доме только сидя».

Так он и сделал. Он уселся на пол, осторожно переводя дух, и на лице его, показавшемся в окошечке, было выражение самого мрачного отчаяния.

— Ну как ты себя чувствуешь, сосед? — полюбопытствовал мастер Виноградинка, высунувшись из окна своей мастерской.

— Спасибо, недурно!.. — со вздохом ответил кум Тыква.

— А тебе не узко в плечах?

— Нет, нет. Ведь я строил дом как раз по своей мерке.

Мастер Виноградинка почесал, как всегда, шилом затылок и пробормотал что-то непонятное. А между тем со всех сторон собирался народ, чтобы поглазеть на домик кума Тыквы. Примчалась и целая орава мальчишек. Самый маленький вспрыгнул на крышу домика и стал приплясывать, распевая:

Как у Тыквы-старика
В кухне правая рука,
В спальне левая рука.
Если ноги
На пороге,
Нос — в окошке чердака!

— Осторожней, мальчики! — взмолился кум Тыква. — Эдак вы мне дом обрушите — он ведь еще такой молоденький, новенький, ему и двух дней нет!

Чтобы задобрить ребят, кум Тыква вытащил из кармана горсть красных и зеленых леденцов, которые завалились у него уж и не знаю с каких времен, и раздал их мальчикам. Те с радостным визгом схватили леденцы и сейчас же передрались между собой, деля добычу.

С этого дня кум Тыква, как только у него заводилось несколько сольдо, покупал конфеты и клал их на подоконник для ребят, словно хлебные крошки для воробьев.

Так они и подружились.

Иной раз Тыква разрешал мальчикам по очереди влезать в домик, а сам зорко поглядывал снаружи, как бы не наделали беды.

Вот обо всем этом кум Тыква и рассказывал юному Чиполлино как раз в ту минуту, когда на краю деревни показалось густое облако пыли. Тотчас же, словно по команде, все окна, двери и ворота стали со стуком и скрипом закрываться. Жена мастера Виноградинки тоже поспешила запереть свою калитку.

Народ попрятался по домам, словно перед бурей. Даже куры, кошки и собаки и те кинулись искать себе надежное убежище.

Чиполлино еще не успел расспросить, что такое здесь творится, как облако пыли с треском и грохотом прокатилось по деревне и остановилось у самого домика кума Тыквы.

В середине облака показалась карета, которую тянула четверка лошадей. Собственно говоря, это были не совсем лошади, а, скорее, огурцы, потому что в стране, о которой идет речь, все люди и животные были сродни каким-нибудь овощам или фруктам.

Из кареты, пыхтя и отдуваясь, вылез толстяк, одетый во все зеленое. Его красные, пухлые, надутые щеки, казалось, вот-вот лопнут, как перезрелый помидор.

Это и был кавалер Помидор, управитель и эконо́м богатых помещиц — графинь Вишен. Чиполлино сразу понял, что от этой особы нельзя ждать ничего хорошего, если все удирают при первом же ее появлении, и сам счел за лучшее держаться в сторонке.

Сначала кавалер Помидор не делал никому ничего дурного. Он только смотрел на кума Тыкву. Смотрел долго и пристально, зловеще покачивая головой и не говоря ни слова.

А бедный кум Тыква рад был в эту минуту провалиться сквозь землю вместе со своим крошечным домиком. Пот ручьями струился у него со лба и попадал в рот, но кум Тыква не осмеливался даже поднять руку, чтобы вытереть лицо, и покорно глотал эти соленые и горькие капли.

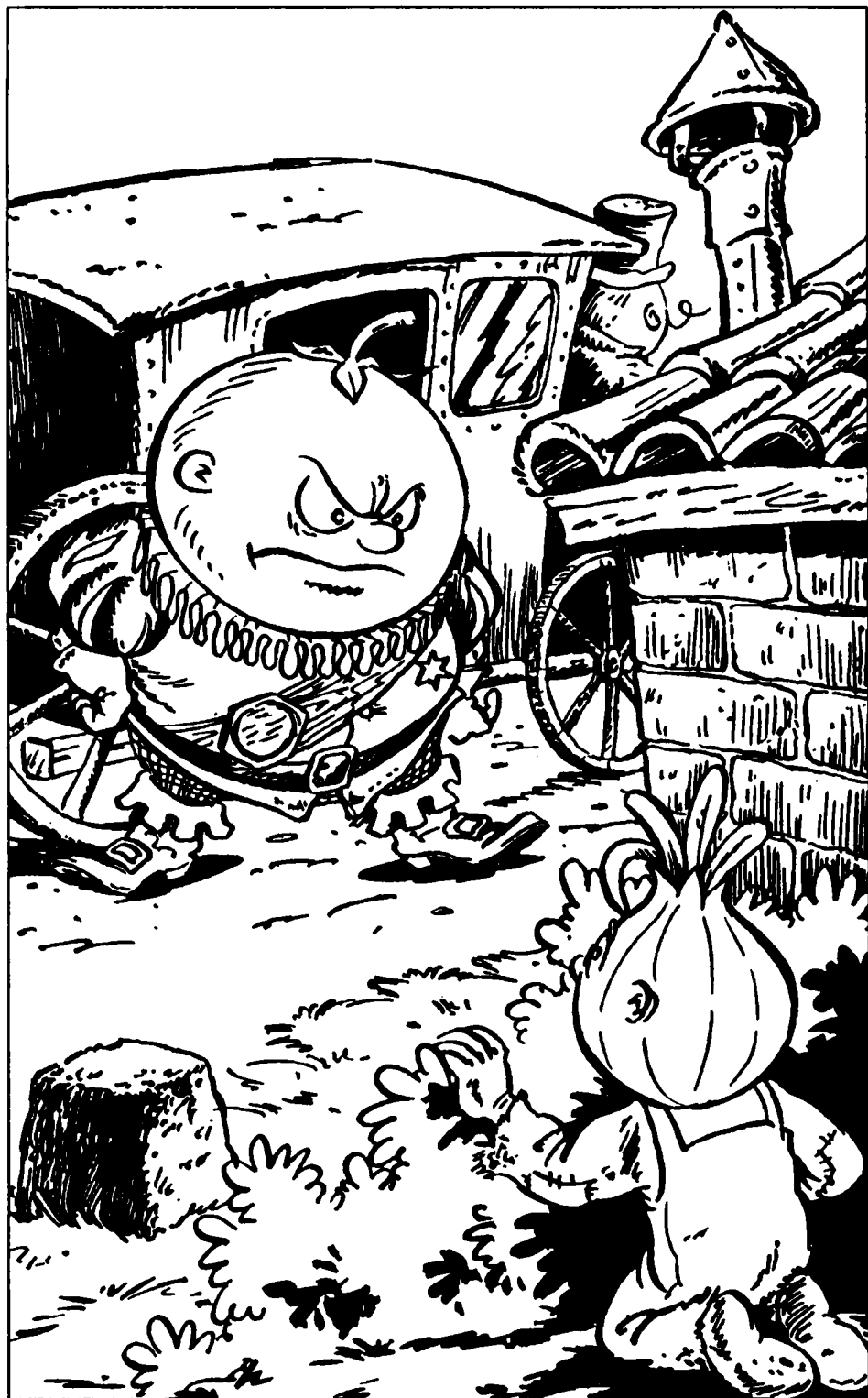
Наконец он закрыл глаза и стал думать так: «Никакого синьора Помидора тут больше нет. Я сижу в своем домике и плыву, как моряк в лодочке, по Тихому океану. Вокруг вода — синяя-синяя, спокойная-спокойная... Как мягко она колышет мою лодочку!...»

Конечно, никакого моря вокруг не было и в помине, но домик кума Тыквы и в самом деле покачивался то вправо, то влево. Это происходило оттого, что кавалер Помидор ухватился за край крыши обеими руками и стал трясти домик изо всех сил. Крыша ходила ходуном, и аккуратно уложенная черепица разлеталась во все стороны.

Кум Тыква поневоле открыл глаза, когда синьор Помидор издал такое грозное рычание, что двери и окна в соседних домах закрылись еще плотнее, а тот, кто запер дверь только на один оборот ключа, поспешил повернуть ключ в замочной скважине еще разок или два.

— Злодей! — кричал синьор Помидор. — Разбойник! Вор! Мятежник! Бунтовщик! Ты построил этот дворец на земле, которая принадлежит графиням Вишням, и собира-

ешься провести остаток своих дней в безделье, нарушая священные права двух бедных, престарелых синьор — вдов и круглых сирот. Вот я тебе покажу!

— Ваша милость, — взмолился кум Тыква, — уверяю вас, что у меня было разрешение на постройку домика! Мне его дал когда-то сам синьор граф Вишня!

— Граф Вишня умер тридцать лет тому назад — мир его праху! — а теперь земля принадлежит двум благополучно здравствующим графиням. Поэтому убирайся отсюда вон без всяких разговоров! Остальное тебе разъяснит адвокат... Эй, Горошек, где вы тут? Живо!

Синьор Зеленый Горошек, деревенский адвокат, видно, был наготове, потому что немедленно выскочил откуда-то, словно горошинка из стручка. Каждый раз, когда Помидор являлся в деревню, он звал этого расторопного малого, чтобы тот подтвердил его распоряжения подходящими статьями закона.

— Я здесь, ваша милость, к вашим услугам... — пролепетал синьор Горошек, низко кланяясь и зеленея от страха.

Но он был такой маленький и юркий, что его поклона никто и не заметил. Боясь показаться недостаточно вежливым, синьор Горошек подпрыгнул повыше и задрогал ногами в воздухе.

— Эй, как вас там, скажите-ка этому бездельнику Тыкве, что по законам королевства он должен немедленно убираться отсюда прочь. И объявите всем здешним жителям, что графини Вишни намерены посадить в эту конуру самую злую собаку, для того чтобы стеречь графские владения от мальчишек, которые с некоторого времени стали вести себя крайне непочтительно.

— Да-да. Действительно непочтительно... то есть... — бормотал Горошек, еще пуще зеленея от страха. — То есть недействительно почтительно!

— Что там — «действительно» или «недействительно»? Адвокат вы или нет?

— О да, ваша милость, специалист по гражданскому, уголовному, а также каноническому праву. Окончил университет в Саламанке. С дипломом и званием...

— Ну, ежели с дипломом и званием, так, стало быть, вы подтвердите, что я прав. А затем можете убираться вос-
вояси.

— Да-да, синьор кавалер, как вам будет угодно!.. — И синьор адвокат, не заставляя себя просить дважды, ускользнул прочь быстро и незаметно, как мышинный хвост.

— Ну что, ты слышал, что сказал адвокат? — спросил Помидор кума Тыкву.

— Да ведь он ровно ничего не сказал! — слышался чей-то голос.

— Как? Ты осмеливаешься еще спорить со мною, несчастный?

— Ваша милость, я и рта не открывал... — пролепетал кум Тыква.

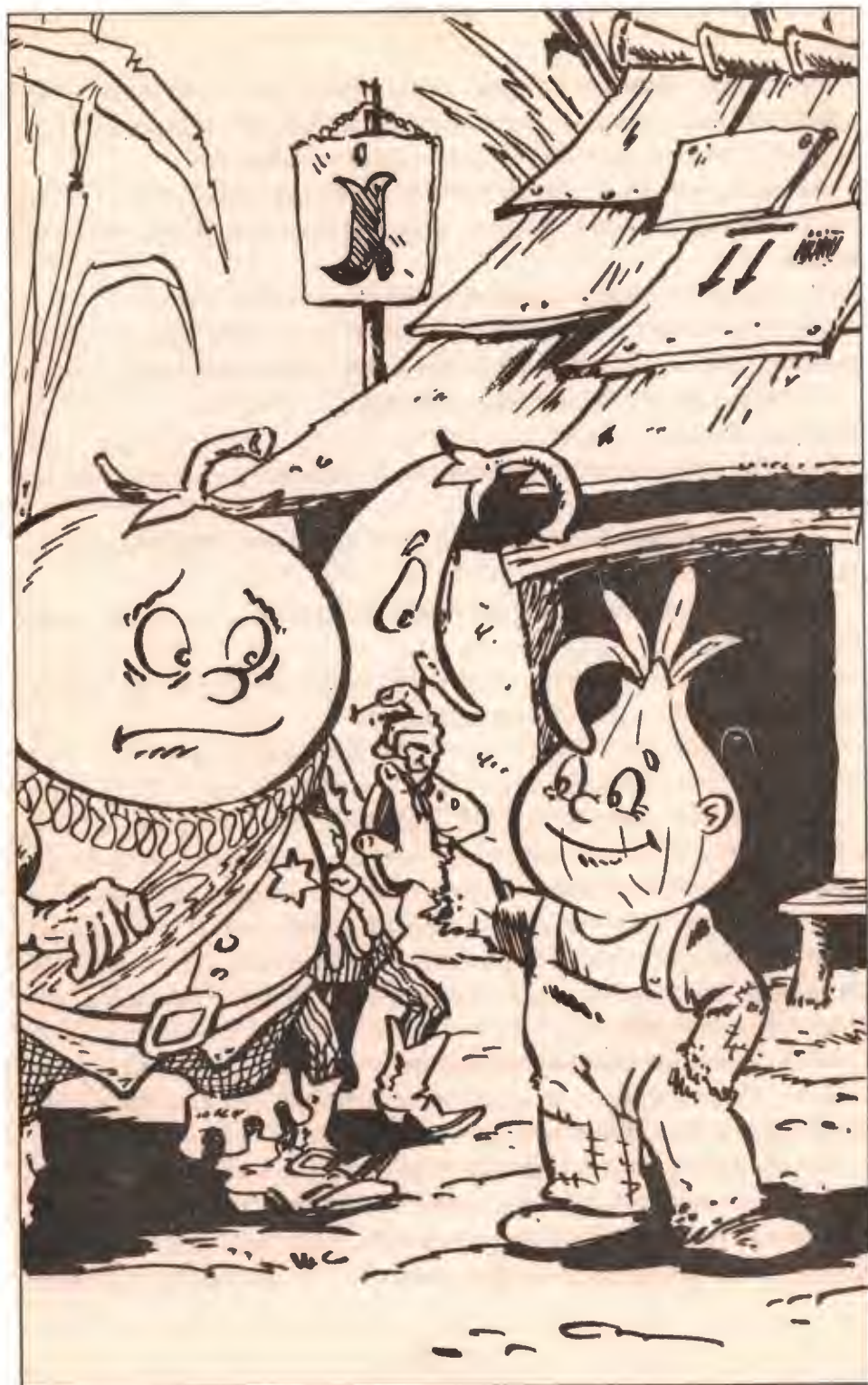
— А кто же, если не ты? — И кавалер Помидор с угрожающим видом осмотрелся вокруг.

— Мошенник! Плут! — снова слышался тот же го-
лос.

— Кто это говорит? Кто? Наверно, этот старый мятежник, мастер Виноградинка! — решил кавалер Помидор. Он подошел к мастерской сапожника и, ударив дубинкой в дверь, прорычал: — Я прекрасно знаю, мастер Виноградинка, что в вашей мастерской зачастую произносятся дерзкие, мятежные речи против меня и благородных графинь Вишен! Вы не питаете никакого почтения к этим престарелым знатым синьорам — вдовам и круглым сиротам. Но погодите: придет и ваш черед. Посмотрим, кто будет смеяться последним!

— А еще раньше придет твой черед, синьор Помидор! Ох, лопнешь ты скоро, непременно лопнешь!

Слова эти произнес не кто иной, как Чиполлино. Засунув руки в карманы, он так спокойно и уверенно подошел

к грозному кавалеру Помидору, что тому и в голову не пришло, что правду в глаза осмелился ему высказать этот жалкий мальчуган, этот маленький бродяга.

— А ты откуда взялся? Почему не на работе?

— Я еще не работаю, — ответил Чиполлино. — Я пока только учусь.

— А что ты изучаешь? Где твои книги?

— Я изучаю мошенников, ваша милость. Как раз сейчас передо мной стоит один из них, и я ни за что не упущу случая изучить его как следует.

— Ах, ты изучаешь мошенников? Это любопытно. Впрочем, в этой деревне все мошенники. Если ты нашел нового, покажи-ка мне его.

— С удовольствием, ваша милость, — ответил Чиполлино, лукаво подмигнув.

Тут он поглубже засунул руку в левый карман и вытащил оттуда маленькое зеркальце, которым он обычно пускал солнечных зайчиков. Подойдя совсем близко к синьору Помидору, Чиполлино повертел зеркальцем перед самым его носом.

— Вот он, этот мошенник, ваша милость. Если вам угодно, посмотрите-ка на него хорошенько. Узнаете?

Кавалер Помидор не удержался от искушения и одним глазом посмотрел в зеркальце. Неизвестно, что он надеялся там увидеть, но, конечно, увидел только свою собственную красную, как огонь, физиономию со злыми маленькими глазками и широким ртом, похожим на прорезь копилки.

Тут-то синьор Помидор наконец понял, что Чиполлино попросту издевается над ним. Ну и взбесился же он! Весь побагровев, он вцепился обеими руками Чиполлино в волосы.

— Ой-ой-ой! — закричал Чиполлино, не теряя присущей ему веселости. — Ах, как силен этот мошенник, которого вы увидели в моем зеркальце! Уверю вас, он один стоит целой шайки разбойников!

— Я покажу тебе, плут!.. — заорал кавалер Помидор и так сильно дернул Чиполлино за волосы, что одна прядь осталась у него в руках.

Но тут случилось то, что и должно было случиться.

Вырвав у Чиполлино прядь луковых волос, грозный кавалер Помидор вдруг почувствовал едкую горечь в глазах и в носу. Он чихнул разок-другой, а потом слезы брызнули у него из глаз, как фонтан. Даже как два фонтана. Струйки, ручьи, реки слез текли по обеим его щекам так обильно, что залили всю улицу, словно по ней прошелся дворник со шлангом.

«Этого еще со мной никогда не бывало!» — думал перепуганный синьор Помидор.

И в самом деле, он был такой бессердечный и жестокий человек (если только можно назвать помидор человеком), что никогда не плакал, а так как он был к тому же богат, ему ни разу в жизни не приходилось самому чистить лук. То, что с ним произошло, так напугало его, что он вскочил в карету, хлестнул лошадей и умчался прочь. Однако, удирая, обернулся и прокричал:

— Эй, Тыква, смотри же, я тебя предупредил!.. А ты, подлый мальчишка, оборванец, дорого заплатишь мне за эти слезы!

Чиполлино покатывался со смеху, а кум Тыква только утирал пот со лба. Двери и окна начали понемножку открываться во всех домах, кроме дома, в котором жил синьор Горошек.

Мастер Виноградинка распахнул настежь свою калитку и выскочил на улицу, ожесточенно почесывая затылок шилом.

— Клянусь всей дратвой в мире, — воскликнул он, — наконец-то нашелся парнишка, который заставил плакать кавалера Помидора!.. Откуда ты взялся, мальчик?

И Чиполлино рассказал мастеру Виноградинке и его соседям свою историю, которую вы уже знаете.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

*в которой рассказывается о профессоре Груше,
о Луке Порее и о Тысяченожках*

С этого самого дня Чиполлино начал работать в мастерской Виноградинки и скоро достиг больших успехов в сапожном деле: натирал воском дратву, подбивал подметки, ставил набойки, снимал мерку с ног заказчиков и при этом не переставал шутить.

Мастер Виноградинка был доволен им, и дела у них шли отлично не только потому, что они усердно работали, но и потому, что многие заходили в мастерскую, чтобы посмотреть на смелого мальчишку, который заставил плакать самого кавалера Помидора. За короткое время Чиполлино приобрел много новых знакомых.

Первым пришел профессор Груша, учитель музыки, со скрипкой под мышкой. За ним влетело целое облако мух и ос, потому что скрипка профессора Груши была сделана из половинки ароматной, сочной груши, а мухи, как известно, большие охотницы до всего сладкого.

Очень часто, когда профессор Груша давал концерт, слушатели кричали ему из зала:

— Профессор, обратите внимание — на вашей скрипке сидит большая муха! Вы из-за нее фальшивите!

Тут профессор прерывал игру и гонялся за мухой до тех пор, пока ему не удавалось прихлопнуть ее смычком.

А иногда в его скрипку залезал червяк и проделывал в ней длинные извилистые коридоры. Инструмент от этого

портился, и профессору приходилось обзаводиться новым, чтобы играть как следует, а не фальшивить.

Вслед за профессором Грушей явился огородник Лук Порей. У него был густой чуб, спадающий на лоб, и длинные-предлинные усы.

— Из-за этих усов, — жаловался Лук Порей Чиполлино, — у меня немало неприятностей. Когда моя жена собирается сушить белье, он сажает меня на балкон, привязывает мои усы за кончики к двум гвоздям и вешает на них свои простыни, рубашки и чулки. А я должен сидеть на солнце до тех пор, пока белье не высохнет. Вот видишь, какие у меня следы на усах!

Действительно, на усах Лука Порея виднелись следы от деревянных защипок.

Однажды в мастерскую пришло семейство Тысяченожек: отец и двое сыновей — Тысяченожка и Тысячелапка. Сыновья ни одной минуты не могли спокойно постоять на месте.

— Они у вас всегда такие непоседы? — спросил Чиполлино.

— Что вы! — вздохнул Тысяченожка-отец. — Сейчас-то они еще спокойны, как ангелы, а вот вы бы посмотрели, что с ними делается, когда моя жена их купает! Пока она моет им переднюю сотню ног, они успевают загрязнить задние; вымоет задние — глядь, а передние снова чернее черного. Она возится с ними без конца и каждый раз изводит целый ящик мыла.

Мастер Виноградинка почесал затылок и спросил:

— Ну что, снимать с ваших малышей мерку?

— Да что вы, Бог с вами, разве я могу заказать столько башмаков? Мне пришлось бы работать всю жизнь, чтобы заплатить за тысячу пар ботинок.

— Верно, — согласился мастер Виноградинка. — Да у меня на них и кожи в мастерской не наберется.

— Ну, так вы посмотрите, какие из ботинок больше всего износились. Сменим хотя бы несколько пар.

Пока мастер Виноградинка и Чиполлино осматривали у ребят подметки и набойки, Тысяченожка и Тысячелапка изо всех сил старались стоять спокойно, но это у них не очень-то выходило.

— Ну вот, — сказал сапожник, — этому мальцу нужно переменить первые две пары и еще трехсотую пару.

— Нет, трехсотая пока еще годится, — торопливо возразил отец Тысяченожка. — Подбейте ему только каблук.

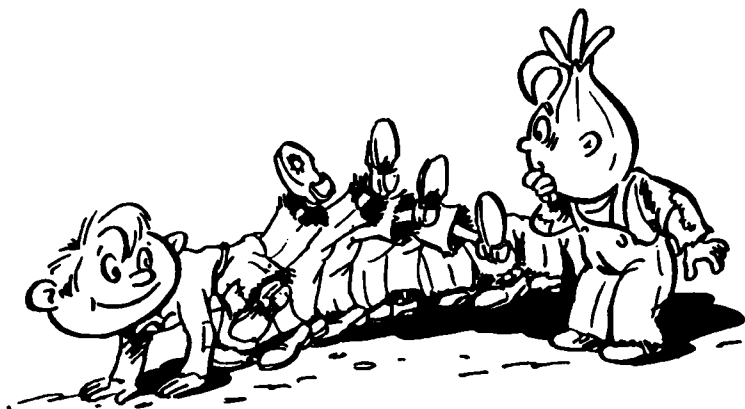
— А другому мальчугану надо сменить десять башмаков подряд на правой стороне.

— Сколько я им твержу, чтобы они не шаркали ногами! Да разве эти ребята умеют ходить? Они скачут, приплясывают, прыгают на одной ноге. И что же получается в конце концов: все правые башмаки стоптались раньше левых. Вот как туго приходится нам, Тысяченожкам!

Мастер Виноградинка только рукой махнул:

— Эх, все дети одинаковы! Две у них ноги или тысяча — это, в сущности, все равно. Они способны изорвать тысячу пар ботинок на одной-единственной ноге.

Наконец семья Тысяченожек засеменила прочь. Тысяченожка и Тысячелапка умчались, как на колесах. Папа Тысяченожка не умел так быстро передвигаться — он немного прихрамывал. Совсем чуть-чуть, всего только на сто восемнадцать ног.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*о том, как Чиполлино одурачил пса Мастино,
которому очень хотелось пить*

А что же стало с домиком кума Тыквы?

В один далеко не прекрасный день кавалер Помидор снова прикатил в своей карете, в которую были запряжены четыре огурца, но на этот раз его сопровождала дюжина Лимончиков. Без долгих разговоров кума Тыкву выгнали из домика и вместо него поселили там здорового сторожевого пса по имени Мастино.

— Вот вам! — заявил Помидор, угрожающе посматривая вокруг. — Теперь все ваши мальчишки научатся уважать меня, а прежде всего — тот пришлый оборванец, которого мастер Виноградинка взял к себе в дом.

— Правильно! Правильно! — глухо пролаял Мастино.

— Что же касается старого дурака Тыквы, — продолжал синьор Помидор, — то это научит его повиноваться моим приказаниям. А если ему очень хочется иметь крышу над головой, то для него всегда найдется уютное, удобное местечко в тюрьме. Там на всех хватит места.

— Правильно! Правильно! — снова подтвердил Мастино.

Мастер Виноградинка и Чиполлино, стоя на пороге мастерской, видели и слышали все, что происходит, но не могли ничем помочь старику.

Кум Тыква печально сидел на тумбе и щипал себя за бороду. Каждый раз при этом у него в руке оставался клочок волос. В конце концов он решил бросить это занятие, что-

бы не остаться совсем без бороды, и начал тихонько вздыхать — ведь вы помните, что у кума Тыквы был большой запас вздохов!

Наконец синьор Помидор влез в свою карету. Мастино сделал стойку и отдал хозяину честь хвостом.

— Смотри сторожи хорошенько! — приказал ему кавалер на прощанье, хлестнул по огурцам, и карета умчалась в облаке пыли.

Был чудесный, жаркий летний день. После отъезда хозяина Мастино немножко погулял перед домиком взад и вперед, высунув от жары язык и обмахиваясь хвостом, как веером. Но это не помогало. Мастино изнемог от жажды и решил, что ему не повредил бы добрый стаканчик холодного пива.

Он огляделся по сторонам, высматривая какого-нибудь мальчишку, чтобы послать его за пивом в ближайший трактир, но на улице, как назло, никого не было.

Правда, в сапожной мастерской перед открытой дверью сидел Чиполлино и усердно вошил дратву, но от него шел такой горький луковый запах, что Мастино не решался позвать его.

Однако Чиполлино сам увидел, что пес изнывает от жары.

«Будь я не Чиполлино, если я не сыграю с ним шутку!» — подумал он.

А зной становился все сильнее, потому что солнце поднималось все выше. Бедному Мастино так хотелось пить!

«Чего это я наелся сегодня утром? — припоминал он. — Может быть, мой суп пересолили? Во рту горит, а язык тяжелый, будто на него налипло фунтов двадцать замазки».

Тут Чиполлино выглянул из двери.

— Эй! Эй! — окликнул его Мастино слабым голосом.

— Вы ко мне обращаетесь, синьор?

— К вам, к вам, юноша! Сбегайте и принесите мне, пожалуйста, холодного лимонаду.

— Ах, я бы с великой радостью сбегал, синьор Мастино, но, видите ли, мой хозяин только что дал мне починить этот ботинок, так что я никак не могу отлучиться. Очень сожалею.

И Чиполлино без лишних слов вернулся к себе в мастерскую.

— Лентяй! Невежа! — буркнул пес, проклиная цепь, которая мешала ему самому забежать в трактир.

Через некоторое время Чиполлино появился снова.

— Синьорино, — спросил пес, — может быть, вы принесете мне хоть стакан простой воды?

— Да я бы с большим удовольствием, — отозвался Чиполлино, — только сейчас мой хозяин приказал мне починить каблуки на туфлях синьора священника.

По правде сказать, Чиполлино от души жалел бедного пса, который томился от жажды, но ему было очень не по душе то ремесло, которым занимался Мастино, а кроме того, ему хотелось еще разок проучить синьора Помидора.

К трем часам дня солнце стало припекать так, что даже камни на улице вспотели. Мастино чуть ли не взбесился от жары и жажды. Наконец Чиполлино поднялся со своей скамеечки, налил в бутылку воды и подсыпал туда белого порошку, который жена мастера Виноградинки принимала на ночь от бессонницы.

Заткнув пальцем горлышко бутылки и поднеся ее к губам, он сделал вид, что пьет.

— Ах, — сказал он, поглаживая себя по животу, — какая чудесная, холодная, свежая вода!

У Мастино потекли слюнки, так что ему на минутку стало даже легче.

— Синьор Чиполлино, — сказал он, — а эта вода чистая?

— Еще бы! Она прозрачнее слезы!

— А в ней нет микробов?

— Помилуйте! Эту воду очистили и процедили два знаменитых профессора. Микробы они оставили себе, а воду дали мне за то, что я починил им туфли.

И Чиполлино снова поднес бутылку ко рту, притворяясь, будто пьет.

— Синьор Чиполлино, — спросил удивленный Мастино, — как это у вас получается, что бутылка все время остается полной?

— Дело в том, — ответил Чиполлино, — что эта бутылка — подарок моего покойного дедушки. Она волшебная и никогда не бывает пустой.

— А вы мне не позволите отхлебнуть немного — хоть глоточек? Один глоточек!

— Глоточек? Да пейте сколько хотите! — ответил Чиполлино. — Я же сказал вам, что моя бутылка никогда не пустеет.

Можете себе представить, как обрадовался Мастино. Он без конца благодарил доброго синьора Чиполлино, лизал ему ноги и вилял перед ним хвостом. Даже со своими хозяйками — графинями Вишнями он никогда не бывал так обходителен.

Чиполлино охотно протянул Мастино бутылку. Пес схватил ее и с жадностью осушил до дна одним глотком. Посмотрев на пустую бутылку, он удивился:

— Как, уже все? А вы же мне сказали, что бутыл...

Не успел он договорить это слово, как свалился и заснул.

Чиполлино снял с него цепь, взвалил пса на плечи и пошел к замку, где жили графини Вишни и кавалер Помидор. Обернувшись назад, он увидел, что кум Тыква уже вновь завладел своим домиком. Лицо старика, высунувшего из окошечка растрепанную рыжую бородку, выражало неопишемую радость.

«Бедный пес! — думал Чиполлино, идя к замку. — Ты уж прости меня, пожалуйста, но я должен был сделать

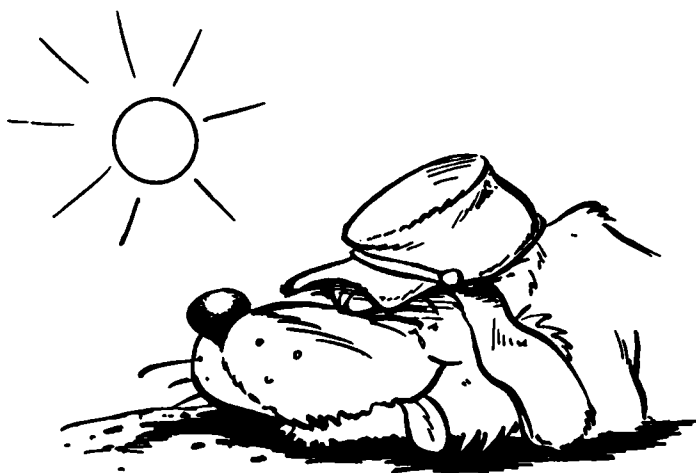
это. Неизвестно только, как ты отблаговаришь меня за свежую воду, когда проснешься!»

Ворота замка были открыты. Чиполлино положил собаку на траву в парке, ласково погладил ее и сказал:

— Передай от меня привет кавалеру Помидору. И обеим графиням тоже.

Мастино ответил блаженным ворчанием. Ему снилось, будто он купается в горном озере, в приятной, прохладной воде. Плавая, он пьет вволю и сам постепенно превращается в воду: у него сделался водяной хвост, водяные уши и четыре лапы, легкие и длинные, как струи фонтана.

— Спи спокойно! — добавил Чиполлино и пошел обратно в деревню.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Кум Черника вешает над дверью колокольчик для воров

Возвратившись в деревню, Чиполлино увидел, что у домика Тыквы собралось много народу. Люди тревожно, вполголоса спорили между собой. Видно было, что они не на шутку напуганы.

— Что-то еще выкинет кавалер Помидор? — спрашивал профессор Груша печально и озабоченно.

— Я думаю, что эта история плохо кончится. Как ни верти, они здесь хозяева — вот они и делают что хотят, — говорила кума Тыквочка.

Жена Лука Порей сразу же согласилась с ней и, ухватив мужа за усы, как за вожжи, крикнула:

— А ну-ка, заворачивай домой, пока не случилось чего похуже!

Даже мастер Виноградинка в тревоге покачивал головой:

— Кавалер Помидор остался в дураках уже два раза. Он непременно захочет отомстить!

Не беспокоился только кум Тыква. У него опять нашлись в кармане леденцы, и он угощал ими всех присутствующих, чтобы отпраздновать радостное событие.

Чиполлино взял одну конфетку, пососал ее в раздумье и сказал:

— Я тоже думаю, что Помидор так легко не сдастся.

— Но тогда... — испуганно вздохнул Тыква.

Счастливая улыбка сразу сошла с его лица, будто солнце скрылось за тучей.

— Я думаю, что нам остается одно: спрятать домик.

— Как это так спрятать?

— Да очень просто. Если б это был дворец, нам бы, конечно, спрятать его не удалось. Но ведь домик такой маленький, что его можно увезти на тележке тряпичника.

Фасолинка, сын тряпичника, сбегал домой и тотчас же вернулся с тележкой.

— Вы хотите погрузить домик на тележку? — озабоченно спросил кум Тыква.

Он боялся, как бы его драгоценный домик не рассыпался на куски.

— Не беспокойся, ничего с твоим домиком не сделается! — засмеялся Чиполлино.

— А куда мы его повезем? — снова спросил кум Тыква.

— Можно пока затащить его ко мне в погреб, — предложил мастер Виноградинка, — а там посмотрим.

— А если синьор Помидор как-нибудь об этом узнает?

Тут все разом посмотрели на адвоката Горошка, который словно ненароком проходил мимо, делая вид, будто это вовсе не он.

Адвокат покраснел и стал клясться и божиться:

— От меня кавалер Помидор никогда ничего не узнает. Я не доносчик, я честный адвокат!

— В погребе домик отсыреет и может рассыпаться, — робко возразил кум Тыква. — Почему бы не спрятать его в лесу?

— А кто за ним там присмотрит? — спросил Чиполлино.

— В лесу живет мой знакомый, кум Черника, — сказал профессор Груша. — Можно поручить домик ему. А там видно будет.

На том и порешили.

В несколько минут домик был погружен на тележку. Кум Тыква со вздохом попрощался с ним и отправился к своей внучке, куме Тыковочке, отдохнуть после всех пережитых волнений.

А Чиполлино, Фасолинка и Груша повезли домик в лес. Везти его было нетрудно: он весил не больше, чем птичья клетка.

Кум Черника проживал в прошлогодней каштановой скорлупе, толстой, с шипами. Это была очень тесная квартира, но кум Черника удобно устроился в ней со всем своим имуществом, которое состояло из одной половинки ножниц, заржавленной бритвы, иголки с ниткой и корочки сыра.

Когда кум Черника услышал, о чем его просят, он сначала страшно встревожился:

— Жить в таком большом доме? Нет, я на это никогда не соглашусь. Это невозможно! Что я буду делать один в огромном и пустом дворце? Мне хорошо и в моей каштановой скорлупке. Знаете пословицу: в своем доме и стены помогают.

Однако когда кум Черника узнал, что нужно оказать услугу куму Тыкве, он сразу согласился:

— Я всегда сочувствовал старику. Однажды я предупредил его, что к нему за шиворот заползла гусеница. Ведь я этим, можно сказать, спас его от гибели!

Домик поставили у подножия большого дуба. Чиполлино, Фасолинка и Груша помогли куму Чернике перенести в новую квартиру все его богатства и распрощались, но обещали скоро вернуться с хорошими вестями.

Оставшись один, кум Черника не на шутку обеспокоился: а вдруг к нему нагрянут воры!

«Теперь, когда у меня такой большой дом, — думал он, — меня, конечно, попытаются обокрасть. Кто знает, может быть, меня убьют во сне, вообразив, что у меня спрятаны невесть какие сокровища!»

Он подумал-подумал и решил повесить над дверью колокольчик, а под ним записку, на которой было выведено печатными буквами:

«Покорнейшая просьба к синьорам вора́м позвонить в этот колокольчик. Их сейчас же впустят, и они своими глазами убедятся, что здесь красть нечего».

Написав записку, он успокоился и после заката солнца мирно улегся спать.

В полночь его разбудил звонок.

— Кто там? — спросил кум Черника, выглянув в окно.

— Воры! — ответил грубый голос.

— Иду, иду! Подождите, пожалуйста, я только халат накину, — сказал кум Черника вставая.

Он надел халат, отпер дверь и пригласил воров осмотреть весь дом. Воры оказались двумя здоровенными, высокими парнями с черными бородами. Они по очереди, осторожно, чтобы не набить шишку, всунули головы в домик и очень скоро удостоверились, что тут действительно нечем поживиться.

— Видите, синьоры? Убедились? — радовался кум Черника, потирая руки.

— Хм, да... — пробурчали разочарованные воры.

— Поверьте, мне очень неприятно отпускать вас с пустыми руками, — продолжал Черника. — Не могу ли я чем-нибудь услужить вам? Хотите побриться? У меня здесь есть бритва — правда, старенькая: это наследство моего прадедушки. Но мне кажется, что она еще кое-как бреет.

Воры согласились. Они с грехом пополам побрились ржавой бритвой и ушли, несколько раз поблагодарив хозяина. В общем, они оказались славными ребятами.

Кто знает, отчего им пришлось заняться таким нехорошим ремеслом!

Кум Черника вновь улегся в постель и заснул.

В два часа ночи его разбудил второй звонок. Пришли еще двое воров.

— Войдите! — сказал кум Черника. — Но, разумеется, поодиночке, чтобы дом не обрушился.

У этих воров бороды не было, но у одного из них не оказалось и пуговиц на куртке.

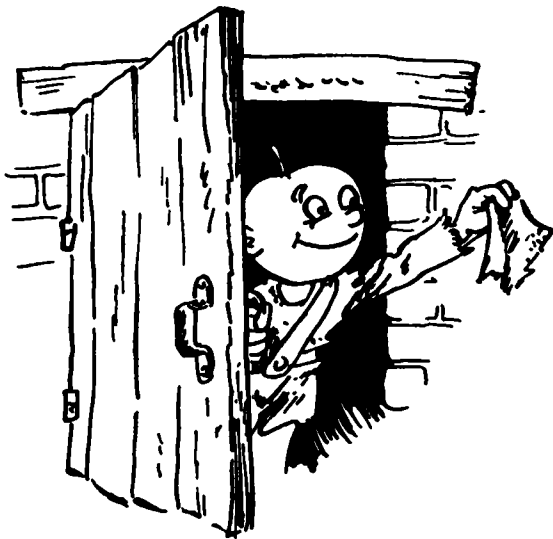
Ни единой пуговицы! Кум Черника подарил ему иголку с ниткой и посоветовал повнимательнее смотреть под ноги во время прогулок.

— Знаете, на дороге всегда валяется очень много пуговиц, — объяснил он вору.

Эти воры тоже ушли по своим делам.

Словом, каждую ночь кума Чернику будили воры, которые звонили в колокольчик, заглядывали в домик и уходили хоть и без добычи, но очень довольные знакомством с этим добрым и вежливым маленьким хозяином.

Итак, домик кума Тыквы был, как видите, в хороших руках. Давайте пока расстанемся с ним и посмотрим, что происходит в других местах.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*в которой рассказывается о том,
как много хлопот и неприятностей
доставили графиням их родственники —
барон Апельсин и герцог Мандарин*

Теперь нам нужно заглянуть в замок графинь Вишен, которые, как вы уже, вероятно, поняли, были владелицами всей деревни, ее домов, земель и даже церкви с колокольней.

В тот день, когда Чиполлино увез в лес домик кума Тыквы, в замке царило необычайное оживление: к хозяевам приехали родственники.

Родственников было двое: барон Апельсин и герцог Мандарин. Барон Апельсин был двоюродным братом покойного мужа синьоры графини Старшей. А герцог Мандарин приходился двоюродным братом покойному мужу синьоры графини Младшей. У барона Апельсина был необыкновенно толстый живот. Впрочем, ничего удивительного в этом не было, потому что он только и делал, что ел, давая челюстям отдых всего лишь на часок-другой во время сна.

Когда барон Апельсин был еще молод, он спал с вечера до утра, чтобы успеть переварить все, что съел за день. Но потом он сказал себе: «Спать — это только время терять: ведь когда я сплю, я не могу есть!»

Поэтому он решил питаться и ночью, оставив для пищеварения часа два в сутки. Чтобы утолить голод барона

Апельсина, из его многочисленных владений, раскинувшихся по всей области, к нему ежедневно направлялись обозы с самой разнообразной снедью. Бедные крестьяне уж и не знали, чего бы ему еще послать.

Он пожирал яйца, кур, свиней, коз, коров, кроликов, фрукты, овощи, хлеб, сухари, пироги... Двое слуг запикивали ему в рот все, что привозилось. Когда они уставали, их сменяли двое других.

В конце концов крестьяне послали сказать ему, что у них больше не осталось ничего съестного. Весь скот съеден, все плоды с деревьев обобраны.

— Ну так пришлите мне деревья! — приказал барон.

Крестьяне послали ему деревья, и он сожрал их, обматывая листья и корни в оливковое масло и посыпая солью.

Когда наконец все садовые деревья были уничтожены, барон начал продавать свои земли и на вырученные деньги покупать еду. Продав все поместья, он написал письмо синьоре графине Старшей и напросился к ней в гости.

По правде сказать, синьора графиня Младшая была не очень-то довольна:

— Барон проест все наше состояние. Он проглотит наш замок, точно блюдо макарон!

Синьора графиня Старшая заплакала:

— Ты не хочешь принимать моих родственников. Ах, ты никогда не любила моего толстого, бедного барона.

— Хорошо, — сказала графиня Младшая, — зови своего барона. Но тогда я приглашу герцога Мандарина, двоюродного брата моего бедного покойного мужа.

— Сделай одолжение! — презрительно ответила графиня Старшая. — Уж этот ест меньше, чем цыпленок. У твоего бедного мужа — мир его праху! — родственники такие маленькие и тощие, что их и от земли не видно. А у моего бедного покойного мужа — мир его праху! — родственники все как на подбор: высокие, толстые, видные.

И в самом деле, барон Апельсин был очень видной особой — он даже за версту казался целой горой. Пришлось сразу же нанять для него слугу, который возил бы его живот, — сам барон уже не в состоянии был таскать свое внушительное брюхо.

Помидор послал за тряпичником Фасолью, чтобы тот доставил в замок свою тележку. Но Фасоль не нашел тележки — ведь, как вы знаете, ее взял его сынишка, Фасолинка. Поэтому он прикатил тачку вроде той, в какой каменщики возят известку.

Синьор Помидор помог барону Апельсину уложить в тачку его толстое брюхо и крикнул:

— Ну, пошел!

Фасоль изо всех сил налег на ручки старой, расшатанной тачки, но не сдвинул ее и на сантиметр: барон только что очень сытно позавтракал. Позвали еще двух слуг. С их помощью барону удалось наконец совершить небольшую прогулку по аллеям парка. При этом колесо тачки то и дело наскакивало на самые большие и острые камни. Эти толчки так отдавались в животе у бедного барона, что он обливался холодным потом.

— Будьте поосторожнее, тут булыжники! — кричал он.

Фасоль и слуги стали заботливо объезжать все камни на дороге. Но из-за этого тачка угодила в яму.

— Эй вы, ротозей, ради самого неба, объезжайте ямы! — взмолился барон.

Однако, несмотря на толчки и ушибы, он не прерывал своего излюбленного занятия и по дороге старательно обгладывал жареного индюка, приготовленного синьорой графиней Старшей ему на закуску.

Герцог Мандарин тоже причинял хозяйкам и слугам немало хлопот. Служанка синьоры графини Младшей, бедная Земляничка, с утра до вечера гладила Мандарину рубашки. Когда же она приносила выглаженное белье, гер-

цог делал недовольную гримасу, фыркал, всхлипывал, а потом залезал на шкаф и кричал на весь дом:

— Помогите, умираю!

Синьора графиня Младшая прибежала сломя голову:

— Милый Мандарино, что с тобой?

— Ах, у вас так плохо погладили мои рубашки, что мне остается только умереть! Видно, я никому, никому на свете больше не нужен!

Чтобы уговорить его остаться в живых, синьора графиня Младшая дарила Мандарину одну за другой шелковые рубашки своего покойного мужа.

Герцог осторожно слезал со шкафа и начинал примерять рубашки.

Через некоторое время из его комнаты опять слышались крики:

— О небо, я умираю!

Синьора графиня Младшая снова мчалась к нему, хватаясь за сердце:

— Мой дорогой Мандарино, что случилось?

Герцог кричал с верхушки зеркала:

— О, я потерял самую лучшую запонку от воротничка и не хочу больше жить на свете! Это такая тяжелая утрата!

Чтобы утихомирить герцога, графиня Младшая в конце концов подарила ему все запонки своего покойного мужа, а запонки эти были из золота, серебра и драгоценных камней.

Словом, не успело закатиться солнце, как у синьоры графини Младшей не осталось больше никаких драгоценностей, а герцог Мандарин набрал полные чемоданы подарков и самодовольно потирал руки.

Непомерная жадность обоих родственников не на шутку беспокоила и огорчала графинь, и они срывали гнев на своем племяннике, бедном Вишенке, у которого не было ни отца, ни матери.

— Дармоед! — кричала на него синьора графиня Старшая. — Сейчас же иди решать задачи!

— Да я уже все решил...

— Решай другие! — сурово приказывала синьора графиня Младшая.

Вишенка послушно отправлялся решать другие задачи. Каждый день он решал столько задач, что исписывал несколько тетрадей, и за неделю у него накапливалась их целая гора.

В день приезда родственников графини то и дело накидывались на Вишенку:

— Что ты тут вертишься, лентяй?

— Я только хотел немножко погулять по парку...

— В парке гуляет барон Апельсин — там не место таким бездельникам, как ты. Сейчас же убирайся учить уроки!

— Да ведь я их уже выучил...

— Учи завтрашние!

Послушный Вишенка учил завтрашние уроки. Каждый день он учил столько уроков, что давно уже вызубрил на память все свои учебники и прочел все книги из библиотеки замка. Но когда графини видели в руках Вишенки книгу, они сердились еще больше:

— Сейчас же положи книгу на место, озорник! Ты ее порвешь.

— Но как же мне учить уроки без книг?

— Учи наизусть!

Вишенка уходил в свою комнату и учился, учился, учился — уже без книг, разумеется. От непрерывного учения у него начинала болеть голова, и тогда графини кричали на него:

— Ты вечно болеешь, потому что слишком много думаешь! Перестань думать — меньше будет расходов на лекарства.

Словом, что бы ни делал Вишенка, графини были им недовольны.

Вишенка не знал, как и ступить, чтобы не получить новой взбучки, и чувствовал себя ужасно несчастным.

Во всем замке у него был только один друг — служанка Земляничка. Она жалела этого бледного маленького мальчика в очках, которого никто не любил. Земляничка была ласкова с Вишенкой и по вечерам, когда он ложился спать, тайком приносила ему кусочек чего-нибудь вкусного.

Но в этот вечер все вкусное съел за обедом барон Апельсин.

Герцогу Мандарину тоже хотелось сладкого. Он бросил на пол салфетку, взобрался на буфет и завопил:

— Держите меня, а не то я брошусь вниз!

Однако на этот раз вопли ему не помогли: барон преспокойно доел сладкое, не обращая никакого внимания на Мандарина.

Синьора графиня Младшая стала перед буфетом на колени и со слезами на глазах умоляла своего дорогого родственника не умирать во цвете лет. Конечно, нужно было бы пообещать ему какой-нибудь подарок, чтобы он согласился слезть, но у графини уже ничего не осталось.

В конце концов герцог Мандарин понял, что пожить ему больше нечем и после долгих уговоров решил спуститься вниз с помощью кавалера Помидора, который от волнения и натуги был весь в поту.

В эту самую минуту синьору Помидору и принесли весть о таинственном исчезновении домика кума Тыквы.

Кавалер не стал долго думать: он немедленно послал жалобу принцу Лимону и попросил его отрядить в деревню десятка два Лимончиков-полицейских.

Лимончики прибыли на следующий день и сразу же навели в деревне порядок: обошли все дома и арестовали тех, кто попался им под руку.

Одним из первых был арестован мастер Виноградинка. Сапожник захватил с собой шило, чтобы почесывать на досуге затылок, и, ворча, последовал за полицейскими. Но Лимончики отобрали у него шило.

— Ты не имеешь права брать с собой в тюрьму оружие! — сказали они мастеру Виноградинке.

— А чем же мне чесать затылок?

— Когда захочешь почесаться, скажи кому-нибудь из начальства. Уж мы почешем тебе голову!

И Лимончик пощекотал сапожнику затылок своей острой саблей.

Арестовали и профессора Грушу.

Тот попросил разрешения захватить с собой скрипку и свечку.

— А зачем тебе свечка?

— Жена говорит, что в подземелье замка очень темно, а мне надо разучить новые ноты.

Словом, были арестованы все жители деревни.

Остались на свободе только синьор Горошек, потому что он был адвокат, и Лук Порей, потому что его попросту не нашли.

А Лук Порей вовсе и не прятался: он преспокойно сидел у себя на балконе. Усы его были натянуты вместо веревок, и на них сушилось белье. Увидев простыни, рубашки и чулки, Лимончики прошли мимо, не заметив хозяина, завешенного бельем.

Кум Тыква шел за Лимончиками, по своему обыкновению глубоко вздыхая.

— Чего это ты так часто вздыхаешь? — сурово спросил его офицер.

— Как же мне не вздыхать! Весь век свой я работал и только вздох копил. Каждый день по вздоху... Сейчас у меня их набралось несколько тысяч. Нужно же их как-нибудь в дело пустить!

Из женщин арестовали только одну куму Тыквочку, а так как идти в тюрьму она отказалась, полицейские сшибли ее с ног и докатили до самых ворот замка. Ведь она была такая кругленькая!

Но как ни хитры были Лимончики, а все-таки им не удалось арестовать Чиполлино, хоть все это время он сидел на заборе вместе с одной девочкой, которую звали Редиской, и задорно поглядывал на полицейских.

Проходя мимо, Лимончики даже спросили у него и Редиски, не видели ли они где-нибудь поблизости опасного мятежника по имени Чиполлино.

— Видели, видели! — закричали в ответ оба. — Он только что залез под треуголку вашему офицеру!

И, хохоча во все горло, ребята удрали прочь.

В тот же день Чиполлино и Редиска отправились к замку на разведку. Чиполлино решил во что бы то ни стало освободить пленников, и Редиска, разумеется, обещала помогать ему во всем.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

*в которой Вишенка не обращает внимания
на объявления синьора Петрушки*

Замок графинь Вишен стоял на вершине холма. Его окружал огромный парк. У ворот парка висело объявление, на одной стороне которого было написано: «Вход воспрещен», а на другой: «Выход воспрещен».

Лицевая сторона объявления была предназначена для деревенских ребят, чтобы отбить у них охоту перелезть через железную ограду. А другая — оборотная — сторона была предостережением для Вишенки, чтобы ему не вздумалось как-нибудь выйти из парка и отправиться в деревню к ребятам.

Вишенка гулял по парку один-одинешенек. Он осторожно ходил по ровным дорожкам, все время думая о том, как бы не наступить ненароком на клумбу и не растоптать грядки. Его наставник, синьор Петрушка, развесил по всему парку объявления, в которых было указано, что Вишенке разрешается и что ему запрещается. Так, у бассейна с золотыми рыбками висела надпись:

«Запрещается Вишенке окунать руки в воду!»

Было тут и другое объявление:

«Запрещается разговаривать с рыбами!»

В самой середине цветущей клумбы красовалась надпись:

«Запрещается трогать цветы! Нарушитель будет оставлен без сладкого!»

Было здесь даже такое предостережение:

«Тот, кто помнет траву, должен будет написать две тысячи раз слова: “Я — неблаговоспитанный мальчик”».

Все эти надписи придумал синьор Петрушка, домашний учитель и воспитатель Вишенки.

Мальчик попросил как-то у своих высокородных теток разрешения ходить в деревенскую школу вместе с теми ребятами, которые так весело пробегали мимо замка, размахивая ранцами, словно флагами. Но синьора графиня Старшая пришла в ужас:

— Как может граф Вишня сидеть на одной парте с каким-нибудь простым крестьянином! Это немыслимо!

Синьора графиня Младшая подтвердила:

— Вишни никогда не сидели на жесткой школьной скамье! Этого не было и никогда не будет!

В конце концов Вишенке наняли домашнего учителя, синьора Петрушку, который обладал удивительным свойством выскакивать неизвестно откуда и всегда некстати. Например, если Вишенка, готовя уроки, обратит внимание на муху, которая забралась в чернильницу, чтобы тоже поучиться писать, — сейчас же откуда ни возьмись появится синьор Петрушка. Он развернет свой огромный платок с красными и синими клетками, громко высморкается и начнет отчитывать бедного Вишенку:

— Несдобровать тем мальчикам, которые отрываются от своих занятий и смотрят на мух! С этого начинаются все несчастья. За одной мухой — другая, за ней — третья, четвертая, пятая... Потом эти мальчишки пялят глаза на пауков, кошек, на всех прочих животных и, конечно, забывают готовить уроки. Но ведь тот, кто не учит уроков, не может стать благонравным мальчиком. Неблагонравному мальчику не бывать благонадежным человеком. А неблагонадежные люди рано или поздно попадают в тюрьму. Итак, Вишенка, если ты не хочешь окончить свои дни в тюрьме, не смотри больше на мух!

А если Вишенка возьмет после уроков альбом, чтобы порисовать немножко, — глядь, синьор Петрушка опять тут как тут. Он медленно разворачивает клетчатый платок и снова заводит свое:

— Несдобровать тем мальчикам, которые теряют время на бумагомарание! Кем они станут, когда вырастут? В лучшем случае — малярами, теми грязными, плохо одетыми бедняками, которые целыми днями малюют узоры на стенах, а потом попадают в тюрьму, как того и заслуживают! Вишенка, разве ты хочешь угодить в тюрьму? Подумай, Вишенка!

Боясь тюрьмы, Вишенка прямо не знал, за что ему приняться.

К счастью, иной раз синьору Петрушке случалось немного поспать или посидеть в свое удовольствие за бутылочкой виноградной водки. В эти редкие минуты Вишенка был свободен. Однако синьор Петрушка и тут ухитрялся напомнить Вишенке о себе: повсюду были развешаны его поучительные надписи. Это давало ему возможность подремать лишний часок. Отдыхая под тенистым деревом, он был уверен, что его воспитанник не теряет времени даром и, гуляя по парку, усваивает полезные наставления.

Но когда Вишенка проходил мимо этих объявлений, он обычно снимал очки. Таким образом, он не видел того, что было написано на дощечках, и мог спокойно думать о чем хотел.

Итак, Вишенка гулял по парку, предаваясь своим мыслям. Как вдруг он услышал, что кто-то зовет его тоненьким голоском:

— Синьор Вишенка! Синьор Вишенка!

Вишенка обернулся и увидел за оградой мальчика примерно одних с ним лет, бедно одетого, с веселым и смышленным лицом. За мальчиком шла девочка лет десяти. Волосы у нее были заплетены в косичку, которая была похожа на хвостик редиски.

Вишенка вежливо поклонился и сказал:

— Здравствуйте, синьоры! Я не имею чести знать вас, но знакомство с вами будет мне весьма приятно.

— Так почему же вы не подойдете поближе?

— К сожалению, не могу: тут у нас вывешено объявление о том, что мне запрещено разговаривать с детьми из деревни.

— Да мы и есть дети из деревни, а ведь вы с нами уже разговариваете!

— А, в таком случае я сейчас к вам подойду!

Вишенка был очень благовоспитанный и застенчивый мальчик, но в решительные минуты умел действовать смело, без оглядки. Он двинулся напрямик по траве, позабыв, что топтать ее запрещается, и подошел к самой решетке ограды.

— Меня зовут Редиска, — представилась девочка. — А вот это Чиполлино.

— Очень приятно, синьорина. Весьма рад, синьор Чиполлино. Я о вас уже слышал.

— От кого же это?

— От кавалера Помидора.

— Ну, так, наверное, он ничего хорошего обо мне не сказал.

— Конечно, нет. Но именно потому я и подумал, что вы, должно быть, замечательный мальчик. И вижу, что не ошибся.

Чиполлино улыбнулся:

— Ну и чудесно! Так почему же мы так церемонимся и говорим на «вы», словно старые придворные? Давай на «ты»!

Вишенка сразу вспомнил надпись на дверях кухни, которая гласила: «Никому не говорить “ты”!» Это объявление учитель вывесил после того, как застал однажды Вишенку и Земляничку за дружеской беседой. Тем не менее Вишенка решил нарушить теперь и это правило. Он весело ответил:

— Согласен. Будем на «ты».

Редиска была ужасно довольна:

— А что я тебе говорила, Чиполлино? Видишь, Вишенка очень славный мальчик!

— Благодарю вас, синьорина, — сказал Вишенка с поклоном. Но тут же, покраснев, добавил просто: — Спасибо, Редисочка!

Все трое весело засмеялись. Сначала Вишенка улыбался лишь уголком рта, не забывая наставлений синьора Петрушки, который не раз говорил, что благовоспитанным мальчикам смеяться вслух не подобает. Но потом, услышав, как громко хохочут Чиполлино и Редиска, он тоже начал смеяться от всего сердца.

Такого звонкого и веселого хохота никогда еще не слышали в замке.

Обе благородные графини в эту минуту сидели на веранде и пили чай.

Синьора графиня Старшая услышала взрывы смеха и промолвила:

— Я слышу какой-то странный шум!

Синьора графиня Младшая кивнула:

— Я тоже слышу какие-то звуки. Должно быть, это дождь.

— Осмелюсь заметить вам, сестрица, что никакого дождя нет, — поучительно изрекла синьора графиня Старшая.

— Нет, так будет! — решительно возразила синьора графиня Младшая и посмотрела на небо, чтобы найти там подтверждение своим словам.

Однако небо было таким чистым, словно его подмели и обмыли пять минут назад. На нем не было видно ни одного облачка.

— Я думаю, что это шумит фонтан, — снова начала синьора графиня Старшая.

— Наш фонтан не может шуметь. Вам же известно, что в нем нет воды.

— Очевидно, садовник его починил.

Помидор тоже услышал странный шум и взволновался.

«В подземелье замка, — подумал он, — сидит много арестованных. Надо быть настороже, а то как бы чего не вышло!»

Он решил обойти парк и вдруг позади замка, там, где проходила дорога на деревню, наткнулась на всех троих ребят, которые весело болтали между собой.

Если бы разверзлось небо и оттуда на землю посыпались ангелы, кавалер Помидор не был бы так поражен.

Вишенка топчет траву! Вишенка по-приятельски беседует с двумя оборванцами!.. Да мало того: в одном из этих двух оборванцев синьор Помидор сразу же узнал мальчишку, который заставил его недавно проливать горькие слезы!

Кавалер Помидор пришел в бешенство. Лицо его так запылало, что если бы поблизости оказались пожарные, они бы немедленно подняли тревогу.

— Синьор граф! — завопил Помидор не своим голосом.

Вишенка обернулся, побледнел и прижался к решетке.

— Друзья мои, — прошептал он, — бегите, пока Помидор еще далеко. Мне-то он ничего не посмеет сделать, а вам несдобровать! До свидания!

Чиполлино и Редиска помчались со всех ног, но долго еще слышали за собой неистовые крики кавалера.

— На этот раз, — со вздохом сказала Редиска, — наш поход не удался!

Но Чиполлино только улыбнулся.

— А по-моему, сегодня очень удачный день. У нас появился новый друг, а это уже немало!

Оставшись один, этот новый друг, то есть Вишенка, ждал неминуемой головомойки, самого сурового возмездия от синьора Помидора, от синьора Петрушки, от синьоры графини Старшей, от синьоры графини Младшей, от барона Апельсина и герцога Мандарина.

Оба знатных родственника давно же поняли, что всякий, кто изводит Вишенку, доставляет этим удовольствие его теткам графиням, и не упускали случая кольнуть беззащитного мальчика. Ко всему этому он давно уже привык. Но на этот раз у Вишенки стоял комок в горле, и он с трудом сдерживал слезы. Его ничуть не пугали все эти крики, укоры, угрозы. Какое дело было ему до пронзительных визгов обеих графинь, до скучных нравоучений синьора Петрушки и беззубых насмешек герцога Мандарина! И все-таки он чувствовал себя очень несчастным. Первый раз в жизни он нашел друзей, впервые вдоволь наговорился и посмеялся от всего сердца — и вот теперь он снова один...

С той минуты, как Чиполлино и Редиска сбежали вниз с холма, они пропали для него навсегда. Увидит ли он их когда-нибудь? Чего бы только Вишенка не отдал, чтобы опять быть вместе с ребятами там, на свободе, где нет объявлений и запрещений, где можно бегать по траве и рвать цветы!

Первый раз в жизни Вишенка ощутил в сердце ту странную нестерпимую боль, которая называется страданием. Это было слишком много для него, и Вишенка почувствовал, что не может вынести такой муки.

Он бросился на землю и отчаянно зарыдал.

Кавалер Помидор поднял его, сунул под мышку, словно узелок, и пошел по аллее в замок.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Как прогнали из замка доктора Каштана

Вишенка проплакал целый вечер. Герцог Мандарин только и делал, что поддразнивал его.

— Наш юный граф весь изойдет слезами, — говорил он. — От Вишенки разве только косточка останется!

У барона Апельсина, как это бывает у некоторых очень толстых людей, еще сохранилось немного добродушия. Чтобы утешить Вишенку, он предложил ему кусочек своего торта. Правда, очень маленький кусочек, всего одну крошку. Но, принимая во внимание прожорливость барона, следует оценить его щедрость. Зато обе графини не только не пытались утешить Вишенку, а даже издевались над его слезами.

— Наш племянник может заменить собой испорченный фонтан в парке! — говорила синьора графиня Старшая.

— Фонтан слез! — смеялась синьора графиня Младшая.

— Завтра, — пригрозил Вишенке синьор Петрушка, — я заставлю тебя написать три тысячи раз: «Я не должен плакать за столом, ибо я мешаю пищеварению взрослых».

Когда наконец стало ясно, что Вишенка не собирается переставать плакать, его отправили в постель.

Земляничка пыталась как умела успокоить бедного мальчика, но ничто не помогало. Девушка так огорчилась, что и сама стала плакать вместе с ним.

— Сейчас же перестань реветь, негодная девчонка, — пригрозила синьора графиня Старшая, — не то я тебя выгоню!

От горя Вишенка даже заболел. У него начался такой озноб, что под ним тряслась кровать, а от его кашля дрожали в окнах стекла.

В бреду он все время звал:

— Чиполлино! Чиполлино! Редиска! Редиска!

Синьор Помидор заявил, что ребенок, видимо, заболел оттого, что его до смерти напугал опасный преступник, который бродит в окрестностях замка.

— Завтра же я прикажу его арестовать, — сказал он, чтобы успокоить больного.

— О нет, нет, пожалуйста, не надо! — всхлипывал Вишенка. — Арестуйте лучше меня, бросьте меня в самое темное и глубокое подземелье, но не трогайте Чиполлино. Чиполлино такой хороший мальчик, Чиполлино — мой единственный, мой настоящий друг!

Синьор Петрушка испуганно высморкался.

— Ребенок бредит. Очень тяжелый случай!..

Послали за самыми знаменитыми врачами.

Сначала пришел доктор синьор Мухомор и прописал микстуру из сушеных мух. Но микстура ничуть не помогла. Тогда явился доктор Черемуха и заявил, что сушеные мухи очень опасны при заболеваниях такого рода и что гораздо полезнее было бы обернуть больного в простыню, пропитанную соком японской черемухи.

Дюжину простынь перепачкали соком черемухи, но Вишенке лучше не стало.

— По-моему, — предложил доктор Артишок, — нужно обложить его сырыми артишоками!

— С колючками? — испуганно спросила Земляничка.

— Обязательно, иначе лекарство не принесет пользы.

Стали лечить Вишенку сырыми артишоками прямо с грядки: бедный мальчик кричал и подскакивал от уколов, словно с него сдирали кожу.

Видите, видите? — говорил, потирая руки, доктор Артишок. — У юного графа сильная реакция. Продолжайте лечение!

— Все это вздор и чепуха! — воскликнул известный профессор, синьор Салато-Шпинато. — Какой это осел прописал артишоки? Попробуйте лечить его свежим салатом.

Земляничка потихоньку послала за доктором Каштаном, который жил в лесу под большим каштаном. Его называли доктором бедняков, потому что он прописывал больным очень мало лекарств и платил за лекарства из собственного кармана.

Когда доктор Каштан подошел к воротам замка, слуги не хотели его впускать, потому что он прибыл не в карете, а пешком.

— Доктор без кареты — наверняка шарлатан и проходимец, — сказали слуги и собирались уже захлопнуть дверь перед носом у доктора, когда появился синьор Петрушка.

Петрушка, как вы помните, всегда выскакивал неизвестно откуда. Но на этот раз он подвернулся кстати и приказал впустить врача. Доктор Каштан внимательно осмотрел больного, велел показать язык, пощупал пульс, тихо задал Вишенке несколько вопросов, а потом вымыл руки и сказал очень печально и серьезно:

Ничего не болит у больного:
Пульс в порядке, и сердце здорово,
Не больна у него селезенка...
Одиночество губит ребенка!

— На намекаете? — грубо оборвал его Помидор.

— Я намекаю, а говорю правду. Этот мальчик ничем не болен — у него просто меланхолия.

— Что это за болезнь? — спросила синьора графиня Старшая.

Она очень любила лечиться, и стоило ей услышать название какой-нибудь новой, неизвестной болезни, как она сей-

час же находила ее у себя. Ведь графиня была так богата, что расходы на докторов и лекарства ее ничуть не пугали.

— Это не болезнь, синьора графиня, — это тоска, печаль. Ребенку нужна компания, нужны товарищи. Почему вы не пошлете его играть с другими детьми?

Ох, лучше бы уж он не говорил этого! На бедного доктора со всех сторон посыпался град упреков и оскорблений.

— Немедленно убирайтесь вон, — приказал синьор Помидор, — не то я велю слугам вытолкать вас в шею!

— Стыдитесь! — добавила синьора графиня Младшая. — Стыдитесь, что так гнусно злоупотребили нашим гостеприимством и доверчивостью! Вы обманом проникли в наш дом. Если бы я только захотела, я могла бы подать на вас в суд за самовольное и насильственное вторжение в частные владения. Не правда ли, синьор адвокат?

И она повернулась к синьору Горошку, который всегда оказывался поблизости, когда требовалась его помощь.

— Разумеется, синьора графиня! Это тягчайшее уголовное преступление!

И адвокат сейчас же пометил в своей записной книжке: «За консультацию графиням Вишням по делу о насильственном вторжении доктора Каштана в частные владения — десять тысяч лир».

ШОК, -

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Мышиный главнокомандующий вынужден дать сигнал к отступлению

Вы, конечно, хотите знать, что поделывают арестованные, то есть кум Тыква, профессор Груша, мастер Виноградинка, кума Тыквочка и другие жители деревни, которых кавалер Помидор приказал арестовать и бросить в подземелье замка.

К счастью, профессор Груша захватил с собой огарок свечи, зная, что в подземельях бывает очень темно и полным-полно мышей. Чтобы отогнать мышей, профессор начал играть на скрипке: мыши не любят серьезной музыки. Услышав пронзительные звуки скрипки, они пустились наутек, проклиная противный инструмент, голос которого так напоминал им кошачье мяуканье.

Однако в конце концов музыка вывела из себя не только мышей, но и мастера Виноградинку. Профессор Груша был особой меланхолического темперамента и всегда играл только грустные мелодии, от которых хотелось плакать.

Поэтому все арестованные попросили скрипача прекратить игру.

Но едва только наступила тишина, мыши, как вы сами понимаете, сейчас же пошли в атаку. Двигались они тремя колоннами. Главнокомандующий — генерал Мышь-Долгохвост руководил наступлением:

— Первая колонна заходит слева и прежде всего должна захватить свечку. Но горе тому, кто посмеет ее съесть! Я — ваш генерал, и мне надлежит первому вонзить в нее

зубы. Вторая колонна зайдет справа и бросится на скрипку. Эта скрипка сделана из половины сочной груши и, должно быть, превосходна на вкус. Третья колонна ударит в лоб и должна истребить врага.

Командиры колонн объяснили задачу рядовым мышам. Генерал Мышь-Долгохвост выехал в танке. Собственно говоря, это был не танк, а глиняный черепок, привязанный к хвостам десяти здоровенных мышей.

Трубачи протрубили атаку, и в несколько минут битва была окончена.

Однако сожрать скрипку мышам не удалось, так как профессор поднял ее высоко над головой, но свеча исчезла, как будто ее ветром сдуло, и наши друзья остались в темноте.

Исчезла и еще одна вещь, но вы узнаете потом, какая именно.

Кум Тыква был безутешен:

— Ох, и все это из-за меня!

— Почему из-за тебя? — буркнул мастер Виноградинка.

— Кабы я не вбил себе в голову, что мне нужно иметь свой домик, с нами не стряслась бы эта беда!

— Да успокойтесь, пожалуйста! — воскликнула кума Тыквочка. — Ведь не вы же посадили нас в тюрьму!

— Я уже старик, зачем мне дом?.. — продолжал сокрушаться кум Тыква. — Я мог бы ночевать под скамейкой в парке — там бы я никому не помешал. Друзья, пожалуйста, позовите тюремщиков и скажите им, что я подарю домик кавалеру Помидору и укажу место, где мы его спрятали.

— Ты не скажешь им ни одного словечка! — рассердился мастер Виноградинка.

Профессор Груша печально пощипал струны своей скрипки и прошептал:

— Если ты откроешь тюремщикам, где спрятан твой домик, ты впутаешь в это дело и кума Чернику, и...

— Ш-ш-ш! — зашипела кума Тыквочка. — Не называйте имен: здесь и у стен есть уши!

Все притихли и стали испуганно озираться по сторонам, но без свечки было так темно, что они никак не могли увидеть, есть ли у стен уши.

А уши у стен и в самом деле были. Вернее, одно ухо: круглая дырка, от которой шла труба, — нечто вроде секретного телефона, передававшего все, что говорилось в подземелье, прямехонько в комнату кавалера Помидора. К счастью, именно в эту минуту синьор Помидор не подслушивал, потому что суетился у постели больного Вишенки.

В наступившей тишине снова слышались протяжные звуки трубы: мыши готовились повторить атаку. Они были полны решимости захватить скрипку профессора Груши.

Чтобы напугать их, профессор приготовился дать концерт: он проложил скрипку к подбородку, вдохновенно взмахнул смычком, и все затаили дыхание.

Ожидание длилось довольно долго; в конце концов арестованные перевели дух, а инструмент так и не издал ни звука.

— Что, не получается? — осведомился мастер Виноградинка.

— Ах, мыши отъели у меня половину смычка! — воскликнул Груша со слезами в голосе.

Действительно, смычок был весь обглодан, так что от него осталось всего несколько сантиметров. Без смычка играть, конечно, нельзя было, а мыши уже перешли в наступление, испуская грозные, воинственные кличи.

— Ох, и все это из-за меня! — вздыхал кум Тыква.

— Перестань вздыхать и помоги нам, — сказал мастер Виноградинка. — Если уж ты так хорошо умеешь вздыхать и стонать, то, наверное, умеешь и мяукать.

— Мяукать? — обиделся кум Тыква. — Удивляюсь я тебе: кажется, серьезный ты человек, а в такую минуту шутики шутишь!

Мастер Виноградинка не стал ему отвечать, а так мастерски замяукал, что армия мышей остановилась.

— Мя-а-у! Мяу! — тянул сапожник.

— Мяу! Мяу! — жалобно вторил ему профессор, не переставая оплакивать бесславную гибель своего смычка.

— Клянусь памятью моего покойного деда, Мыша Третьего, короля всех погребов и кладовых, что они привели сюда кота! — воскликнул генерал Мышь-Долгохвост, разом затормозив свой танк.

— Генерал, нас предали! — завопил один из командиров, подбежав к нему. — Моя колонна столкнулась с целой дивизией чердачных котов и кошек, вооруженных до зубов!

На самом-то деле его войска не встретили ни одного кота — они только очень испугались. А у страха, как известно, глаза велики.

Генерал Мышь-Долгохвост потерял лапкой свой хвост. Когда он был озабочен, то всегда тер лапкой хвост, и от частого трения эта часть его тела так пострадала, что мыши-солдаты втихомолку называли своего командира генералом Бесхвостым.

— Памятью моего покойного предка, Мыша-Долгохвоста Первого, императора всех амбаров, клянусь, что предатели поплатятся за свое коварство! А сейчас дайте сигнал к отступлению.

Командиры не заставили его повторять приказание. Трубы заиграли отбой, и вся армия немедленно удалилась во главе с генералом Бесхвостым, который немилосердно нахлестывал мышей, тащивших его танк.

Таким образом наши друзья мужественно отразили нападение противника.

Поздравляя друг друга с одержанной победой, они вдруг услышали, что кто-то зовет тоненьким голоском:

— Кум Тыква! Кум Тыква!

— Это вы зовете меня, профессор?

— Нет, — сказал Груша, — не я.

— А мне слышалось, что меня кто-то кличет.

— Кума Тыквочка, а, кума Тыквочка! — снова раздался тот же голосок.

Тыквочка обернулась к мастеру Виноградинке:

— Мастер Виноградинка, это вы так пицчите?

— Да что с тобой? Я вовсе не думаю пиццать! Я только почесываю затылок, потому что у меня в голове так и зудит одна мысль.

— Кума Тыквочка, да отзовитесь же! — снова слышался голос. — Это я, Земляничка!

— Да где же ты?

— Я в комнате кавалера Помидора и говорю с вами по его секретному телефону. Вы слышите меня?

— Да, слышим.

— И я вас прекрасно слышу. Помидор скоро придет сюда. Меня просили вам кое-что передать.

— Кто просил?

— Ваш приятель Чиполлино. Он говорит, чтобы вы не тревожились. Положитесь на него. Он уж постарается освободить вас из тюрьмы. Только не говорите синьору Помидору, где находится домик Тыквы. Не сдавайтесь! Чиполлино все устроит.

— Мы ничего никому не скажем и будем ждать! — ответил за всех мастер Виноградинка. — Но передай Чиполлино, чтобы он поторопился, потому что нас тут осаждают мыши и мы не знаем, сколько времени продержимся. Не можешь ли ты как-нибудь доставить нам свечу и спички? У нас был огарок, но его съели мыши.

— Подождите немного, я сейчас вернусь.

— Конечно, подождем. Куда нам деваться!

Через некоторое время снова слышался голосок Землянички:

— Ловите, я бросаю свечку!

Послышался шорох, и что-то стукнуло кума Тыкву по носу.

— Тут, тут она! — радостно закричал старик.

В пакетике была целая сальная свечка и коробка спичек.

— Спасибо, Земляничка! — закричали все хором.

— До свидания, мне надо удирать: Помидор идет!

Действительно, в этот самый миг синьор Помидор вошел в комнату. Увидев Земляничку, которая возилась около его секретного телефона, кавалер страшно обеспокоился.

— Ты что тут делаешь?

— Чищу вот эту ловушку.

— Какую ловушку?

— Вот эту... Разве это не мышеловка?

Помидор вздохнул с облегчением. «Слава Богу, — подумал он, — служанка так глупа, что приняла мой секретный телефон за мышеловку!»

Он повеселел и даже подарил Земляничке бумажку от конфеты.

— Вот держи, — сказал он великодушно, — можешь облизать эту бумажку. Она сладкая, год назад в нее была завернута карамелька с ромом.

Земляничка поклонилась и поблагодарила кавалера:

— За семь лет службы вы мне дарите уже третью бумажку от конфет, ваша милость.

— Вот видишь! — пропыхтел Помидор. — Значит, я добрый хозяин. Веди себя хорошо, и ты будешь довольна.

— Кто волен, тот и доволен, — ответила Земляничка пословицей и, еще раз поклонившись, убежала по своим делам.

Кавалер Помидор потер руки, думая про себя: «Вот теперь я посижу у моего секретного телефона и послушаю, о чем болтают арестованные. Узнаю, наверное, много интересных вещей. Может быть, мне даже удастся открыть, где они прячут этот проклятый домик».

Однако заключенные, которых вовремя предупредила Земляничка, услышали, что синьор Помидор подходит к

слуховому отверстию, и, решив доставить ему несколько приятных минут, принялись ругать его на все корки.

Помидора так и подмывало крикнуть: «Вот я вас!» — но в то же время ему не хотелось себя обнаружить.

Поэтому, чтобы не слышать больше обидных слов, он счел за лучшее улечься на покой. Перед сном он плотно заткнул тряпкой свой самодельный телефон, у которого вместо трубки была самая обыкновенная воронка, какую употребляют для разлива вина в бутылки.

А в подземелье мастер Виноградинка зажег новую свечу.

Все посмотрели наверх и, обнаружив в углу потолка дырку от секретного телефона, всласть посмеялись над си-ньором Помидором, который, должно быть, лопался от злости, подслушав разговоры заключенных.

Однако веселье длилось в тюрьме недолго. Мышь-разведчик, увидев в камере свет, разнюхала, как обстоят дела, и, не тратя времени даром, помчалась с докладом к генералу Бесхвостому.

— Ваше превосходительство, — отрапортовала она весело, — коты ушли, а у людей новая свечка!

— Что? Свечка?

У Бесхвостого потекли слюнки, и он облизал усы, еще сохранявшие запах и вкус первого огарка.

— Трубите сбор! — приказал он в ту же минуту.

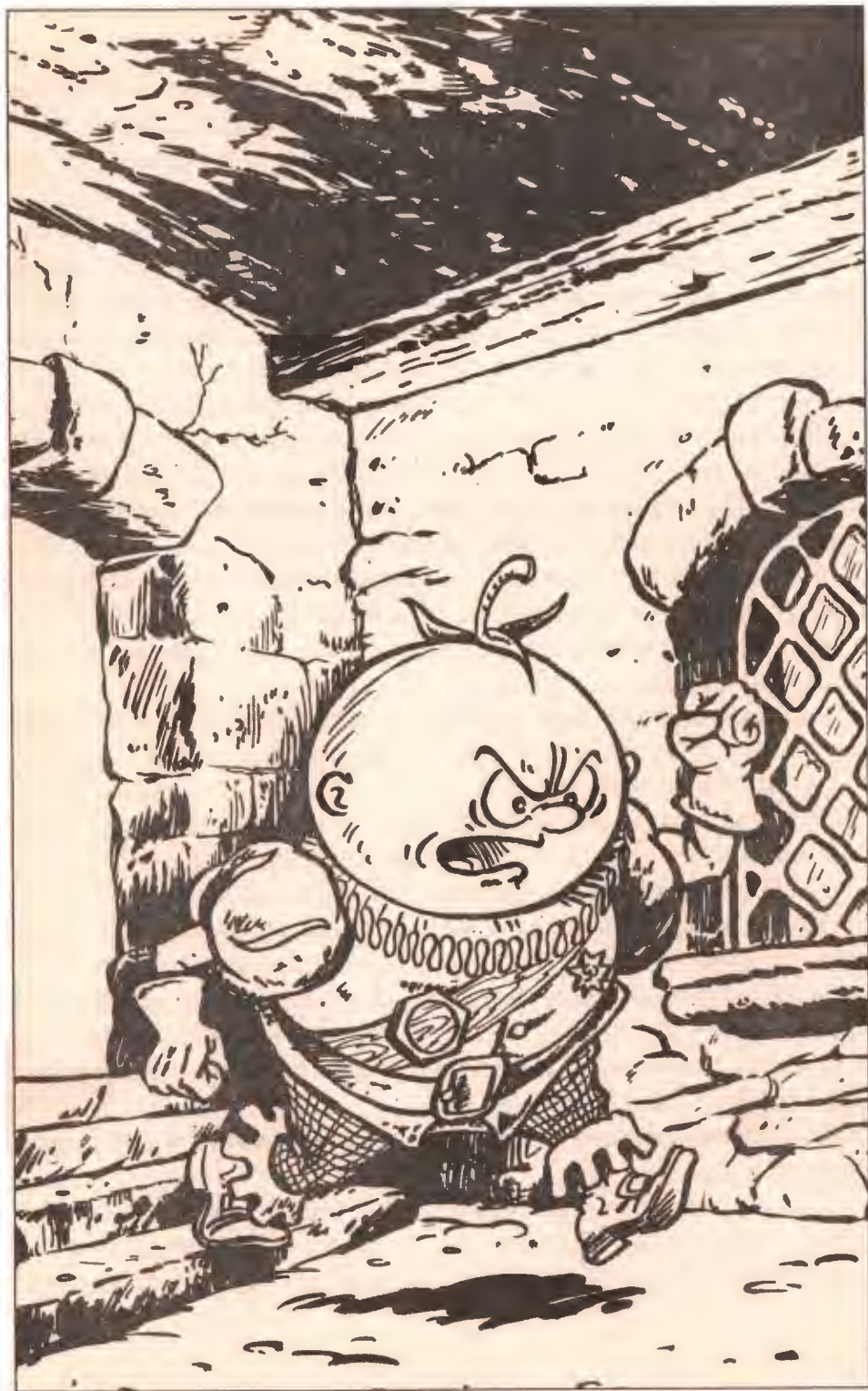
Когда войско было построено, генерал Долгохвост — то есть генерал Бесхвостый — произнес пламенную речь:

— Храбрецы! Наше подземелье в опасности. Атакуйте врага и добудьте в бою сальную свечку. Съем ее, конечно, я сам, но перед этим позволю каждому из вас по очереди облизать ее. Вперед, грызуны!

Мыши запищали от восторга, подняли хвост и снова ринулись в бой.

Но на этот раз Виноградинка предусмотрительно поставил свечку в маленькое углубление в стене, между кирпичами, высоко от пола. Напрасно мыши пытались

вскарабкаться по гладкой, скользкой стене — им так и не удалось добраться до свечи. Самые ловкие поглотили немножко скрипку профессора Груши. Но и этим смельчакам пришлось убраться восвояси, потому что генерал Бесхвостый, разъяренный неудачей, решил прибегнуть к строгости.

Без долгих разговоров он выстроил свое войско в шеренгу и приказал казнить каждого десятого за трусость и мародерство.

В эту же ночь произошло неожиданное событие.

Чиполлино, Земляничка и Редиска встретились в саду у изгороди, чтобы обсудить положение, и обсуждали его с таким жаром, что ничего не замечали вокруг.

Не заметили они и пса Мастино, который совершал в это время свой сторожевой обход.

Пес обнаружил ребят и накинулся на них как бешеный.

С девчонками-то он связываться не стал, но зато сшиб с ног Чиполлино и, навалившись ему на грудь, лаял до тех пор, пока не явился синьор Помидор и не арестовал мальчика.

Можете себе представить, как был доволен кавалер!

— Чтобы доказать тебе мое особое расположение, — говорил он, издеваясь над Чиполлино, — я засажу тебя в особую, темную камеру. Простая тюрьма недостойна такого негодяя, как ты.

— Сделайте одолжение! — отвечал Чиполлино не смущаясь.

Да и мог ли он ответить иначе? Или, может быть, вы полагаете, что ему следовало заплакать и попросить пощады?

Нет, Чиполлино был из той честной луковой семьи, которая кого угодно может заставить плакать, а сам не плачет ни при каких обстоятельствах!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Путешествие Чиполлино и Крота из одной тюрьмы в другую

Ночью Чиполлино проснулся. Ему почудилось, будто кто-то постучал в дверь. «Кто бы это мог быть? — подумал он. Может быть, этот стук мне только приснился?»

Пока Чиполлино раздумывал, что же именно могло его разбудить, шум слышался снова. Это был какой-то глухой равномерный гул, словно кто-то неподалеку работал киркой.

«Кто-то роет подземный ход», — решил Чиполлино, приложив ухо к той стене, откуда доносился шум.

Едва успел он прийти к такому выводу, как вдруг со стенки посыпалась земля, потом отвалился кирпич, и вслед за кирпичом кто-то впрыгнул в подземелье.

— Куда это, черт возьми, я попал? — раздался глухой голос.

— В мою камеру, — отвечал Чиполлино, — то есть в самое темное подземелье замка графинь Вишен. Извините, что в этой проклятой тьме я не могу рассмотреть вас и поздороваться с вами как следует.

— А вы кто такой? Извините, но я привык к темноте, а здесь для меня слишком светло. Я при свете ничего не вижу.

— Вот как? Значит, вы — Крот?

— Совершенно верно, — ответил Крот. — Я уже давно хотел прорыть ход в этом направлении, но никак не мог

улучить для этого свободную минутку. Ведь мои галереи тянутся на десятки километров под землей. Их надо осматривать, ремонтировать, чистить. То и дело просачивается вода — из-за этого у меня постоянный насморк. А тут еще эти несносные червяки, которые лезут куда попало и не умеют уважать чужой труд! Вот я и откладывал этот труд с недели на неделю. Но сегодня утром я сказал себе: «Синьор Крот, если вы и в самом деле любознательны и хотите увидеть мир, то настало время прорыть новый коридор». Ну, я и пустился в путь...

Но тут Чиполлино прервал рассказ синьора Крота и счел необходимым представиться ему:

— Меня зовут Чиполлино, что значит «луковка». Я пленник кавалера Помидора.

— Не утруждайте себя объяснениями, — сказал Крот. — Я вас сразу же узнал по запаху. Мне вас искренне жаль. Вы принуждены днем и ночью оставаться в таком чертовски светлом месте, а ведь это, должно быть, настоящая пытка!

— Я-то нахожу это место довольно-таки темным...

— Вы шутите! Но мне вас чрезвычайно жаль. Да, люди злы. Я так считаю: уж если вы хотите заключить кого-нибудь в темницу, так пусть это будет и в самом деле темное место, где глаза могут по-настоящему отдохнуть.

Чиполлино понял, что нет никакого смысла заводить спор по поводу света и тьмы с Кротом, который, привыкнув к мраку своих галерей, естественно, имел по этому вопросу совершенно особое мнение.

— Да, я должен признаться, что свет и мне очень досажает, — притворно вздохнул Чиполлино.

— Вот видите! А что я вам говорил!

Крота очень растрогали слова Чиполлино.

— Если бы вы были поменьше... — начал он.

— Я? Да разве я большой? Уверю вас, что я вполне пролезу в любую просторную дырку, то есть норку.

— Может быть, может быть, юноша. Только сделайте милость, не называйте мои галереи норками или дырками. Так вот, может быть, мне удастся вывести вас отсюда.

— Я легко могу пролезть в ту галерею, которую вы только что выкопали, — сказал Чиполлино. — Только, пожалуйста, идите первым, потому что я боюсь заблудиться. Я слышал, что ваши галереи очень запутанные.

— Возможно, — ответил Крот. — Мне надоедает ходить всегда одной и той же дорогой. Хотите, выроем новый ход?

— А в какую сторону? — спросил Чиполлино.

— Да в какую хотите, — ответил Крот. — Только бы добраться до темного места и не угодить в такую же ослепительно светлую пещеру, как эта, будь она проклята!

Чиполлино сразу же подумал о темнице, в которой томились Тыква, Виноградинка и прочие. Вот удивятся они, если он переберется к ним подземным ходом!

— Я думаю, нужно рыть вправо, — предложил он Кроту.

— Вправо или влево — мне все равно. Если вы так предпочитаете, пойдем направо.

И не долго думая Крот уткнулся головой в стенку и принялся так быстро рыть нору, что осыпал Чиполлино сырой землей с головы до ног.

Мальчик поперхнулся и закашлялся на добрые четверть часа. Перестав наконец кашлять и чихать, он услышал голос Крота, который нетерпеливо звал его:

— Что же, молодой человек, идете вы за мной или нет?

Чиполлино протиснулся в прорытую Кротом галерею, которая оказалась достаточно широкой, чтобы он мог без особых усилий двигаться вперед. Крот уже прорыл несколько метров, работая с молниеносной быстротой.

— Я здесь, я здесь, синьор Крот! — бормотал Чиполлино, отплеываясь и заслоняясь руками от комьев земли, которые все время летели ему в рот из-под лап Крота.

Однако, прежде чем пойти за Кротом, Чиполлино успел заделать дырку в стене своей тюрьмы.

«Когда Помидор обнаружит мой побег, — подумал он, — пускай он не знает, в какую сторону я удрал».

— Как вы себя чувствуете? — спросил Крот, продолжая работать.

— Спасибо, великолепно, — отвечал Чиполлино. — Здесь такая непроглядная, беспросветная тьма!

— Я же вам говорил, что вы сразу почувствуете себя лучше! Хотите, остановимся на минуточку? Впрочем, я бы предпочел продолжать путь, потому что немного тороплюсь. Но может быть, с непривычки вам трудно так быстро передвигаться по моим галереям?

— Нет-нет, пойдем дальше! — ответил Чиполлино, рассчитывая, что при такой скорости они раньше доберутся до подземелья, где находятся его друзья.

— Прекрасно! — И Крот стал быстро пробираться вперед.

Чиполлино с трудом поспевал за ним.

А через четверть часа после побега Чиполлино дверь его камеры открылась. В темницу, насвистывая веселую песенку, вошел синьор Помидор.

С каким злорадством предвкушал эту минуту храбрый кавалер! Когда он спускался в подземелье, ему казалось, что он стал легче по крайней мере килограммов на двадцать.

«Чиполлино в моих руках, — самодовольно думал он. — Я заставлю его во всем признаться, а потом повешу. Да, да, повешу! После этого я выпущу мастера Виноградинку и остальных дурней — их-то мне бояться нечего. А вот и дверь камеры, где сидит мой арестант... Ах, как мне приятно думать об этом маленьком негодяе, который, должно быть, уже все слезы выплакал за это время! Он, конечно, бросится к моим ногам и будет умолять о прощении. Я готов поклясться, что он будет лизать мне башмаки. Что ж, я позволю ему поваляться у меня в ногах и даже подам ему некоторую надежду на спасение, а потом объявлю приговор: смерть через повешение!»

Однако когда кавалер Помидор отпер большим ключом дверь и зажег карманный фонарик, то не нашел и следа преступника. Камера была пуста, совершенно пуста!

Помидор не верил своим глазам. Тюремщики, стоявшие рядом с ним, увидели, что он покраснел, пожелтел, позеленел, посинел и, наконец, почернел от злости.

— Куда же этот мальчишка мог скрыться? Чиполлино, где ты, негодяй этакий, прячешься?

Вопрос был довольно праздный. В самом деле: куда бы мог спрятаться Чиполлино в тесной камере, где были только голые, гладкие стены, скамейка и кувшин с водой?

Кавалер Помидор заглянул под скамейку, посмотрел в кувшин с водой, на потолок, исследовал пол и стены сантиметр за сантиметром, но все было напрасно: пленник исчез, словно испарился.

— Кто выпустил его? — грозно спросил Помидор, повернувшись к Лимончикам.

— Не знаем, синьор кавалер! Ведь ключ-то у вас, — осмелился заметить начальник стражи.

Помидор почесал затылок: действительно, ключ был у него.

Чтобы разгадать тайну, он решил сесть на скамейку.

Сидя легче думать, чем стоя. Но и в сидячем положении он ничего не мог придумать.

Вдруг внезапный порыв ветра захлопнул дверь.

— Откройте, бездельники! — завизжал Помидор.

— Ваша милость, это невозможно. Вы слышали, как щелкнул замок?

Кавалер Помидор попробовал открыть дверь ключом. Но замок был так устроен, что отпирался только снаружи.

В конце концов синьор Помидор убедился, что посадил самого себя в тюрьму, и едва не лопнул от бешенства.

Он опять почернел, посинел, позеленел, покраснел, пожелтел и стал грозить, что расстреляет немедленно всех тюремщиков, если они в два счета не освободят его.

Короче говоря, для того чтобы открыть дверь, надо было взорвать ее динамитом. Так и сделали. От сотрясения синьор Помидор полетел вверх тормашками, и его засыпало землей с головы до ног. Лимончики кинулись откапывать кавалера и после долгих усилий вытащили его, облепленного грязью, словно картофелину из борозды. Потом его понесли наверх, отряхнули и стали осматривать, целы ли у него голова, нос, ноги, руки.

Голова у Помидора была цела, зато нос и в самом деле изрядно пострадал. Ссадину залепили пластырем, и кавалер тотчас же улегся в постель. Ему было стыдно показаться на глаза людям с этой нашлапкой на носу.

Чиполлино и Крот были уже очень далеко, когда услышали отголосок взрыва.

— Что бы это могло быть?.. — спросил мальчик.

— О, не беспокойтесь, — объяснил ему Крот, — это, наверно, военные маневры! Принц Лимон считает себя великим полководцем и не успокоится до тех пор, пока не затеет какую-нибудь войну, хотя бы и не всамделишную.

Усердно роя подземный коридор, Крот не переставал расхваливать темноту и бранить свет, который он ненавидел от всей души.

— Однажды, — сказал он, — мне довелось взглянуть одним глазом на свечку... Клянусь, я убежал со всех ног, когда узнал, что это за штука!

— Еще бы! — вздохнул Чиполлино. — Иные свечки горят очень ярко.

— Да нет, — ответил Крот, — эта свечка не горела! К счастью, она была потушена. Но что бы со мной было, если бы ее зажгли!

Чиполлино удивился, как это может повредить зрению потушенная свеча, но в этот миг Крот внезапно остановился.

— Я слышу голоса! — сказал он.

Чиполлино насторожился: до него донесся отдаленный говор, хоть он и не мог еще различить отдельные голоса.

— Слышите? — сказал Крот. — Где человеческие голоса, там, конечно, и люди. А где люди, там и свет. Лучше пойдем в другую сторону!

Чиполлино снова прислушался и на этот раз отчетливо услышал знакомый голос мастера Виноградинки. Он только не мог разобрать, что именно сапожник говорит.

Мальчику захотелось закричать во все горло, чтобы его услышали, узнали, но он тут же подумал: «Нет, пускай Крот пока еще не знает, что это мои друзья. Сначала надо убедить его прорыть ход в подземелье — иначе он может заупрямиться и все мои планы рухнут».

— Синьор Крот, — осторожно начал Чиполлино, — я слышал об одной очень-очень темной пещере, которая, по моим расчетам, должна находиться именно здесь, в этих местах.

— Темней, чем моя галерея? — спросил Крот с явным сомнением.

— Гораздо темнее! — решительно сказал Чиполлино. — Вероятно, люди, голоса которых мы с вами слышим, пришли в эту пещеру для того, чтобы дать отдых своим усталым глазам.

— Хм... — пробурчал Крот. — Тут что-то не так... Но уж если вам очень хочется побывать в этой пещере, пусть будет по-вашему. На ваш страх и риск, разумеется!

— Пожалуйста, синьор Крот! Я буду вам чрезвычайно признателен! — попросил Чиполлино. — А вы познакомьтесь с новой пещерой. Век живи — век учись, не так ли?

— Ну ладно, — согласился Крот. — Но если у меня заболят глаза от слишком яркого света, вам же будет хуже!

Через несколько минут голоса прозвучали уже совсем близко.

Чиполлино ясно расслышал, как тяжело вздыхает кум Тыква:

— Ох, это я во всем виноват!.. Я... Ах, если бы пришел Чиполлино и выручил нас из беды!

— Если я не ошибаюсь, — сказал Крот, — там называли ваше имя!

— Мое имя? — переспросил Чиполлино, будто бы ничего не понимая. — Не может быть! Я не слышу, о чем там говорят.

Но тут раздался голос мастера Виноградинки:

— Чиполлино дал слово, что придет освободить нас, значит, он непременно придет. Я ничуть в этом не сомневаюсь.

Крот стоял на своем:

— Слышите? Про вас говорят, про вас! Нет, нет, не уверяйте меня, что вы не расслышали! Скажите лучше, с какими намерениями вы заставили меня прийти сюда?

— Синьор Крот, — признался Чиполлино, — может быть, и в самом деле было бы лучше, если бы я с самого начала сказал вам всю правду! Но позвольте мне хоть сейчас рассказать вам, в чем дело. Голоса, которые вы слышите, доносятся из темницы замка графинь Вишен. Там томятся в неволе мои друзья, которых я обещал освободить.

— И вы решили сделать это с моей помощью?

— Вот именно. Синьор Крот, вы были настолько добры, что уже прорыли такой длинный коридор! Не согласитесь ли вы поработать еще немножко, чтобы освободить моих друзей?

Крот подумал немного и сказал:

— Хорошо, я согласен. Мне, в сущности, все равно, в каком направлении рыть землю. Так и быть, я вырою галерею для ваших друзей.

Чиполлино с удовольствием расцеловал бы старого Крота, но все лицо у мальчика было так залеплено землей, что он и сам не знал, где у него, собственно говоря, рот.

— От всего сердца благодарю вас, синьор Крот! До самой смерти буду вам признателен!

— Ладно уж... — пробормотал растроганный Крот. — Не будем терять времени на болтовню и поскорее доберемся до ваших друзей.

Он снова принялся за работу и через несколько секунд пробуравил стену подземелья. Однако, к несчастью, в тот самый миг, когда Крот пролез в камеру, мастер Виноградника зажег спичку, чтобы посмотреть, который час.

Вспышка света произвела такое впечатление на бедного Крота, что он тут же попятился к выходу и пропал во мраке.

— До свидания, синьор Чиполлино! — прокричал он на прощанье. — Вы хороший паренек, и я искренне хотел помочь вам. Но вы обязаны были предупредить меня, что нас встретят таким ослепительным светом. Вы не должны были обманывать меня на этот счет!

Он удрал так быстро и стремительно, что своды только что прорытой галереи обрушились за ним, стены ее осели, и весь коридор засыпало землей.

Вскоре Чиполлино перестал слышать голос Крота. Он печально попрощался с ним, пробормотав про себя: «До свидания, старый, добрый Крот! Мир тесен — может быть, мы еще встретимся когда-нибудь, и я попрошу прощения за то, что обманул вас!»

Расставшись таким образом со своим товарищем по путешествию, Чиполлино вытер, насколько это было возможно, лицо платком и вбежал к своим приятелям веселый и беспечный, словно пришел на праздник.

— Добрый день, друзья мои! — закричал он звонким голосом, который прозвучал в подземелье, как труба.

Вообразите себе радость заключенных! Они бросились к Чиполлино в объятия и стали осыпать его поцелуями. В один миг очистили они его от всей грязи, которая на него налипла.

Кто обнимал его, кто дружески щипал, кто хлопал по плечу.

— Тише, тише, — уговаривал их Чиполлино, — вы меня на куски разорвете!

Не сразу успокоились друзья. Но их радость перешла в отчаяние, когда Чиполлино рассказал им о своих злоключениях.

— Значит, и ты, брат, в плену, как мы? — спросил мастер Виноградинка.

— Выходит, что так! — ответил Чиполлино.

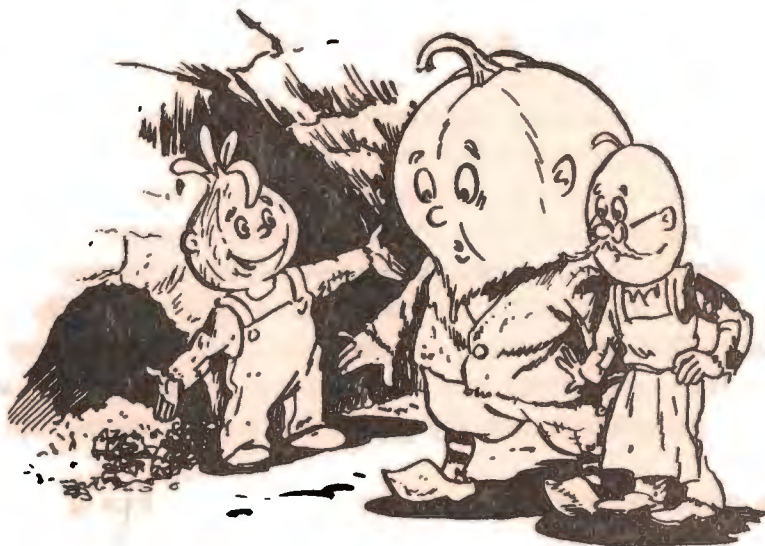
— Но ведь когда явится стража, она тебя найдет?

— Ну, это необязательно, — сказал Чиполлино. — Я всегда могу забраться в скрипку профессора Груши. Ведь я, к счастью, невелик ростом.

— Ой, но кто же нас отсюда выведет! — прошептала кума Тыквочка.

— И все это по моей вине! — тяжело вздохнул кум Тык-ва. — Все из-за меня!..

Чиполлино хотел было приободрить приунывшую компанию, но все его усилия ни к чему не привели. Да и у самого у него, как говорится, на сердце кошки скребли в эту минуту.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

*из которой видно, что кавалер Помидор имеет
обыкновение спать в чулках*

†

Разумеется, синьор Помидор скрыл от всех, что Чиполлино сбежал. Лимончикам, которые побывали с ним в подземелье, он велел помалкивать. Если же кто-нибудь спросит — отвечать, что преступника перевели в общую камеру. А чтобы никто не увидел нашлепки у него на носу, кавалер не вставал с постели и никого не принимал. Земляничка во все глаза следила за ним, но ей никак не удавалось узнать, где же прячет он ключи от подземелья.

Наконец она решилась посоветоваться с Вишенкой, который, как вы знаете, все еще болел и безутешно плакал. Но едва только Земляничка рассказала ему, что произошло, Вишенка вытер слезы и вскочил на ноги:

— Чиполлино в тюрьме? Он не должен оставаться в тюрьме ни одной минуты!.. Дай-ка мне поскорей мои очки!

— Что ты хочешь делать?

— Я освобожу его, — решительно заявил Вишенка. — Его и всех остальных!

— Но как же ты достанешь ключи у Помидора?

— Утащу. Ты только приготовь хороший шоколадный торт и подсыпь в него немного сонного порошка, который найдешь у моих теток. Синьор Помидор очень любит шоколад, и когда он заснет, ты мне дай знать. А пока я побегу и поразведаю, как идут дела.

Земляничка не верила своим глазам: откуда взялась у хрупкого и нежного Вишенки такая смелость и решительность!

— Как он изменился! Батюшки мои, как он изменился! — шептала она.

То же самое сказали все, кто встретил Вишенку в этот день. Обе графини, синьор Петрушка и герцог Мандарин с удивлением смотрели на мальчика.

— Но он совсем выздоровел! — воскликнула графиня Старшая, увидев, как блестят у него глаза и горят щеки.

— Я же вам говорил, что он вовсе и не был болен! — заявил герцог. — Он попросту притворялся.

Графиня Младшая поспешила согласиться со своим капризным кузеном, а то бы он, чего доброго, опять взобрался на шкаф и пригрозил покончить с собой, если его не умилостави́ят каким-нибудь подношением.

Между тем Вишенка выведал у одного из Лимончиков, что Чиполлино бежал из тюрьмы. Это его очень порадовало. Однако он решил не успокаиваться до тех пор, пока не освободит остальных пленников.

— Друзья Чиполлино — и мои друзья! — сказал он и сейчас же приступил к делу.

Разговорившись с тюремщиками, он выпытал у них, что синьор Помидор носит ключи от подземелья в особом кармашке, подшитом к изнанке чулка.

«Ну, дело плохо, — подумал Вишенка. — Ведь всем известно, что Помидор всегда ложится спать в чулках. Значит, нужно усыпить его до бесчувствия, чтобы можно было вытащить из чулка ключ, не разбудив кавалера».

И он попросил Земляничку подсыпать в торт двойную порцию сонного порошка.

Когда наступила ночь, служанка принесла кавалеру чудесный мармеладно-шоколадный торт. Синьор Помидор обрадовался и проглотил его в один миг.

— Тебе не придется жаловаться на твоего хозяина, — обещал он ей. — Когда я поправлюсь, я непременно подарю тебе бумажку от шоколадки, которую я съел в прошлом году. Она очень ароматная и сладкая, эта бумажка!

Земляничка в знак благодарности низко поклонилась кавалеру, а когда она выпрямилась, Помидор уже храпел, как целый оркестр, состоящий из контрабасов и флейт.

Земляничка сбегала за Вишенкой. Держась за руки, они на цыпочках пустились в путь по коридорам замка, направляясь к спальне кавалера. Они прошли мимо комнаты герцога Мандарина, который до поздней ночи упражнялся в прыжках. Для того чтобы совершать головокружительные прыжки, когда нужно выклянчить что-нибудь у синьоры графини Младшей, требовалась хорошая тренировка.

Посмотрев по очереди в замочную скважину, Земляничка и Вишенка увидели, что герцог, как ошалевшая кошка, прыгает со шкафа на люстру, со спинки кровати на зеркало и необыкновенно быстро карабкается вверх по портьерам. За короткое время он стал настоящим акробатом.

В комнате синьора Помидора было светло: Земляничка предусмотрительно оставила ставни открытыми, так что в окно лился яркий свет луны.

Кавалер по-прежнему громко храпел. В эту минуту ему снилось, будто Земляничка принесла ему еще один шоколадный торт величиной по крайней мере с велосипедное колесо.

Но только хотел он приняться за еду, как в комнату ворвался барон Апельсин и потребовал, чтобы синьор Помидор отдал ему добрую половину торта. Защищая свои права, кавалер вытащил шпагу. В конце концов барон отступил, нещадно нахлестывая бедного тряпичника, который обливался потом под тяжестью тачки. Синьор Помидор снова принялся было за торт, но на смену барону Апельсину явился герцог Мандарин, который взобрался на верхушку очень высокого тополя и завопил: «Дайте, дайте мне половину торта — или я брошусь отсюда на землю вниз головой!»

Словом, сон Помидора был очень тревожен; знакомые и незнакомые люди хотели во что бы то ни стало отнять у него злосчастный торт, а потом и сам этот проклятый торт принес кавалеру одно только горькое разочарование: из шоколадного он почему-то превратился в картонный. Синьор Помидор вонзил в него зубы, ничего не подозревая, и рот у него наполнился картоном — жестким, клейким и безвкусным.

В то время как синьора Помидора одолевали эти тревожные сновидения, Земляничка осторожно сняла с его ноги чулок, а Вишенка вытащил из чулка связку ключей.

— Дело сделано! — прошептал он на ухо Земляничке.

Девочка посмотрела на своего спящего хозяина:

— Ох и обозлится же синьор Помидор, когда проснется и узнает, что с ним проделали!

— Бежим, пока он не проснулся!

— Да нет, этого опасаться нечего. Я насыпала столько сонного порошка, что его хватило бы по крайней мере на десять человек!

Они потихоньку вышли из комнаты, закрыли за собой дверь и бросились бежать вниз по лестнице, едва переводя дух.

Вдруг Вишенка остановился и прошептал:

— А стража?

В самом деле, об этом они не подумали.

Земляничка засунула палец в рот: это ей всегда помогало в трудные минуты. Пососешь палец — и в голову тебе придет дельная мысль.

— Придумала! — сказала она наконец. — Я зайду за угол дома и начну изо всех сил звать на помощь, будто на меня напали разбойники. А ты вызови тюремную стражу и пошли ее ко мне на выручку. Ну а как только останешься один, поверни вот этот ключ два раза, и дверь камеры откроется.

Так они и сделали. Обман удался на славу. Земляничка кричала «караул» так отчаянно, что, кажется, и деревья

готовы были вырвать из земли свои корни, чтобы кинуться ей на помощь. Тюремщики переполошились и помчались на шум, как борзые за зверем.

— Скорее, скорее, ради самого Бога! Там бандиты, бандиты! — кричал им вслед Вишенка.

Оставшись один, он сунул ключ в скважину, отпер тяжелую дверь и проник в подземелье. Каково же было его удивление, когда среди заключенных он увидел своего приятеля Чиполлино!

— Ты здесь, Чиполлино! Так ты, значит, не бежал?

— Я тебе потом все расскажу, Вишенка, а сейчас нам нельзя терять время.

И правда, беглецам надо было торопиться.

— Сюда, сюда! — задыхаясь, говорил Вишенка, указывая друзьям тропинку, которая вела прямо в лес. — Не беспокойтесь, тюремщики вас не увидят — они побежали в противоположную сторону.

Куму Тыквочку, которая была слишком толста, чтобы бежать достаточно быстро, покатали по дорожке, как настоящую тыкву.

Чиполлино на минуту отстал от товарищей и горячо поблагодарил Вишенку, у которого глаза блестели от слез.

— Ты молодец! — сказал ему Чиполлино. — Я не верил, что ты в самом деле болен, и не раз хотел пробраться к тебе, пока был на свободе.

— Беги, беги скорей, а то они тебя схватят!

— Ладно, бегу, но мы скоро с тобой опять увидимся. Обещаю тебе, что мы еще доставим Помидору немало приятных минут!

В два прыжка догнал он своих приятелей и помог им катить вперед куму Тыквочку. А Вишенка поспешил в замок, чтобы положить ключи на место, то есть в правый чулок синьора Помидора.

Но что же было в это время с тюремной стражей, которая побежала спасать Земляничку от бандитов?

Тюремщики застали Земляничку в слезах. До их прихода она разорвала на себе передник и расцарапала лицо, чтобы они поверили, будто на нее и в самом деле напали бандиты.

— В какую сторону они удрали? — спросили Лимончики, задыхаясь от быстрого бега.

— Вон туда! — отвечала Земляничка, указывая на дорогу, ведущую в деревню.

Тюремщики помчались по этой дороге. Два или три раза обежали они всю деревню и, не найдя никого на улице, в конце концов арестовали одного деревенского Кота, несмотря на его решительные протесты.

— Не понимаю! — мяукал Кот, негодуя. — Кажется, мы живем в свободной стране, и вы не имели никакого права арестовывать меня. Да, кроме того, вы явились в тот самый момент, когда мышь, которую я сторожу уже два часа подряд, наконец-таки решилась выйти из своей норки.

— В тюрьме вы найдете сколько угодно мышей, — ответил начальник стражи,

Через полчаса Лимончики вернулись в замок. Можете себе представить, что с ними случилось, когда они нашли тюрьму пустой!

Они поскорее заперли Кота в камеру, побросали сабли и ружья и разбежались кто куда, опасаясь гнева кавалера Помидора.

Кавалер проснулся утром и первым делом посмотрел в зеркало.

«Нос в порядке, — сказал он самому себе. — Можно снять пластырь и отправиться в подземелье допрашивать пленных».

По дороге он захватил с собой синьора Горошка, как знатока уголовных законов королевства, и синьора Петрушку, чтобы тот записывал показания арестованных.

Все трое с важным видом, какой подобает представителям закона, гуськом спустились в подземелье. Помидор вы-

тащил из правого чулка ключи, открыл тяжелую дверь, но с такой поспешностью отскочил назад, что сшиб с ног синьора Петрушку, который стоял у него за спиной. Из камеры неслись жалобные стоны. «Мяу! Мяу!» — пронзительно мяукал деревенский Кот, корчась от невыносимых страданий.

— Что вы тут делаете? — спросил синьор Помидор у Кота, все еще дрожа от испуга.

— Ах, у меня живот болит! — горько жаловался Кот. — Пожалуйста, отнесите меня в амбулаторию или по крайней мере пришлите мне доктора!

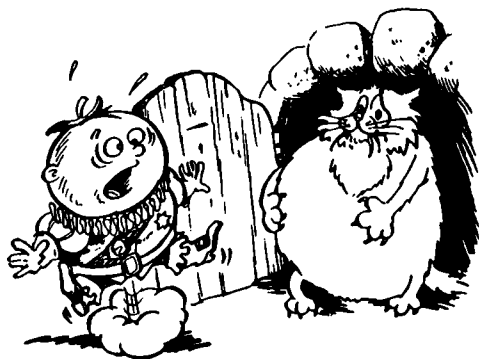
Оказалось, что Кот всю ночь охотился на мышей и так объелся, что изо рта у него торчало не менее двухсот мышиных хвостов.

Кавалер выпустил Кота на свободу и дал ему разрешение в любое время возвращаться в тюрьму для охоты за мышами. На прощанье он сказал Коту:

— Если вы будете так любезны и сохраните хвосты съеденных вами мышей как вещественное доказательство вашей полезной деятельности, то администрация замка назначит вам небольшую пенсию, по стольку-то за хвост.

После этого Помидор немедленно послал правителю королевства — принцу Лимону — телеграмму, в которой говорилось:

«В замке графинь Вишен беспорядки, соблаговолите командировать батальон Лимончиков. Желательно личное присутствие вашего высочества. Помидор».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

в которой Лук Порей был награжден и наказан

На следующее же утро принц Лимон вступил в деревню во главе сорока придворных Лимонов и целого батальона Лимончиков. Как вы уже знаете, при дворе принца Лимона все носили на шапочках колокольчики. Когда придворные и войска двигались по дороге, слышалась такая музыка, что коровы переставали жевать траву, полагая, что пригнали новое стадо коров.

Услышав звон, Лук Порей, который как раз в эту минуту расчесывал усы перед зеркалом, прервал свое дело на середине и высунулся из окна. Тут-то его и заприметили. Лимончики ворвались к нему в дом, арестовали его и повели в тюрьму с одним усом, торчащим вверх, и другим, поникшим вниз.

— Позвольте мне, по крайней мере, причесать и левый ус! — просил Лук Порей у стражи, пока она вела его в тюрьму.

— Молчать! Не то мыотрежем тебе сначала левый, а потом и правый ус и таким образом избавим тебя от необходимости их расчесывать.

Лук Порей умолк, боясь потерять свое единственное достоинство.

Был арестован также и адвокат Горошек. Он долго визжал, отбивался и сыпал слова, как горох:

— Это ошибка! Я здешний адвокат и служу у кавалера Помидора. Это простое недоразумение! Немедленно выпустите меня на свободу!

Но все было напрасно — как об стену горох.

Солдаты-Лимончики расположились в парке. Некоторое время они развлекались тем, что читали объявления синьора Петрушки, а затем, чтобы не скучать, стали топтать траву и цветы, удить золотых рыбок, стрелять в цель по стеклам оранжереи, придумывать другие забавы в том же роде. Графини бегали от одного начальника к другому и рвали на себе волосы:

— Умоляем вас, синьоры, прикажите вашим людям уgomониться! Они нам разорят весь парк!

Но начальники и слушать их не хотели.

— Нашим храбрецам, — заявили они, — нужны развлечения после военных подвигов. Вы должны быть благодарны им за то, что они охраняют ваш покой.

Графини заикнулись было о том, что арест лука Порей и синьора Горошка — не такой уж большой подвиг.

Тогда офицер пригрозил:

— Прекрасно! В таком случае мы велим арестовать также и вас. За то они и получают жалованье, чтобы сажать в тюрьму всех недовольных!

Графиням осталось лишь убраться прочь и обратиться с жалобой к самому принцу Лимону. Принц расположился в замке со всеми своими сорока придворными, заняв, разумеется, самые лучшие комнаты и бесцеремонно вытеснив оттуда кавалера Помидора, барона, герцога, синьора Петрушку и даже самих графинь.

Барон Апельсин был очень озабочен.

— Вот увидите, — говорил он шепотом, — эти Лимоны и Лимончики съедят у нас всю провизию, и мы умрем с голоду. Они пробудут здесь, пока в замке еще есть припасы, а потом уйдут, оставив нас на произвол судьбы. Ах, это такое несчастье! Это настоящая катастрофа!

Правитель велел привести Лука Порей и учинить ему допрос.

Синьор Петрушка, хорошенько высморкавшись в свой клетчатый платок, принялся записывать ответы подсудимого, а кавалер Помидор уселся рядом с правителем, чтобы подсказывать ему на ухо, как вести допрос.

Дело в том, что принц Лимон, хоть и носил на голове золотой колокольчик, был не очень-то смышлен, а кроме того, отличался рассеянностью. Вот и теперь, едва пленника ввели в комнату, он воскликнул:

— Ах, какие у него великолепные усы! Клянусь, что во всех подвластных мне землях я никогда не видел таких красивых, длинных и хорошо расчесанных усов!

Надо сказать, что Лук Порей только и делал в тюрьме, что приглаживал да расчесывал свои усы.

— Благодарю вас, ваше высочество! — сказал он скромно и вежливо.

— Посему, — продолжал правитель, — мне угодно наградить его орденом Серебряного Уса. Сюда, мои Лимоны! Придворные немедленно явились на зов.

— Принесите-ка мне корону кавалера ордена Серебряного Уса!

Принесли корону, которая представляла собой пышный ус, обвивающийся, как венок, вокруг головы. Разумеется, ус был сделан из чистого серебра.

Лук Порей растерялся: он думал, что его позвали на допрос, а вместо этого удостоили такой высокой почести.

Почтительно склонился он перед правителем, и принц собственноручно надел ему на голову корону, обнял его и поцеловал в оба уса — сначала в правый, а потом в левый. Затем принц встал и собрался уходить, потому что был очень рассеян и полагал, что сделал свое дело.

Тогда кавалер Помидор наклонился и пробормотал ему на ухо:

— Ваше высочество, почтительнейше напоминаю вам, что вы пожаловали кавалерское звание отъявленному преступнику.

— С того момента, как я произвел его в кавалеры, — спесиво ответил принц Лимон, — он более не преступник. Тем не менее давайте допросим его.

И, вернувшись к Луку Порею, принц спросил, известно ли ему, куда бежали пленные. Лук Порей сказал, что ничего не знает. Потом его спросили, знает ли он, где спрятан домик кума Тыквы, и Лук Порей снова ответил, что ему ничего не известно.

Синьор Помидор пришел в ярость:

— Ваше высочество, этот человек лжет! Я предлагаю подвергнуть его пытке и не отпускать до тех пор, пока он не откроет нам истину — всю истину, и только истину!

— Прекрасно, прекрасно! — поддакнул принц Лимон, потирая руки.

Он уже совершенно забыл, что несколько минут до того наградил Луку Порея орденом, и обрадовался случаю подвергнуть человека пытке, потому что очень любил присутствовать при самых жестоких истязаниях.

— С какой же пытки мы начнем? — спросил палач, явившийся к принцу со всеми своими орудиями: топором, щипцами, а также с коробочкой спичек.

Спички для того, чтобы разжечь костер.

— Вырвите у него усы! — приказал правитель. — Вероятно, он дорожит ими больше всего на свете.

Палач принялся тянуть Луку Порея за усы, но они были так прочны, так закалились от тяжести белья, что палач только понапрасну трудился и обливался потом; усы не отрывались, а Лук Порей не чувствовал ни малейшей боли.

В конце концов палач до того устал, что упал без памяти. Луку Порея отвели в потайную камеру и забыли о его существовании. Ему пришлось питаться сырыми мышами,

и усы у него так отросли, что стали завиваться тройными кольцами.

После Лука Порей вызвали на допрос синьора Горошка. Адвокат бросился к ногам правителя и стал целовать их, униженно умоляя:

— Простите меня, ваше высочество, я невиновен!

— Плохо, очень плохо, синьор адвокат! Если бы вы были виновны, я бы вас сейчас же освободил. Но если вы ни в чем не виноваты, то ваше дело принимает весьма дурной оборот. Пойдите, пойдите... А вы можете сказать нам, куда бежали пленные?

— Нет, ваше высочество, — ответил синьор Горошек, весь дрожа; он и в самом деле этого не знал.

— Вот видите! — воскликнул принц Лимон. — Как же вас освободить, если вы ничего не знаете?

Синьор Горошек бросил умоляющий взгляд на синьора Помидора. Но кавалер притворился, будто очень занят своими мыслями, и устремил взор в потолок.

Синьор Горошек понял, что все пропало. Но отчаяние его сменилось настоящим бешенством, когда он увидел, что хозяин и покровитель, которому он ревностно служил, так подло отступился от него.

— А можете ли вы, по крайней мере, сказать мне, — спросил принц Лимон, — где спрятан домик злодея Тыквы?

Адвокат знал это, потому что в свое время подслушал разговор Чиполлино с его односельчанами.

«Если я открою тайну, — подумал он, — то меня освободят. А что толку? Я вижу теперь, каковы мои бывшие друзья и покровители! Когда нужно было использовать мои знания и способности, чтобы обманывать других, они приглашали меня к обеду и к ужину, а теперь покинули в беде. Нет, я не хочу больше помогать им. Будь что будет, а от меня они ничего не узнают!»

И он громко заявил:

— Нет, принц, я ничего не знаю.

— Ты лжешь! — завопил синьор Помидор. — Ты прекрасно знаешь, но не хочешь сказать!

Тут синьор Горошек дал волю своему гневу. Он встал на цыпочки, чтобы казаться выше, бросил на Помидора негодующий взгляд и прокричал:

— Да, я знаю, я прекрасно знаю, где спрятан домик, но я никогда вам этого не скажу!

Принц Лимон нахмурился.

— Подумайте хорошенько! — сказал он. — Если вы не откроете тайны, я буду вынужден вас повесить.

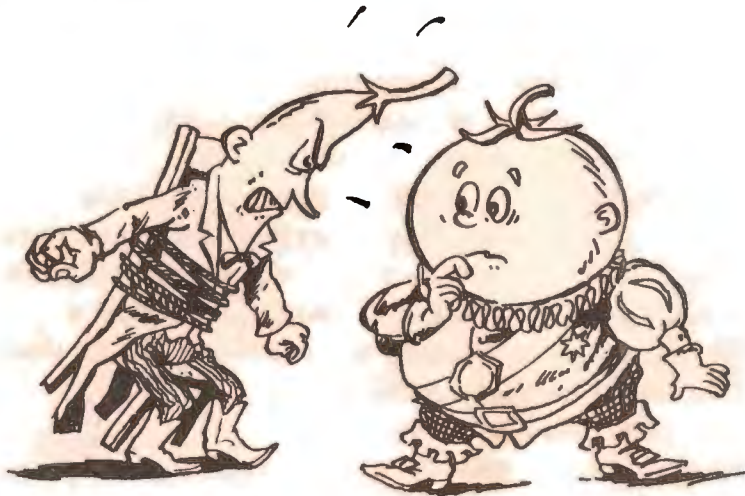
У синьора Горошка затряслись коленки от страха. Он обхватил себя обеими руками за шею, будто хотел избавиться от петли, но остался непоколебим.

— Вешайте меня, — сказал он гордо. — Вешайте немедленно! — Проговорив эти слова, он весь побелел, хоть и был Зеленым Горошком, и упал как подкошенный на землю.

Синьор Петрушка записал в протокол:

«Обвиняемый лишился чувств от стыда и угрызений совести».

Потом он снова высморкался в клетчатый платок и закрыл книгу. Допрос был окончен.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

*о том, как синьор Горошек спас жизнь кавалеру,
сам того не желая*

Когда синьор Горошек пришел в себя, кругом царил непроглядный мрак. Адвокат решил, что его уже повесили.

«Я умер, — подумал он, — и, конечно, нахожусь в аду. Меня удивляет только одно: почему здесь так мало огня? Собственно говоря, его здесь совсем нет. Очень странно: ад без адского пламени!»

В этот миг он услышал, как скрипит ключ в замке камеры. Горошек забился в угол, потому что бежать ему было некуда, и с испугом смотрел на открывающуюся дверь. Он ожидал, что увидит стражей-Лимончиков и палача.

Лимончики действительно явились, но вместе с ними пожаловал... Кто бы вы думали? Кавалер Помидор своей собственной персоной, связанный по рукам и ногам.

Синьор Горошек кинулся было на него со сжатыми кулаками, но потом опомнился: «Что же это я делаю? Ведь он такой же узник, как и я».

И хотя Горошек не испытывал никакого сочувствия к своему бывшему хозяину, он все же вежливо спросил у кавалера:

— Так, значит, вас тоже арестовали?

— Арестовали?! Скажите лучше, что я приговорен к смерти. Меня повесят завтра на заре, сейчас же после вас. Вы, верно, и не знаете, что мы находимся в камере для висельников!

Адвокат не мог прийти в себя от изумления. Он знал, что ему грозит смертная казнь, но никак не думал, что за компанию с ним повесят и кавалера.

— Принц Лимон, — продолжал синьор Помидор, — очень разгневался на то, что ему так и не удалось найти виноватых. И знаете, что он в конце концов придумал? В присутствии графинь, гостей и слуг он обвинил меня в том, что я, кавалер Помидор, — главный зачинщик заговора. За это он и приговорил меня к повешению. Да, да, к повешению!

Синьор Горошек не знал, радоваться ли, что кавалера постигнет такая суровая кара, или пожалеть его. Наконец он сказал:

— Ну что ж, мужайтесь, кавалер. Умрем вместе.

— Плохое утешение! — заметил синьор Помидор. — Позвольте мне все же извиниться перед вами за то, что при вашем допросе я не очень вами интересовался. Вы понимаете, в это время решалась и моя собственная участь.

— Ну, теперь это дело прошлое... Не будем больше говорить о том, что было, — любезно предложил синьор Горошек. — Мы — товарищи по несчастью. Постараемся помочь друг другу.

— Я того же мнения, — согласился синьор Помидор, немножко приободрившись. — Очень рад, что вы не злопамятны.

Он вытащил из кармана кусок торта и по-братски разделил его с адвокатом. Адвокат не верил своим глазам: он не ожидал от кавалера такой доброты и щедрости.

— К сожалению, это все, что они мне оставили, — сказал синьор Помидор, печально качая головой.

— Да, таков наш грешный мир! Еще вчера вы были почти полновластным хозяином замка, а сегодня — только пленник.

Кавалер Помидор продолжал молча есть торт.

— Вы знаете, — сказал он наконец, — мне отчасти даже нравится то, что проделал со мной этот проказник Чи-

поллино. Собственно говоря, он очень ловкий мальчишка, и все его проделки внушены ему добрым сердцем, желанием помочь беднякам.

— Пожалуй, — согласился синьор Горошек.

— Кто знает, — продолжал Помидор, — где находятся они сейчас — эти люди, бежавшие из тюрьмы! Поверьте, я бы с удовольствием сделал для них что-нибудь хорошее.

— Да что же вы можете сделать для них в вашем положении?

— Ах, вы правы, сейчас я бессилен помочь им. Да кроме того, я даже не знаю, где они.

— Я тоже не знаю, — откровенно сказал синьор Горошек, польщенный любезным обхождением синьора Помидора. — Мне известно только, где спрятан домик кума Тыквы. Услышав это, кавалер затаил дыхание. «Помидор, — сказал он самому себе, — слушай внимательно, что скажет тебе этот дурень: может быть, у тебя еще есть надежда на спасение!»

— Вы и в самом деле это знаете? — спросил он адвоката.

— Конечно, знаю, но никогда никому не скажу. Я не намерен больше вредить этим бедным людям.

— Такие чувства, несомненно, делают вам честь, синьор адвокат! Я бы тоже не выдал тайны: я не хотел бы, чтобы по моей вине на бедняков свалились какие-нибудь новые беды.

— Если так, — сказал синьор Горошек, — я рад вам пожать руку!

Синьор Помидор протянул ему руку, и синьор Горошек крепко пожал ее. В конце концов адвокат так расчувствовался, что ему пришла охота поболтать по душам со своим товарищем по несчастью.

— Вы только подумайте, — сказал он таинственным шепотом, — они спрятали домик в двух шагах от замка, а мы были так глупы, что нам это и в голову не пришло!

— Где же именно они его спрятали? — небрежно спросил синьор Помидор.

— Теперь-то я могу вам это сказать, — горько улыбнулся синьор Горошек. — Ведь завтра мы оба умрем и унесем нашу тайну в могилу.

— Ну конечно. Вы же прекрасно знаете, что нас казнят на заре и наш прах будет развеян по ветру!

Тут адвокат Горошек ближе подсел к своему собеседнику и тихонько прошептал ему на ухо, что домик кума Тыквы находится в лесу, а присматривает за ним кум Черника.

Кавалер выслушал все это, горячо обнял адвоката и воскликнул:

— Мой дорогой друг, я так благодарен вам за то, что вы сообщили мне это важное известие! Вы спасаете мне жизнь!

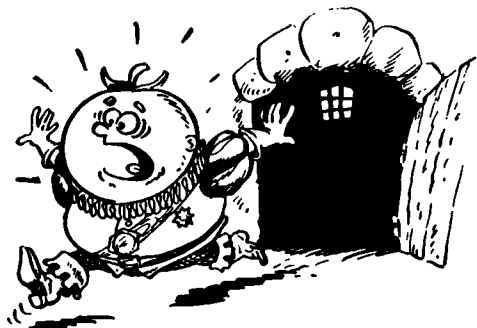
— Я спасаю вам жизнь? Вы шутите, что ли?

— Вовсе нет, — сказал Помидор, вскакивая.

Он бросился к двери и стал изо всех сил колотить в нее кулаками, пока ему не открыли Лимончики, сторожившие тюрьму.

— Ведите меня сию же минуту к его высочеству принцу Лимону! — приказал синьор Помидор своим обычным, не допускающим возражений тоном. — Я должен сделать ему одно очень важное сообщение.

Кавалера немедленно доставили в замок. Он рассказал принцу все, что узнал от синьора Горошка, и добился прощения. Принц Лимон был очень доволен и приказал своим Лимончикам на следующее утро — сейчас же после казни синьора Горошка — отправиться в лес и привезти оттуда домик кума Тыквы.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

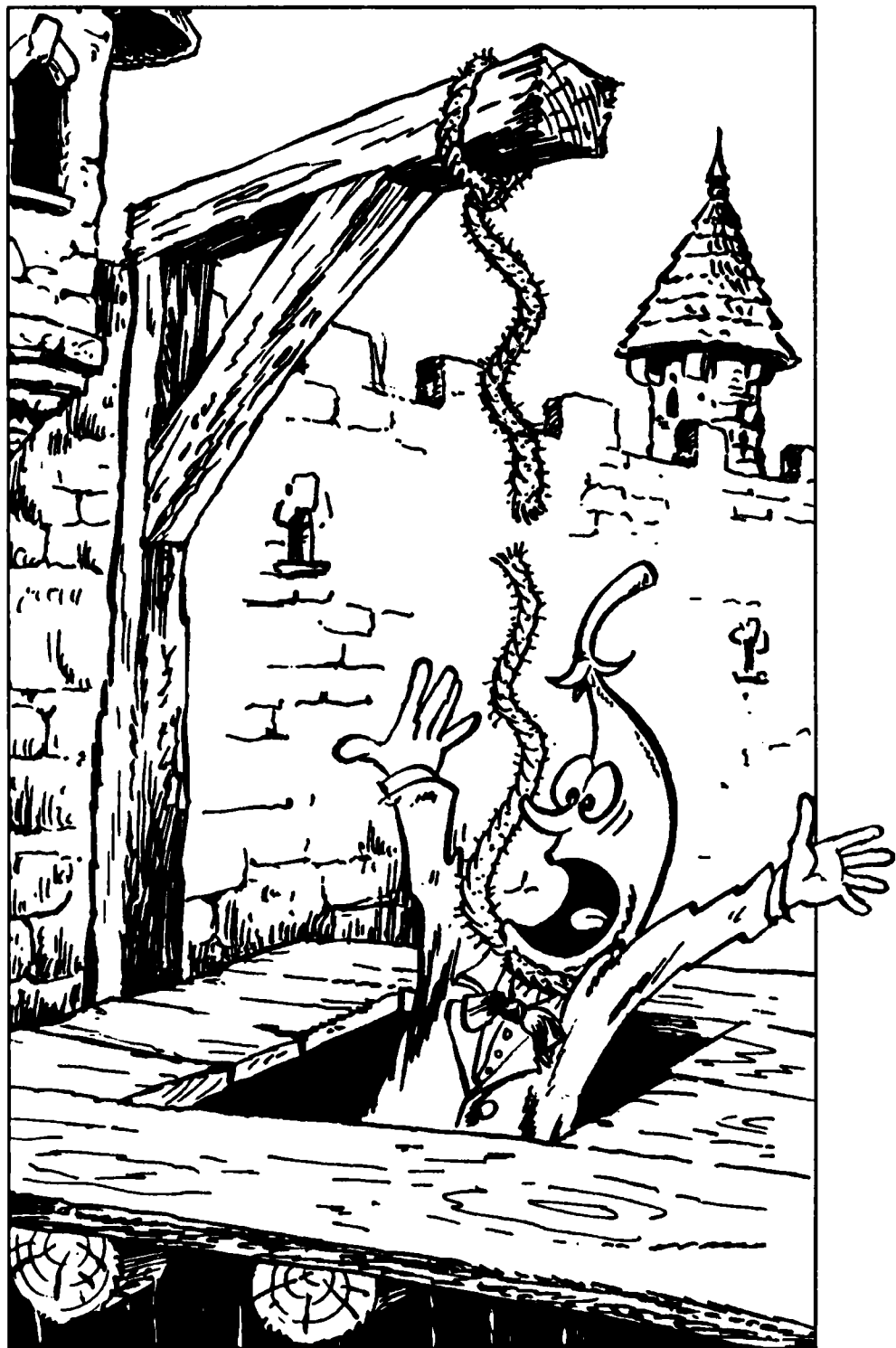
*в которой рассказывается,
как синьор Горошек взошел на эшафот*

На деревенской площади воздвигли виселицу. Приговоренный должен был подняться на помост. В этом помосте под самой виселицей открывался люк, куда и предстояло провалиться синьору Горошку с петлей на шее.

Когда за осужденным пришли, чтобы вести его на площадь, синьор Горошек, как опытный адвокат, сделал все, чтобы оттянуть время. Ссылаясь на различные статьи закона, он потребовал, чтобы ему разрешили сначала побриться, потом он захотел вымыть голову, а затем обнаружилось, что у него слишком отросли ногти на руках и ногах и он желает перед казнью остричь их.

Палач, не желая терять время, стал было спорить, но в конце концов уступил. По старинному обычаю, последнее желание приговоренного к смерти должно быть исполнено. Поэтому в тюрьму принесли кувшин с горячей водой, таз, ножницы и бритву. Не торопясь адвокат Горошек принялся за свой предсмертный туалет. Долго приводил он себя в порядок: брился, мылся и чуть ли не целых два часа стриг ногти. Однако рано или поздно ему пришлось все-таки отправиться на место казни.

Когда он поднимался на помост, его охватил ужас. Тут только, на ступенях эшафота, он впервые ясно представил себе, что должен умереть. Такой маленький, такой толстенький, такой зелененький, с чисто вымытой голо-

вой и подстриженными ногтями, он все-таки должен умереть!

Зловеще забили барабаны. Палач надел адвокату на шею петлю, сосчитал до тринадцати, а затем нажал кнопку. Люк открылся, и синьор Горошек полетел во тьму с затянутой петлей на шее. Перед этим он успел подумать: «На этот раз я, кажется, и в самом деле умер!»

Вдруг он услышал над собой глухой голос:

— Режьте, режьте скорей, синьор Чиполлино! Тут так светло, что я ровно ничего не вижу.

Кто-то разрезал веревку, которая стягивала шею адвоката, и тот же голос заговорил снова:

— Дайте ему глоток нашего замечательного картофельного сока. Мы, кроты, никогда не расстаемся с этим чудесным лекарством!

Что же произошло? Какой удивительный случай спас жизнь адвокату Горошку?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

объясняющая предшествующую главу

А случилось попросту вот что: Земляничка, которая знала все, что делается в замке, сбегала в лес и рассказала Редиске об опасности, угрожающей синьору Горошку, а Редиска сейчас же сообщила об этом своему другу Чиполлино. Она нашла его неподалеку от домика кума Тыквы, в пещере, где он скрывался с остальными беглецами.

Чиполлино внимательно выслушал ее, а потом попросил у мастера Виноградинки шило, чтобы поскрести затылок, ибо положение было затруднительное и нужно было хорошенько почесаться, чтобы найти какой-нибудь выход.

Подумав немного, Чиполлино вернул шило мастеру Виноградинке и сказал коротко:

— Спасибо, я знаю, что делать.

Он тут же убежал куда-то. Никто даже не успел спросить его, что же именно пришло ему в голову.

Кум Тыква отозвался с глубоким вздохом:

— Ах, ежели Чиполлино говорит, что он придумал что-то, то будьте спокойны: он скоро все уладит!

Однако Чиполлино очень долго бродил по полям и лугам, прежде чем нашел то, что искал. Наконец он забрел на луг, весь усеянный бугорками взрытой земли. Каждую минуту здесь возникал, словно гриб, новый бугорок: Крот был за работой.

Чиполлино решил ждать. И вот, когда один из бугорков вспух чуть ли не под его ногами, он стал на колени и позвал:

— Синьор Крот! Синьор Крот! Это я, Чиполлино.

— А, это вы? — сухо ответил Крот. — Признаться, я только наполовину ослеп после нашей первой встречи. Очевидно, теперь вы намерены снова предложить мне какое-нибудь подземное путешествие, которое окончательно лишит меня зрения.

— Не говорите так, синьор Крот. Я никогда не забуду вашей услуги: благодаря вам я встретился с моими друзьями. Нам удалось выйти на свободу, и мы нашли временное убежище в пещере неподалеку.

— Спасибо за сообщение, но это меня вовсе не интересует. До свидания!

— Синьор Крот! Синьор Крот! — закричал Чиполлино. — Выслушайте меня!

— Что ж, говорите, но только, пожалуйста, не воображайте, что я готов по-прежнему помогать вам в ваших делах.

— Дело касается не меня, а нашего деревенского адвоката, которого зовут Горошком. Его должны повесить завтра утром.

— И прекрасно сделают! — сердито ответил Крот. — Я бы с удовольствием помог затянуть на нем петлю. Терпеть не могу адвокатов, да и горошек мне не по вкусу.

Бедному Чиполлино пришлось немало потрудиться, чтобы переубедить упрямого Крота, но мальчик был уверен в том, что, несмотря на грубоватые повадки, у Крота золотое сердце и он никогда не откажется помочь правому делу.

Так и вышло — в конце концов Крот немного смягчился и сказал коротко и отрывисто:

— Довольно болтовни, синьор Чиполлино. У вас, как видно, язык без костей. Покажите-ка мне лучше, в какую сторону рыть.

— В направлении на северо-восток, — быстро ответил Чиполлино, чуть не подпрыгнув от радости.

В два счета Крот прорыл широкую, длинную галерею прямо под эшафот. Здесь он и Чиполлино притаились и стали ждать, что будет. Когда люк над ними наконец открылся и синьор Горошек полетел вниз с веревкой на шее, Чиполлино мгновенно перерезал веревку и дал адвокату глотнуть целебного картофельного сока, который синьор Крот всегда носил с собой. Вдобавок Чиполлино легонько похлопал адвоката по щекам. Картофельный сок и несколько пощечин привели адвоката в чувство. Синьор Горошек открыл глаза, но он, как вы и сами понимаете, был так ошеломлен, что не поверил в свое спасение.

— О синьор Чиполлино! — воскликнул он. — Значит, вы тоже умерли, как и я? Какое счастье, что нам довелось встретиться с вами в раю!

— Очнись, адвокат! — вмешался Крот. — Здесь тебе не рай и не ад. Да и я не святой Петр и не дьявол, а старый Крот и тороплюсь по своим делам. Поэтому давайте побыстрее выбираться отсюда, и постарайтесь пореже попадать мне на дороге. Каждый раз, как я встречаю Чиполлино, у меня делается солнечный удар.

На самом деле под эшафотом царила полная тьма, но синьору Кроту и это подземелье казалось настолько светлым, что у него заболели глаза и голова.

В конце концов синьор Горошек уразумел, что благодаря Чиполлино и Кроту он избавился от смерти. Адвокат без конца благодарил своих спасителей. Сначала он обнимал их по очереди, потом захотел обнять обоих сразу, но это ему не удалось, потому что руки у него были слишком коротки.

Когда Горошек наконец успокоился, все трое отправились в путь по готовому подземному ходу. Дойдя до его конца, Крот вырыл еще один коридор — до той пещеры,

где скрывались мастер Виноградинка, кум Тыква, профессор Груша и прочие беглецы.

Адвоката и его избавителей встретили радостными криками. Все забыли, что еще недавно синьор Горошек был их врагом.

Прощаясь со своими новыми друзьями, Крот не мог удержаться от слез.

— Синьоры, — сказал он, — если бы у вас была хоть капля здравого смысла, вы поселились бы вместе со мной под землей. Там нет ни виселиц, ни кавалеров Помидоров, ни принцев Лимонов, ни его Лимончиков. Покой и темнота — вот что важнее всего на свете. Во всяком случае, если я вам понадоблюсь, бросьте в это отверстие записочку. Я время от времени буду наведываться сюда, чтобы узнать, как у вас идут дела. А пока — всего хорошего!

Друзья тепло простились со старым Кротом и едва успели обменяться с ним последними приветствиями, как синьор Горошек так хлопнул себя по лбу, что не удержался на ногах и полетел вверх тормашками:

— Ах я растяпа! Ах ротозей! Моя рассеянность меня в конце концов погубит!

— Вы что-нибудь забыли? — вежливо спросила кума Тыквочка, поднимая адвоката с земли и стряхивая пыль с его одежды.

Тут только синьор Горошек рассказал беглецам о своем разговоре с Помидором и о новом предательстве кавалера.

Свою речь он закончил словами:

— Синьоры, знайте, что в эту самую минуту, когда мы с вами здесь разговариваем, стража рыщет по всему лесу. Ей приказано разыскать ваш домик и доставить его к воротам замка.

Не говоря ни слова, Чиполлино бросился в чащу и в два прыжка очутился под дубом, у кума Черники. Но домика там уже не было...

Кум Черника, притаившись между корнями дуба, безутешно плакал:

— Ах, мой милый домик! Мой славный, уютный домик!

— Здесь побывали Лимончики? — спросил Чиполлино.

— Да, да, они все унесли: и домик, и половинку ножниц, и бритву, и объявление, и даже ко-ло-коль-чик!

Чиполлино почесал затылок. На этот раз ему потребовалось бы два шила, чтобы придумать что-нибудь, а у него не было ни одного. Он ласково потрепал кума Чернику по плечу и отвел его в пещеру, к своим друзьям.

Никто не задал им ни одного вопроса. И без слов все поняли, что домик исчез и что это дело рук их заклятого врага — кавалера Помидора.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Приключения мистера Моркоу и собаки Держи-Хватай

Мистер Моркоу...

Минуточку: кто такой мистер Моркоу? Об этой особе у нас еще разговора не было. Откуда же он взялся? Что ему нужно? Большой он или маленький, толстый или тощий?

Сейчас я вам все объясню.

Убедившись, что беглецов и след простыл, принц Лимон велел прочесать все окрестности. Лимончики вооружились граблями и старательно прочесали поля и луга, леса и рощи, чтобы найти наших друзей. Солдаты работали день и ночь и нагребли целую кучу бумажек, хворосту и сухой змеиной кожи, но они не поймали даже тени Чиполино и его друзей.

— Бездельники! — бушевал правитель. — Только грабли поломали, все зубья в лесу оставили. За это вам самим следовало бы все зубы выбить!

Солдаты дрожали и стучали зубами от страха. Несколько минут только и слышалось: тук-тук-тук — словно шел град.

Один из придворных Лимонов посоветовал:

— Я полагаю, что следовало бы обратиться к специалисту по делам розыска.

— Это еще что за птица?

— Попросту говоря, сыщик. Вот ежели, например, вы, ваше высочество, потеряли пуговицу, извольте обратиться

в сыскное бюро, и сыщик найдет ее вам в два счета. То же самое будет, если у вашего высочества пропадет батальон солдат или уйдут из-под стражи заключенные. Сыщику стоит только надеть специальные очки, и он мгновенно обнаружит то, что у вас пропало.

— Ну, если так, пошлите за сыщиком!

— Я знаю очень подходящего иностранного специалиста по этой части, — предложил придворный. — Его зовут мистер Моркоу.

Мистер Моркоу... Так вот кто он такой, мистер Моркоу! Пока он еще не успел прибыть в замок, я расскажу вам, как он одет и какого цвета у него усы. Впрочем, про усы я вам ничего сказать не могу по той простой причине, что у тощего рыжего мистера Моркоу усов нет. Зато у него есть собака-ищейка, которую зовут Держи-Хватай. Она помогает ему носить инструменты. Мистер Моркоу никогда не пускается в путь, не захватив с собой дюжины подзорных труб и биноклей, сотни компасов и десятка фотоаппаратов. Кроме того, он повсюду возит с собой микроскоп, сетку для бабочек и мешочек с солью.

— А для чего вам соль? — спросил у него правитель.

— С позволения вашего высочества, я насыпаю соли на хвост преследуемой дичи, а потом ловлю ее этим прибором, похожим на огромную сетку для бабочек.

Принц Лимон вздохнул:

— Боюсь, что на этот раз соль вам не понадобится: насколько мне известно, у сбежавших заключенных хвостов не было...

— Случай очень серьезный, — строго заметил мистер Моркоу. — Если у них нет хвостов, как же их поймать за хвост? Куда им насыпать соли? С позволения вашего высочества, вы вообще не должны были допускать бегства заключенных из тюрьмы. Или, по крайней мере, нужно было перед их побегом приладить им хвосты, чтобы моя собака могла их поймать.

— Я видел в кино, — снова вмешался тот вельможа, который посоветовал обратиться к сыщику, — что иногда беглецов ловят без помощи соли.

— Это устаревшая система, — возразил мистер Моркоу с презрительным видом.

— Факт, факт! О-очень, о-очень устаревшая система, — повторила собака.

У этой собаки была одна особенность: она часто повторяла слова своего хозяина, прибавляя к ним свои личные соображения, которые обычно сводились к словам: «О-очень, о-очень, весьма, весьма или факт, факт».

— Впрочем, у меня есть еще и другой способ ловли беглецов, — сказал мистер Моркоу.

— Факт, факт! У нас о-очень, о-очень много способов, — подтвердила собака, важно виляя хвостом.

— Можно пустить в ход перец вместо соли.

— Правильно, правильно! — с восторгом одобрил принц Лимон. — Насыпьте им перцу в глаза, и они сейчас же сдадутся, я в этом не сомневаюсь.

— Я тоже так думаю, — осторожно заметил кавалер Помидор. — Но прежде чем пустить в дело перец, вероятно, надо сначала найти беглецов. Не так ли?

— Это несколько труднее, — сказал мистер Моркоу, — но с помощью моих приборов я, пожалуй, попробую.

Мистер Моркоу был ученый сыщик, он ничего не делал без помощи своих инструментов. Даже отправляясь спать, он вооружался тремя компасами: одним, самым большим, — чтобы отыскать лестницу, другим, поменьше, — чтобы определить, где находится дверь спальни, и третьим, еще меньше, — чтобы найти в спальне кровать.

Вишенка, словно невзначай, прошелся по коридору, желая поглядеть на знаменитого сыщика и его собаку. Каково же было его удивление, когда он увидел, что мистер Моркоу и собака растянулись на полу, разглядывая лежащий перед ними компас!

— Простите, почтенные синьоры, — любопытствовал Вишенка, — я хотел бы узнать: что вы делаете, лежа на полу? Может быть, вы пытаетесь найти на ковре следы беглецов и определить по компасу, в какую сторону они бежали?

— Нет, я просто ищу свою кровать, синьор. Найти кровать невооруженным глазом может каждый, но сыщик-специалист должен производить розыски научно, при помощи соответствующей техники. Как вам известно, намагниченная стрелка компаса всегда показывает на север. Это ее свойство дает мне возможность безошибочно найти местоположение моей кровати.

Однако, следуя указаниям своего компаса, сыщик неожиданно стукнулся головой о зеркало, а так как он был из породы твердолобых, то раздробил стекло на тысячу кусков.

При этом больше всего пострадала его собака. Один из осколков отсек ей добрую половину хвоста, оставив только жалкий обрубок.

— Наши расчеты, очевидно, были ошибочны. — сказал мистер Моркоу.

— Факт, факт! О-очень, о-очень ошибочны, — согласилась собака, зализывая обрубок хвоста.

— Значит, — сказал сыщик, — надо поискать другую дорогу.

— Факт, факт! Надо поискать другую дорогу, — пролаяла собака. — Может быть, другие дороги не кончаются зеркалами.

Отложив в сторону компас, мистер Моркоу вооружился одной из своих мощных морских подзорных труб.

Он приложил ее к глазу и начал поворачивать налево и направо.

— Что вы видите, хозяин? — спросила собака.

— Вижу окно: оно закрыто, на нем красные занавески, и в каждой раме по четырнадцать разноцветных стекол.

— О-очень, о-очень важное открытие! — воскликнула собака. — Четырнадцать и четырнадцать будет двадцать

восемь. Если мы пойдем в этом направлении, нам на голову посыплется по крайней мере пятьдесят шесть осколков, а что касается меня, то я уж и не знаю, что останется от моего хвоста!

Мистер Моркоу направил подзорную трубу в другую сторону.

— Что вы теперь видите, хозяин? — спросила собака озабоченно.

— Вижу какое-то металлическое сооружение. Очень интересная конструкция. Представь себе: три ножки, соединенные наверху металлическим кольцом, а на вершине сооружения — белая крыша, по-видимому эмалированная.

Собака была потрясена открытиями своего хозяина.

— Синьор, — сказала она, — если я не ошибаюсь, то до нас еще никто нигде не находил эмалированных крыш. Не так ли?

— Да, — ответил мистер Моркоу не без гордости. — Настоящий сыщик может обнаружить необыкновенные вещи даже в самой обыкновенной обстановке.

Хозяин и собака ползком двинулись к металлическому сооружению с белой крышей. Преодолев расстояние в десять шагов, они приблизились к таинственной конструкции и подползли под нее так неловко, что эмалированная крыша опрокинулась.

Едва успели они опомниться и понять, что произошло, как их внезапно обдало холодным дождем.

Сыщик и собака застыли на месте, опасаясь новых неожиданностей. Они боялись пошевелиться, а между тем струйки холодной воды текли у мистера Моркоу по лицу, у его собаки — по морде и у обоих — по спине, животу, бокам.

— Я полагаю, — пробормотал недовольно мистер Моркоу, — что мы попросту опрокинули эмалированный таз, стоявший на умывальнике.

— Я думаю, — добавила собака, — что в этом тазу было о-очень, о-очень много воды для утреннего умывания.

Тут мистер Моркоу наконец встал и отряхнулся после неожиданного душа. Верная спутница последовала его примеру. После этого сыщик без труда нашел кровать, от которой находился в двух шагах, и торжественно проследовал к ней, продолжая изрекать глубокомысленные замечания вроде следующего:

— Что поделаешь! Наша профессия сопряжена с риском. Правда, нам на голову обрушились целые потоки холодной воды, но зато мы нашли то, что искали: кровать.

— Факт, факт! Много воды утекло! — со своей стороны заметила собака.

Ей в этот вечер как-то особенно не везло: мокрая, озябшая, с обрубленным хвостом, она уснула на полу, положив голову на влажные туфли своего хозяина.

Мистер Моркоу прохрапел всю ночь и проснулся с первыми лучами солнца.

— Держи-Хватай, за работу! — позвал он.

— Хозяин, я готова, — ответила собака, вскочив и усевшись на обрубок хвоста.

Умыться мистер Моркоу в это утро не мог, потому что пролил всю воду, предназначенную для умывания. Собака удовлетворялась тем, что вылизала себе усы, а потом лизнула в лицо и своего хозяина. Освежившись таким образом, они вышли в парк и принялись за розыск.

Знаменитый сыщик начал с того, что достал из сумки мешочек, в котором было девяносто крошечных бочонков с номерами, какие употребляются при игре в лото.

Он попросил собаку вытащить какой-нибудь номер. Собака сунула лапу в мешочек и вытянула номер семь.

— Значит, нам нужно отмерить семь шагов вправо, — решил мистер Моркоу.

Они отмерили семь шагов вправо и попали в крапиву. У собаки словно огнем обожгло обрубок хвоста, а у мистера Моркоу так покраснел нос, что стал похож на стручок турецкого перца.

— Должно быть, у нас опять вышла ошибка, — предположил ученый сыщик.

— Факт, факт! — печально подтвердила собака.

— Попробуем другой номер!

— Попробуем! — согласилась собака.

На этот раз вышел двадцать восьмой номер, и мистер Моркоу решил, что нужно отойти на двадцать восемь шагов влево.

Отошли на двадцать восемь шагов влево и свалились в бассейн, где плавали золотые рыбки.

— Помогите! Тону! — завопил мистер Моркоу, барахтаясь в воде и пугая золотых рыбок.

Может быть, он и в самом деле бы утонул, но верная собака вовремя ухватила его зубами за воротник и выволокла на сушу.

Они уселись на краю бассейна. Один из них сушил одежду, другой — шерсть.

— Я сделал в бассейне очень важное открытие, — сказал мистер Моркоу, нисколько не смущаясь.

— О-очень, о-очень важное! — поддакнула собака. — Мы с вами открыли, что вода о-очень, о-очень мокрая.

— Нет, не то. Я пришел к выводу, что пленники, которых мы ищем, нырнули на дно этого бассейна, вырыли здесь подземный ход и таким образом ускользнули от своих преследователей.

Мистер Моркоу позвал кавалера Помидора и предложил ему выпустить воду из бассейна, а затем перекопать дно, чтобы найти подземный ход. Но синьор Помидор решительно отказался от этого предложения. Он заявил, что, по его личному мнению, беглецы выбрали более простой и легкий путь, и попросил мистера Моркоу направить свои розыски в другую сторону.

Знаменитый сыщик вздохнул и поник головой.

— Вот вам людская благодарность! — сказал он. — Я тружусь в поте лица своего, принимаю одну холодную ван-

ну за другой, а местные власти, вместо того чтобы помочь моей работе, чинят мне препятствия на каждом шагу.

К счастью, мимо бассейна, будто случайно, проходил в это время Вишенка. Сыщик остановил его и спросил, не знает ли он другого выхода из парка, кроме тайной подземной галереи, вырытой беглецами под бассейном с золотыми рыбками.

— Ну конечно, знаю, — ответил Вишенка. — Это калитка.

Мистер Моркоу горячо поблагодарил мальчика и в сопровождении собаки, которая все еще фыркала и отряхивалась после холодной ванны, пошел искать калитку по компасу, с которым никогда не расставался.

Вишенка последовал за ним, будто бы из пустого любопытства.

Когда же сыщик вышел наконец из парка и направился к лесу, мальчик вложил в рот два пальца и громко свистнул.

Мистер Моркоу живо обернулся к нему:

— Кого это вы зовете, молодой человек? Вероятно, мою собаку?

— Нет, нет, мистер Моркоу, я только дал знать одному знакомому воробью, что для него приготовлены на подоконнике хлебные крошки.

— У вас добрая душа, синьорино. — С этими словами мистер Моркоу поклонился Вишенке и пошел своей дорогой.

Как вы легко можете догадаться, на свист Вишенки кто-то вскоре тоже ответил свистом, но не таким громким, а слегка приглушенным. Вслед за этим на опушке леса, справа от сыщика, закачались ветви кустарника. Вишенка улыбнулся: его друзья были начеку — он вовремя предупредил их о появлении мистера Моркоу и его собаки.

Но и сыщик тоже заметил, как шевелятся кусты. Он бросился на землю и застыл. Собака последовала его примеру.

— Нас окружили! — прошептал сыщик, отплевываясь от пыли, набившейся ему в нос и рот.

— Факт, факт! — протявкала собака. — Нас окружили!

— Наша задача, — продолжал шепотом мистер Моркоу, — становится с каждой минутой все труднее и опаснее. Но мы должны во что бы то ни стало поймать беглецов.

— Поймать, поймать! — тихонько отозвалась собака.

Сыщик навел на кусты свой горный бинокль и стал внимательно их осматривать.

— Кажется, в кустарнике больше никого нет, — сказал он.

Злодеи отступили.

— Какие злодеи? — спросила собака.

— Те, что скрывались в зарослях и шевелили ветвями. Нам остается только пойти по их следам, а следы эти безусловно приведут нас в их притон.

Собака не переставала восхищаться догадливостью своего хозяина.

Тем временем люди, скрывавшиеся в кустах, и в самом деле отступали, довольно энергично пробираясь сквозь заросли. Собственно говоря, никого не было видно, и только ветви кустарника еще слегка колыхались в тех местах, где они прошли. Но мистер Моркоу теперь уже не сомневался, что в кустах прячутся беглецы, и твердо решил их выследить.

Через сотню метров тропинка привела сыщика и собаку в лес. Мистер Моркоу и Держи-Хватай прошли несколько шагов и остановились под тенью дуба, чтобы отдохнуть и оценить положение.

Сыщик вытащил из мешка микроскоп и начал внимательно рассматривать пыль на дорожке.

— Никаких следов, хозяин? — с нетерпением спросила собака.

— Ни малейших.

В этот миг снова послышался продолжительный свист, а потом раздались приглушенные крики:

— О-го-го-го-го!

Мистер Моркоу и собака опять бросились на землю.

Крик повторился два или три раза. Вне всякого сомнения, таинственные люди подавали друг другу сигналы.

— Мы в опасности, — спокойно произнес мистер Моркоу, доставая прибор, похожий на сетку для бабочек.

— Факт, факт! — как эхо откликнулась собака.

— Преступники отрезали нам путь к отступлению и начали обходной маневр, чтобы напасть на нас сзади. Держи наготове перечницу. Как только они появятся, мы пустим им перец в глаза и накроем их сеткой.

— План очень смелый, — пролаяла собака, — но я слышала, что у злодеев иногда бывают ружья... А что, если они, попав в плен, начнут стрелять?

— Проклятье! — воскликнул мистер Моркоу. — Признаться, об этом я не подумал.

В этот миг в нескольких шагах от сыщика и собаки, все еще простертых на земле, раздался придушенный голос:

— Мистер Моркоу! Мистер Моркоу!

— Женский голос... — сказал сыщик, оглядываясь по сторонам.

— Сюда, мистер Моркоу! Ко мне! — продолжал звать тот же голос.

Собака осмелилась высказать свое предположение.

— По-моему, — пролаяла она, — тут происходит нечто очень загадочное. Женщине угрожает серьезная опасность. Может быть, она находится в руках бандитов, которые хотят сделать ее своей заложницей. Я думаю, нам нужно во что бы то ни стало освободить ее.

— Мы не можем заниматься посторонними делами, — сказал мистер Моркоу, рассерженный неуместным вмешательством своего ретивого помощника. — Мы пришли сюда для того, чтобы задержать, арестовать, а не освободить кого-то. У нас точная и ясная цель. Мы не можем делать как раз противоположное тому, за что нам платят. Помните, что вас зовут Держи-Хватай, и делайте свое дело!

В эту минуту из-за кустов снова раздался жалобный, умоляющий крик:

— Мистер Моркоу! Да помогите же! Ради Бога, помогите!

В этом голосе слышалось такое отчаяние, что знаменитый сыщик не устоял.

«Женщина просит моей помощи, — подумал он, — и я откажусь помочь ей? Сердца у меня нет, что ли?»

Он озабоченно ощупал левую сторону своей груди под жакетом и вздохнул с облегчением: сердце у него оказалось на месте и билось даже чаще, чем всегда.

Между тем голос постепенно удалялся на север. В той стороне, откуда он доносился, тревожно колыхались кусты, слышался шорох шагов и заглушенный шум борьбы.

Мистер Моркоу вскочил на ноги и в сопровождении собаки бросился бежать на север, не сводя глаз с компаса.

Вдруг сзади него послышался сдержанный смех.

Сыщик в гневе остановился и стал искать глазами неизвестную особу, которая позволила себе так дерзко смеяться за его спиной. Не найдя никого среди кустов, мистер Моркоу сверкнул глазами и закричал, весь дрожа от благородного негодования:

— Смейся, смейся, подлый преступник! Хорошо смеется тот, кто смеется последним!

«Преступник» снова фыркнул, а потом задохнулся от внезапного приступа кашля.

Дело в том, что Редиска сильно хлопнула его в эту минуту по спине, чтобы он перестал смеяться. Этот смешливый парнишка был не кто иной, как маленький Фасолинка, сын тряпичника Фасоли. Откашлявшись, он запихал себе платок в рот и продолжал смеяться в свое удовольствие, не нарушая тишины.

— Ты хочешь испортить все, что нам удалось сделать! — сердито зашептала Редиска. — Сейчас же перестань фыркать!

— Да как же над ним не смеяться! — еле выговорил Фасолинка, сдерживая смех.

— Успеешь еще посмеяться, — прошептала Редиска, — а пока пойдем и постараемся не терять сыщика из виду.

Мистер Моркоу и его собака по-прежнему бежали на север — в ту сторону, откуда доносился шорох удаляющихся шагов и шум борьбы. Они думали, что преследуют целую шайку злодеев, крадущихся через кустарник. А на самом деле они гнались за двумя ребятами — Картошечкой и Томатиком, которые делали вид, что дерутся друг с другом. Время от времени девочка останавливалась и тоненьким голосом кричала:

— Помогите! Помогите, синьор сыщик! Меня похитили бандиты! Умоляю вас, освободите меня!

Вы, вероятно, догадались, что у ребят, пробиравшихся через кустарник, была одна задача: отвлечь сыщика и его собаку как можно дальше от пещеры, в которой прятались Чиполлино и его друзья. Но это еще было не все, что ребята задумали.

В ту минуту, когда собака сыщика уже готовилась настичь убегающих и схватить одного из них за икры, с ней произошло нечто весьма странное.

— О небо, я лечу! Прощайте, дорогой хозяин! — только и успела она пролаять.

И она в самом деле стремительно взлетела вверх. Вербочная петля подняла перепуганную собаку до самой макушки дуба и крепко притянула к толстому суку.

Когда сыщик, отстававший от нее только на несколько шагов, вышел из-за куста, собаки и след простыл.

— Держи-Хватай! — позвал он. — Держи-Хватай!

Никакого ответа.

— Наверно, подлая собака опять погналась за каким-нибудь зайцем. За десять лет я так и не мог отучить ее от старой привычки!

Не слыша в ответ ни звука, он снова позвал:

— Держи-Хватай!

— Я здесь, хозяин! Здесь! — жалобно ответил ему придушенный голос откуда-то сверху.

Сыщик поднял голову и сквозь листья дуба увидел свою собаку где-то между верхних ветвей дерева.

— Что ты там делаешь? — строго спросил он. — Нечего сказать, нашла время лазить по деревьям! Ты что думаешь, мы с тобой в игрушки играем? Слезай немедленно! Бандиты не ждут. Если мы потеряем их след, кто же освобождает пленницу?

— Хозяин, не сердитесь! Сейчас я вам все объясню... — провизжала собака, тщетно пытаясь освободиться из западни.

— Нечего тут объяснять! — продолжал возмущенный мистер Моркоу. — Я и без твоего вранья прекрасно понимаю, что тебе не хочется преследовать бандитов и ты предпочитаешь гоняться за белками на ветвях деревьев. Только тебе это даром не пройдет! Я, самый знаменитый в Европе и в Америке сыщик, не могу держать у себя на службе бездельницу, которая не пропустит ни одного дерева, не поддавшись искушению взобраться на него. Что и говорить, подходящее местечко для моего помощника!.. Прощай! Ты уволена.

— Хозяин, хозяин, дайте же мне хоть слово сказать!

— Говори что хочешь, но я не намерен тебя слушать. У меня есть дела поважнее. Я обязан выполнить свой долг, и ничто не остановит меня на этом пути. А ты гоняйся за белками сколько твоей душе угодно. Желаю тебе найти более веселую должность и менее строгого хозяина. А себе я подыщу помощника посерьезнее. Еще вчера я приглядел в парке славного пса по имени Мастино. Он как раз по мне: честный, скромный и достойный пес. Ему-то небось никогда не придет в голову охотиться за гусеницами на дубах... Итак, прощай, легкомысленная и неверная собака! Больше мы не увидимся.

Слыша такие оскорбления и упреки, бедная собака залилась горькими слезами.

— Хозяин, хозяин, будьте осторожнее в пути, не то с вами случится то же, что и со мной!

— Брось эти глупые шутки, старая пустолайка! Я еще никогда в жизни не лазил ни на какие деревья. И уж конечно, не собираюсь следовать твоему примеру, забывая свои прямые обязанности...

Но в тот самый миг, когда мистер Моркоу произносил эту негодующую речь, он почувствовал, как что-то схватило его поперек туловища с такой силой, что у него прервалось дыхание.

Он услышал, как щелкнула пружина, и почувствовал, что летит вверх, раздвигая листву того самого дуба, на верхушке которого находилась его собака. Когда этот короткий полет был окончен, сыщик увидел перед собой ее хвост. Так же, как собака, мистер Моркоу был крепко прижат к стволу прочной веревкой.

— Я же говорила, говорила вам! — жалобно повторяла собака, виляя обрубком хвоста. — А вы не захотели меня выслушать...

Мистер Моркоу делал необыкновенные усилия, чтобы сохранить свое достоинство в столь неудобной позе.

— Ты мне ничего, ровно ничего не сказала! — процедил он сквозь зубы. — Твой долг был предупредить меня о ловушке, вместо того чтобы тратить время на пустую болтовню!

Собака прикусила язык, чтобы не ответить на несправедливый упрек. Она отлично понимала душевное состояние своего хозяина и не желала вступать с ним в спор.

— Итак, мы в западне, — сказал задумчиво мистер Моркоу. — Теперь мы должны сообразить, как нам из нее выбраться.

— Это вам будет не так-то легко! — послышался тонкий голосок откуда-то снизу.

«Какой знакомый голос! — подумал мистер Моркоу. — Ах да, это она — пленница, которая звала меня на помощь!»

Он посмотрел вниз, ожидая увидеть страшных бандитов с ножами в зубах и среди них пленную принцессу, но вместо этого увидел компанию ребят, которые катались по земле от смеха.

Это были Редиска, Картошечка, Фасолинка и Томатик. Они хохотали, обнимались и плясали под ветвями дуба, напевая песенку, которую тут же придумали:

Ду-ду-ду! Ду-ду-ду!
Радость и веселье!
Две собаки на дубу
Рядышком висели...

— Синьоры, — сказал, нахмутив брови, знаменитый сыщик, — будьте добры объяснить, кто вы такие и чему вы радуетесь.

— Мы не синьоры, — ответил Фасолинка, — мы бандиты!

— А я — бедная пленница!

— Сейчас же помогите мне спуститься на землю, иначе я буду вынужден принять самые суровые меры. Слышите?

— Факт, факт! О-очень суровые меры, — пролаяла собака, яростно размахивая обрубок хвоста.

— Я думаю, вам вряд ли удастся принять суровые меры, пока вы будете оставаться в этом положении, — сказала Редиска.

— А уж мы постараемся, чтобы вы провисели как можно дольше, — добавил Томатик.

Мистер Моркоу замолчал, не зная, что ответить. Он понял, что дело принимает серьезный оборот.

— Положение ясное, но довольно безвыходное, — прошептал он своей собаке на ухо.

— Факт, факт! О-очень ясное, но совершенно безвыходное! — печально подтвердила собака.

— Мы в плену у банды ребят, — продолжал сыщик. — Какой позор для меня! К тому же, по-видимому, эти ребята сговорились с беглецами поймать нас в ловушку, чтобы мы потеряли их следы.

— Факт, факт! Сговорились! — подтвердила собака. Я только удивляюсь, как ловко они построили эту западню!

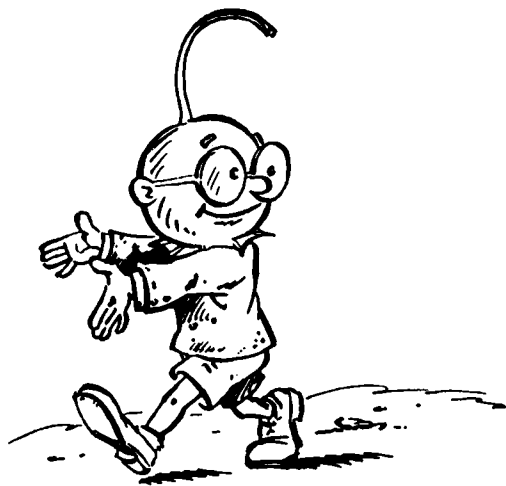
Верная помощница сыщика удивилась бы, конечно, еще больше, если бы знала, что западню устроил Вишенка собственными руками. Он прочел много книг с приключениями и знал всяческие охотничьи уловки.

Вот он и придумал, как поймать в ловушку сыщика, не прибегая на этот раз к помощи Чиполлино.

Как видите, затея ему великолепно удалась. Из-за куста украдкой поглядывал он теперь на двух попавших в западню хищников и был очень доволен своей выдумкой.

«Вот мы и вывели из строя на время двух опасных врагов», — подумал он и пошел домой, радостно потирая руки.

А Редиска и остальные ребята отправились в пещеру, чтобы рассказать обо всем Чиполлино. Но в пещере они никого не нашли — она была пуста, пепел костра остыл. Очевидно, огонь не разводили уже по крайней мере два дня.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Чиполлино заводит дружбу с очень симпатичным Медведем

Вернемся, как говорится в книгах, немного назад — точнее, на два дня назад. Иначе нам не удастся узнать, что же случилось в пещере.

Кум Тыква и кум Черника никак не могли примириться с утратой домика. Они так привязались к этим ста восемнадцати кирпичам, что им казалось, будто они потеряли сто восемнадцать сыновей. Несчастье сблизило их, и они стали закадычными друзьями. В конце концов кум Тыква пообещал куму Чернике:

— Если только нам удастся освободить наш домик, мы будем жить в нем вместе!

Кум Черника даже прослезился при этих словах. Как видите, кум Тыква уже не говорил «мой» домик, а называл его «нашим» домиком. Так же стал называть его и кум Черника, хотя из-за этого домика он потерял свою драгоценную половинку ножниц, ржавую бритву, полученную в наследство от прадеда, и другие сокровища.

Один раз друзья чуть не поссорились, заспорив о том, кто же из них двоих больше любит домик. Кум Тыква считал, что кум Черника не может любить его так, как он.

— Я работал всю жизнь, чтобы его построить. Я собирал по кирпичику!

— Да, но вы в нем так мало жили, а я прожил почти целую неделю!

Однако такие споры быстро кончались. Наступал вечер, а вечером было гораздо важнее защищать пещеру от нападения волков, чем ссориться.

В этом лесу жили волки, медведи и другие дикие звери. Поэтому каждую ночь нужно было разводить вокруг пещеры большой костер, чтобы держать зверей в отдалении. Конечно, существовала опасность, что огонь заметят и в замке.

Но что же делать! Нельзя же отдавать себя на съедение волкам.

Волки подбирались очень близко к пещере и бросали жадные взгляды на круглую и толстенькую куму Тыквочку. Должно быть, она казалась им особенно вкусной.

— Нечего на меня так смотреть! — кричала волкам кума Тыквочка. — Вы от меня никогда и полпальца не получите!

Волки были так голодны, что начинали жалобно выть.

— Кума Тыквочка, — говорили они, далеко обходя костер, чтобы не обжечься, — ну дайте нам хоть пальчик! Что вам стоит? У вас ведь их десять на руках и десять на ногах, а всего, значит, целых двадцать пальцев!

— Для диких зверей вы неплохо знаете арифметику, — отвечала кума Тыквочка, — но и это вам не поможет!

Волки немного ворчали, а потом убирались прочь. Чтобы утешиться, они растерзали всех зайцев в окрестностях.

Позже явился Медведь и тоже стал заглядываться на куму Тыквочку.

— Вы мне очень нравитесь, синьора Тыквочка! — сказал он.

— Вы мне тоже, синьор Медведь, но мне бы еще больше понравился ваш окорок.

— Что такое вы говорите, синьора Тыквочка! А вот я с удовольствием съел бы вас целиком.

Чиполлино кинул в непрошеного гостя сырую картофелину:

— Попробуйте удовольствоваться вот этим!

— Я всегда ненавидел все ваше семейство, Чиполлино, — ответил Медведь, разозлившись. — От вас только слезы льются. Не понимаю, как это некоторые могут любить лук!

— Послушайте-ка, синьор Медведь, — предложил Чиполлино, — напрасно вы подстерегаете нас каждый вечер. Вы же прекрасно знаете, что это бесполезно: у нас в запасе так много спичек, а в лесу так много хвороста, что мы можем разводить каждую ночь костер и держать вас подальше от нашего жилища. Чем быть врагами, не попытаться ли нам стать друзьями?

— Видано ли когда-нибудь, — буркнул Медведь, — чтобы Медведь дружил с Чиполлино, с луковицей!

— А почему бы и нет? — возразил Чиполлино. — На этом свете вполне можно жить и в мире. Для всех на земле есть место — и для медведей, и для луковиц.

— Места-то хватит для всех, это верно. Но зачем же тогда люди ловят нас и сажают в клетку? Должен вам сказать, что мои отец и мать находятся в плену в зоологическом саду при дворце правителя.

— Значит, мы с вами товарищи по несчастью: мой отец тоже в плену у правителя.

Услышав, что отец Чиполлино находится в заключении, Медведь смягчился:

— И давно он там сидит?

— Уже много месяцев. Он приговорен к пожизненному заключению, но ему не выйти оттуда и после смерти, потому что при тюрьмах правителя имеются кладбища.

— Вот и моим родителям суждено просидеть в клетке всю жизнь. И пожалуй, они тоже не выйдут из заключения после смерти, потому что будут похоронены в саду правителя... — Медведь глубоко вздохнул. — Что ж, если

хотите, — предложил он, — будем и в самом деле друзья. Собственно говоря, у нас нет никаких причин враждовать друг с другом. Мой прадед, знаменитый бурый Медведь, рассказывал, что он слышал от стариков, будто когда-то, в незапамятные времена, в лесу все жили в мире. Люди и медведи были друзьями, и никто не делал зла другому.

— Эти времена могут вернуться, — сказал Чиполлино. — Когда-нибудь мы все станем друзьями. Люди и медведи будут вежливо обращаться друг с другом и при встречах снимать шляпы.

Медведь, казалось, был в затруднении.

— Так, значит, — сказал он, — мне придется купить шляпу — у меня ведь ее нет.

Чиполлино засмеялся:

— Ну, это ведь только так говорится! Вы можете здороваться на свой лад — кланяться или приветливо махать лапой.

Медведь поклонился и помахал лапой.

Мастер Виноградинка так удивился этому, что схватил шило и почесал затылок.

— Никогда в жизни не видал я такого учтивого медведя! — произнес он растерянно.

Синьор Горошек по своей адвокатской привычке отнесся ко всему этому крайне недоверчиво.

— Я не очень-то полагаюсь на медвежью дружбу, — предостерег он. — Медведь умеет и притворяться. Это очень лукавое животное.

Но Чиполлино не согласился с адвокатом. Он сделал в костре проход и дал Медведю возможность добраться до пещеры, не опалив шкуры. Медведь еще раз помахал лапой, а Чиполлино представил его всей компании как своего доброго знакомого.

Профессор Груша, который как раз к этому времени закончил починку своего инструмента, устроил в честь Медведя скрипичный концерт.

Медведь любезно согласился потанцевать ради своих новых друзей, и таким образом обитатели пещеры и лесной гость провели очень приятный вечер.

Когда Медведь распростился с хозяевами, чтобы отправиться спать, Чиполлино вызвался проводить его немного.

Видите ли, Чиполлино не любил говорить о своих горестях, но на душе у него было тяжело. В этот вечер он снова вспомнил старика отца, томящегося в тюрьме, и ему захотелось поделиться своим горем с Медведем.

— Что-то подделывают сейчас наши родители! — сказал Чиполлино своему мохнатому спутнику, когда они вышли из пещеры.

— О моих родителях я кое-что слышал, — ответил Медведь. — Я никогда не был в городе, но мой приятель, Зяблик, часто приносит мне весточку об отце и матери. Он говорит, что они никогда глаз не смыкают: и днем и ночью мечтают о свободе. А я и не знаю толком, что такое свобода. Я бы предпочел, чтобы они думали обо мне. Ведь я, в конце концов, их сын!

— Быть свободным — это значит не быть рабом своего хозяина, — ответил Чиполлино.

— Но правитель — не такой уж плохой хозяин. Зяблик рассказывал мне, что отца и мать в клетке сытно кормят и они даже иногда развлекаются, глядя, как люди ходят мимо их решетки. Правитель любезно посадил их в такое место, где по праздникам гуляет много народу. И все-таки они очень хотят вернуться в лес. Только Зяблик говорит, что это невозможно, потому что клетка железная и решетка очень крепкая.

Чиполлино вздохнул в свою очередь:

— Да, выбраться из неволи не так-то легко! Когда я навещал моего отца в тюрьме, я очень внимательно осмотрел и ощупал стены. Сломать их или проделать в них дыру невозможно. Но, несмотря на это, я все же обещал отцу освободить его и когда-нибудь сдержу свое слово.

— Ты, видно, храбрый паренек, — сказал Медведь. — Я бы тоже хотел освободить своих родителей, но я не знаю дороги в город и боюсь заблудиться.

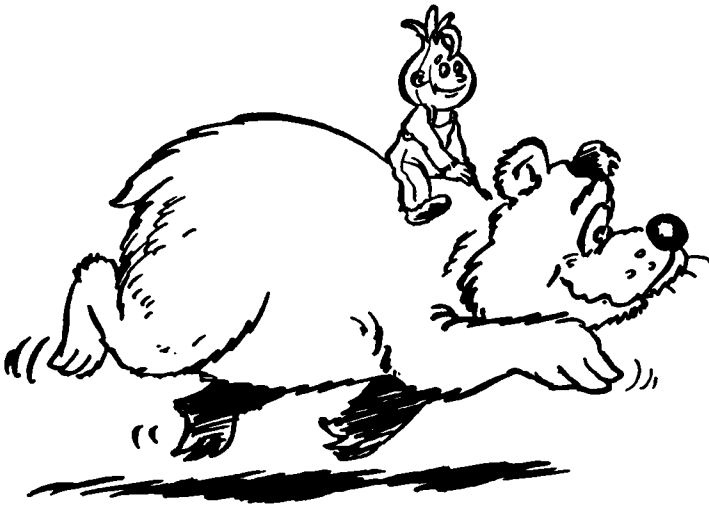
— Послушай-ка, — внезапно сказал Чиполлино, — у нас с тобой вся ночь впереди. Посади-ка меня к себе на плечо — и мы еще до полуночи будем в городе.

— Что ты собираешься делать? — спросил Медведь дрожащим голосом.

— Пойдем навестим твоих родителей. Их легче увидеть, чем моего отца.

Медведь не заставил себя просить дважды: он слегка наклонился, Чиполлино живо вскарабкался к нему на спину, и они помчались в город. Чиполлино показывал дорогу.

— Направо! — командовал он Медведю. — Налево! Прямо! Опять налево!.. Ну вот мы и у ворот города. Зоологический сад вон в той стороне. Пойдем побыстрее, чтобы нас не заметили случайные прохожие. И постарайся не рычать.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Тюлень, у которого был слишком длинный язык

В зоологическому саду царила глубокая тишина. Сто-рож спал в слоновнике, подложив под голову, как подуш-ку, хобот Слона. Он спал очень крепко и не проснулся, когда Чиполлино с Медведем тихонько постучались в дверь слоновника.

Слон осторожно переложил голову сторожа на солому, вытянул хобот и, не сходя с места, открыл дверь, пробормотав:

— Войдите.

Наши двое друзей вошли озираясь.

— Добрый вечер, синьор Слон! — сказал Чиполлино. — Извините, пожалуйста, что мы потревожили вас в такой поздний час.

— О, ничего, ничего! — отвечал Слон. — Я еще не спал. Я пытался отгадать, что может сниться моему сторожу. По снам можно узнать, хорош человек или дурен.

Слон был старым индийским философом, и ему всегда приходили в голову очень странные мысли.

— Мы просим вашей помощи, — продолжал Чиполлино, — потому что знаем, как вы мудры. Не можете ли вы посоветовать нам, каким образом освободить из плена родителей вот этого Медведя, моего друга?

— Что ж, — задумчиво пробормотал старый Слон, — пожалуй, я и мог бы дать вам совет, но только к чему это? В лесу не лучше, чем в клетке, а в клетке не хуже, чем в

лесу... Не знаю, прав я или нет, но мне кажется, что каждый должен оставаться на своем месте... Впрочем, если вы уж очень этого хотите, — добавил он неожиданно, — я могу вам сказать, что ключ от клетки с медведями находится в кармане у этого спящего человека, моего сторожа. Я попытаюсь вытащить ключ, не разбудив его. Сон у него крепкий. Надеюсь, он ничего не почувствует.

По правде сказать, Чиполлино и Медведь сильно сомневались в успехе этой сложной операции, однако Слон так ловко и осторожно действовал своим послушным и гибким орудием — хоботом, что сторож и в самом деле ровно ничего не почувствовал.

— Вот вам ключик, — сказал Слон, вытаскивая кончик хобота с ключами из кармана сторожа. — Только не забудьте, пожалуйста, принести мне их потом обратно.

— Будьте спокойны, — сказал Чиполлино, — и примите нашу искреннюю благодарность. А вы не хотели бы бежать вместе с нами?

— Если бы у меня когда-нибудь было намерение бежать, то я, разумеется, не стал бы ждать вашего прибытия и вашей помощи. Желаю успеха!

И, вновь положив голову сторожа на хобот, Слон стал нежно покачивать ее, чтобы покрепче усыпить своего тюремщика и не дать ему проснуться раньше времени.

Чиполлино и Медведь выскользнули из слоновника и направились к той клетке, где жили медведи. Они старались ступать как можно тише, но не прошли и нескольких шагов, как их кто-то окликнул:

— Эй, эй, синьор!

— Ш-ш-ш... — испуганно прошептал Чиполлино. — Кто это меня зовет?

— Ш-ш-ш... — повторил хриплый голос. — Кто это меня зовет?

— Да не поднимай шума, сторож проснется!

Голос подхватил:

— Не поднимай сторожа, шум проснется!.. Ах я дуррак, дуррак! — добавил он тут же. — Я все перепутал!

— Да это же Попугай! — прошептал Чиполлино Медведю. — Он повторяет все, что слышит. Но так как он ничего не понимает из того, что слышит, то часто говорит все навыоборот. Впрочем, он добрый малый и никому не желает зла.

Медведь вежливо поклонился Попугаю и спросил его:

— Не скажете ли, синьор Попугай, где здесь клетка с медведями?

Попугай повторил:

— Не скажете ли, синьор Медведь, где здесь клетка с попугаями? Ах я дуррак, дуррак, я опять сбился!

Видя, что от Попугая толку не добьешься, друзья тихонько пошли дальше. Из-за решетки их окликнула Обезьяна:

— Послушайте, синьоры, послушайте!..

— У нас нет времени, — ответил Медведь. — Мы очень спешим.

— Уделите мне только одну минутку; вот уже два дня, как я пытаюсь разгрызть орех, и мне это никак не удается. Помогите мне, пожалуйста!

— Подождите немного. На обратном пути мы вам поможем, — сказал Чиполлино.

— Эх, это вы только так говорите! — сказала Обезьяна, покачав головой. — Да ведь, впрочем, я только так, для разговора. На что мне этот орех, да и все орехи в мире! Я бы хотела снова быть в моем родном лесу, прыгать с ветки на ветку и швырять кокосовые орехи прямо в голову какому-нибудь путешествующему бездельнику. Для чего ж тогда и растут кокосовые орехи, если в лесу нет обезьян, которые могли бы запустить орехом в чью-нибудь голову? Нет, я спрашиваю вас, для чего же нужны путешественники. если некому стукать их кокосовыми орехами

по голове? Я уже и не помню, когда это я в последний раз попала в бритую красную голову приезжего незнакомца... Так приятно было целиться в эту голую макушку! Я помню, как...

Но Чиполлино и Медведь были уже далеко и не слышали больше ее болтовни.

— Обезьяны, — сказал Чиполлино Медведю, — очень легкомысленные и вздорные особы. Они начинают говорить об одном, потом о другом, и никогда нельзя сказать, чем кончится их болтовня. Однако я от души жалею эту бедняжку. Почему ей не спится? Думаешь, потому, что не может разгрызть орех? Нет, она не спит потому, что тоскует о своем далеком юге, горячем солнце, о кокосовых пальмах и бананах.

Лев тоже не спал. Он посмотрел на проходящих уголком глаз, но даже не повернул головы, чтобы узнать, куда они идут.

Это был благородный и гордый зверь, и его ничуть не интересовало, кто проходит мимо его решетки и по каким делам.

Наконец Чиполлино и Медведь добрались до медвежьей клетки.

Бедные старики сразу узнали своего мохнатого сына. Они протянули к нему лапы и стали целовать его сквозь решетку.

Пока они целовались, Чиполлино открыл дверцу клетки и сказал:

— Да перестаньте же вы плакать! Клетка ваша открыта, и если вы этим не воспользуетесь, пока не проснется сторож, не мечтайте больше о свободе!

Когда в конце концов оба пленника вышли из клетки, они бросились обнимать своего косолапого сына, от которого их больше не отделяли железные прутья решетки. Крупные слезы текли по их мохматым щекам.

Чиполлино был растроган до глубины души.

«Бедный мой отец! — думал он. — Я тоже буду без конца целовать тебя в тот день, когда мне удастся распахнуть двери твоей тюрьмы!»

— Пора, пора уходить! — сказал он медведям негромко, но внятно. — Нам нельзя медлить.

Но старики захотели сначала попрощаться с семьей белых медведей, живших около пруда, потом пожелали заглянуть к жирафу, который, однако, в это время крепко спал.

Спали и другие животные, но весть об уходе медведей вскоре облетела все уголки зоологического сада и разбудила его обитателей. Медведей здесь очень любили. Впрочем, и у них нашлись враги. Так, например, их терпеть не мог Тюлень, который считал их ближайшими родичами белых медведей. Узнав, что медведи убежали из клетки, Тюлень начал так громко реветь, что разбудил сторожа, все еще спавшего сладким сном.

— Что случилось? — спросил он у Слона, зевая.

— Право, не знаю... — задумчиво ответил старый мудрец. — Да и что может случиться? В мире больше не случается ничего нового, значит, ничего нового не произошло и сегодня ночью. Это только в кино каждые десять минут происходят какие-нибудь приключения.

— Может быть, ты и прав, — согласился сторож, — но все-таки надо поглядеть.

Едва он вышел из слоновника, как наткнулся на беглецов.

— Караул! — закричал он. — На помощь!

Проснулись все его помощники и в несколько минут оцепили зоологический сад. Бегство стало невозможным.

Чиполлино и трое медведей бросились в пруд и притаились, высунув из воды только головы. К несчастью, они попали в тот самый пруд, где жил Тюлень.

— Хе-хе-хе! — злорадно засмеялся кто-то за их спиной. Это и был Тюлень собственной персоной.

— Надеюсь, синьоры позволят мне посмеяться немного, — сказал он. — У меня сегодня очень хорошее настроение.

— Синьор Тюлень, — попросил его Чиполлино, дрожа от холода, — я понимаю ваше веселье. Но неужели вы находите возможным смеяться над нами в эту минуту, когда нас разыскивают?

— Вот это-то меня и радует! Я сейчас позову сторожа и попрошу его выудить вас из пруда. Ведь вы же не водоплавающие!

И Тюлень в самом деле направился к другому берегу звать сторожа и его помощников. Медведей мгновенно выудили, и не двух, а целых трех. Это очень удивило сторожа. Но еще больше он удивился, обнаружив среди медведей какое-то существо неизвестной породы, которое, однако, заговорило человеческим языком:

— Синьор сторож, как видите, это явное недоразумение. Я не медведь!

— Я и сам это вижу. Но что же ты делал в пруду?

— Я купался.

— Тогда я прежде всего тебя оштрафую, потому что в общественных местах купаться строжайше воспрещено.

— У меня нет при себе денег, но если вы будете так любезны...

— Я вовсе не любезен и пока не получу с тебя штрафа, ты посидишь у меня в клетке с обезьянами. Ты там проведешь ночь, а утром мы посмотрим, что с тобой делать.

Обезьяна радушно встретила гостя и, не дав ему опомниться, принялась болтать также бессвязно и путано, как раньше.

— Я рассказывала вам, — говорила она, раскачиваясь на хвосте, — о путешественнике с красной и бритой головой. Если я говорю, что у него голова была красная и бритая, значит, так оно и было. Я никогда не вру, то есть вру

только в случае крайней необходимости, разумеется. Однако, знаете, я люблю приврать. Да-да... У вранья какой-то особый приятный вкус... Иной раз...

— Послушайте, — попросил ее Чиполлино, — не могли бы вы отложить свои признания до завтрашнего утра? Мне очень хочется спать.

— Может быть, спеть вам колыбельную? — предложила Обезьяна. — Баюшки-баю...

— Нет, спасибо. Я и так засну.

— Прикрыть вас одеялом?

— Но ведь здесь нет одеял!

— Конечно, нет, — пробурчала Обезьяна. — Я это предложила из вежливости, но если вы хотите, чтобы я была невежливой, то пожалуйста!

Сказав это, обиженная Обезьяна повернулась к нему спиной и замолчала.

Чиполлино, конечно, воспользовался наступившей тишиной, чтобы немедленно заснуть. Напрасно Обезьяна ожидала, что Чиполлино попросит ее обернуться. Не дождавшись его просьбы, она решила сменить гнев на милость и снова заговорить с ним. Однако, повернувшись к мальчику, она увидела, что он крепко спит.

Еще больше разобидевшись, Обезьяна ушла в уголок, свернулась в клубочек и принялась наблюдать за спящим.

Чиполлино пробыл в обезьяньей клетке целых два дня. Дети, которых приводили в зоологический сад их мамы и няньки, смотрели на него с восхищением: они никогда еще не видели обезьяны, одетой так же, как и они сами.

Только на третий день бедному Чиполлино, которого вконец извела соседка-обезьяна, удалось послать записочку Вишенке. Тот приехал в город с первым же поездом, заплатил за Чиполлино штраф и освободил его из плена.

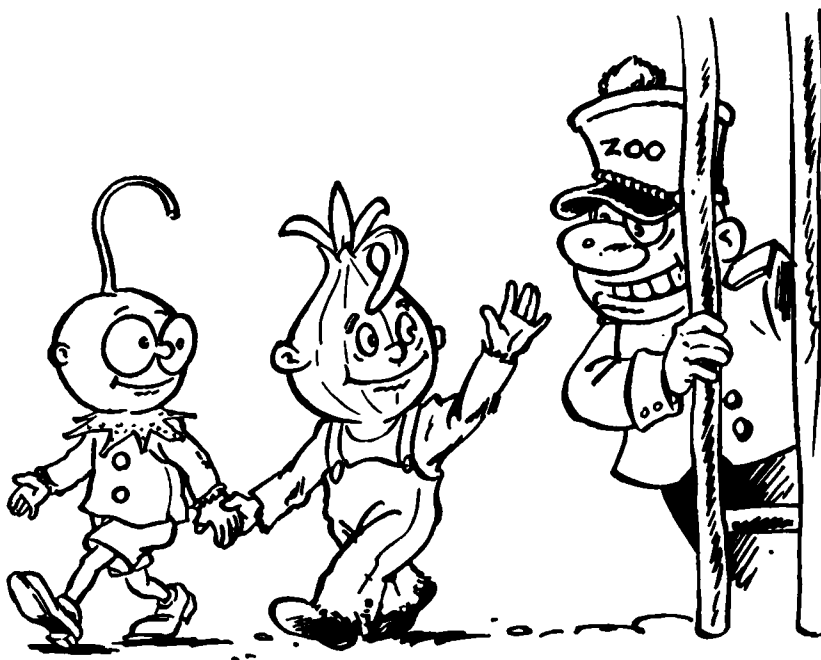

Пересчитав деньги, сторож сердечно попрощался со своим пленником и даже попросил его почаще заглядывать в зоологический сад.

— Ладно, ладно! — ответил Чиполлино, торопясь на поезд.

По дороге он прежде всего справился у Вишенки о своих друзьях, оставшихся в пещере, и очень встревожился, узнав, что они бесследно исчезли.

— Не понимаю, — сказал он, пожимая плечами. — В этом убежище они были в полной безопасности. Что же заставило их покинуть пещеру?

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Путешествие в веселом поезде

Выйдя из зоологического сада, Чиполлино с Вишенкой сели в поезд.

Об этом поезде я вам еще ничего не рассказывал. Это был удивительный поезд: он состоял только из одного вагона, и все места в нем были у окон, так что отовсюду были очень хорошо видны поля, леса, горы, станции и встречные поезда. Вы понимаете, как это важно для ребят, едущих в поезде! Сиди себе у окна и смотри сколько твоей душе угодно.

В поезде были устроены особые приспособления для толстых пассажиров: углубления с полками, на которые толстяки клали свои животы. Так им было очень удобно ехать и они никому не мешали.

Когда Чиполлино с Вишенкой садились в поезд, они вдруг слышали голос тряпичника Фасоли:

— Смелее, смелее, синьор барон! Еще одно усилие — и мы с вами будем в вагоне!

Оказалось, что в поезд садился барон Апельсин. Понятно, из-за толстого живота посадка была для него очень трудным делом. Бедный тряпичник никак не мог втолкнуть барона в вагон. К нему на помощь явились двое носильщиков, но и втроем им не удалось протиснуть пассажира в дверь вагона. В конце концов прибежал начальник станции и тоже уперся обеими руками в спину барона. К

несчастьем, начальник станции совсем позабыл, что во рту у него свисток, и нечаянно свистнул.

Машинист решил, что это сигнал к отправлению, и повернул рычаг. Поезд тронулся.

— Стой, стой! — закричал начальник не своим голосом.

— Помогите! — завопил барон Апельсин, багровея от страха.

Однако ему повезло: когда поезд тронулся, произошел такой сильный толчок, что барон втиснулся наконец в вагон. Толстяк вздохнул с облегчением, положил свой живот на полку в углублении вагона и сейчас же развернул сверток, в котором был целый жареный барашек.

Благодаря всей этой кутерьме Вишенка и Чиполлино проскользнули в вагон незамеченными.

Во время путешествия барон был слишком занят едой, чтобы обратить внимание на мальчиков. Правда, Фасоль сразу же заметил их, но Вишенка приложил палец к губам, призывая его к молчанию, и тряпичник знаками показал, что он все понял и не раскроет рта.

Но расстанемся пока с нашими двумя друзьями, которые удобно устроились в вагоне под самым носом у барона Апельсина, опьяненного ароматом жареного барашка, и посмотрим, что делается в других местах.

В те самые минуты, когда поезд проходил мимо знакомого нам леса, какой-то дровосек пришел на помощь сыщику и его собаке и снял их с дуба, на котором они провисели почти два дня.

Сыщик и его собака размяли ноги и помчались продолжать свои поиски.

Проводив их удивленным взглядом, дровосек принялся было рубить дуб, как вдруг перед ним появился целый взвод Лимончиков с офицером Лимоном во главе.

— Смирно! — скомандовал офицер. — Руки по швам!

Дровосек уронил топор и вытянул руки по швам.

— Не видел ли ты здесь собаку и ее хозяина?

Дело в том, что в замке были очень обеспокоены таинственным исчезновением мистера Моркоу и его собаки и решили послать целый взвод полицейских на розыски. Дровосек, как и все бедняки, не очень-то доверял полиции. Человек и собака, которых он нашел привязанными к дубу, вели себя очень странно: едва он их освободил, они легли на землю, прислушались к отдаленным звукам и бросились бежать как сумасшедшие. Дровосеку они и в самом деле показались сумасшедшими. Ни за что в мире не хотел бы он выдать их полицейским, которые, очевидно, собирались арестовать тех, кого искали.

— Человек и собака только что были здесь и пошли вон туда, — сказал он, показывая в противоположную сторону.

— Вот и прекрасно! — воскликнул офицер Лимон. — Значит, мы сейчас их догоним... Смирно!

Дровосек снова вытянул руки по швам, а потом вытер со лба пот и стал рубить свой дуб, глядя вслед Лимону и Лимончикам, которые с каждым шагом удалялись от тех, кого искали.

Не прошло и четверти часа, как дровосек опять услышал быстрые шаги, и перед ним появились запыхавшиеся и усталые мастер Виноградинка, кум Тыква, кум Черника, адвокат Горошек, скрипач Груша и кума Тыквочка. Они перевели дух и спросили, не видал ли дровосек паренька по имени Чиполлино.

— Я не знаю вашего Чиполлино, — сказал дровосек растерянно, — но здесь не было никакого паренька.

— Если Чиполлино забредет сюда, передайте ему, пожалуйста, что мы его уже два дня ищем, — сказал мастер Виноградинка, который, по-видимому, был начальником экспедиции.

Вся эта компания умчалась так же поспешно, как и предыдущая.

Прошло около часа, и подрубленное дерево уже готово было повалиться на землю, когда из чащи вышли Чипол-

лино и Вишенка. Вишенка решил не возвращаться домой, пока он не поможет Чиполлино найти пропавших друзей. Узнав, что одного из мальчиков зовут Чиполлино, дровосек в точности передал ему слова мастера Виноградинки. Тут только оба мальчика поняли, что беглецы покинули пещеру для того, чтобы искать пропавшего Чиполлино.

Так разъяснилась тайна их исчезновения.

Мальчики простились с дровосеком, и он опять остался один. Но до наступления вечера его ожидало еще очень много встреч и приключений.

Сначала к нему явились Редиска и другие ребята, которые тоже искали Чиполлино, потом притащился не кто иной, как синьор Помидор в сопровождении синьора Петрушки. Они разыскивали Вишенку и были совершенно уверены, что его похитили беглецы, скрывающиеся в лесу.

Наконец, перед самым заходом солнца, дровосек услышал целый оркестр колокольчиков. Сначала он подумал, что это возвращаются полицейские, которые допрашивали его утром. Однако на этот раз в лес пожаловал сам принц Лимон, собственной персоной.

Озабоченный тем, что его верная стража так долго не возвращается, он сам пустился в путь, ей навстречу. В одной карете с ним ехали графини Вишни. Польщенные тем, что им довелось сопровождать принца, они весело и непринужденно болтали, будто ехали не по делу, а на охоту.

Дровосек попытался было спрятаться за деревьями: он думал, что бедняки не должны показываться на глаза принцу, потому что это вредно для желудка и печени его высочества. Но один из придворных, старый, сморщенный Лимон, сидевший в карете справа от его высочества, заметил дровосека и окликнул его:

— Эй ты, оборванец!

— Что угодно вашей милости? — пролепетал дровосек.

— Не видел ли тут взвода полицейских?

Дровосек, как вы знаете, повидал за этот день не только взвод полицейских, но и много самого разнообразного народа. Однако, когда разговариваешь с принцем Лимоном, всегда лучше сказать, что ничего и никого не видел.

Так дровосек и ответил: знать, мол, ничего не знаю, ведать не ведаю. Если бы он сказал: «Да, я их видел», ему бы, конечно, задали много других вопросов и, может быть, в конце концов ни за что ни про что засадили бы в тюрьму. А на нет, как говорится, и суда нет.

Принц и его свита направились в ту же сторону, что и взвод полицейских.

Вечер наступил быстро. Ради краткости и занимательности нашей истории скажем, что сразу настала темнота. В темноте приключения всегда интереснее — особенно в тех случаях, когда речь идет о побегах, поисках, погоне.

А ведь в ту минуту, когда на лес спускается ночная тьма, все действующие лица нашей повести заняты именно поисками и погоней. Сыщик и его собака ищут беглецов; полицейские ищут сыщика; принц ищет полицейских; мастер Виноградинка и его друзья отправились на поиски Чиполлино; Чиполлино и Вишенка разыскивают мастера Виноградинку; Редиска ищет Чиполлино; кавалер Помидор и синьор Петрушка ищут Вишенку.

А под землей — вы, наверное, об этом и не подумали — старый Крот ищет всех сразу. Накануне он наведлся в пещеру, в которой жили пленники, и нашел там записку: «Чиполлино исчез. Идем его разыскивать. Если что-нибудь узнаете, сообщите нам».

Как только Крот прочел эти слова, он начал усердно рыть ходы во все стороны. Работая, он слышал, как по ле-

су над его головой все время ходили люди поодиночке или целыми отрядами. Но все они пробегали так быстро, что, вылезая на поверхность, Крот уже никого не находил. Одних только волков не слышно было в этот вечер. Волки думали, что на них идет облава, и спрятались в самой глубине леса.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Герцог Мандарин и желтая бутылка

После того как графини с принцем уехали в карете, барон Апельсин и герцог Мандарин остались полными хозяевами замка. Кроме этих двух весьма почтенных особ, в комнатах не было ни души. Прислуга, конечно, в счет не шла.

Герцог первый обнаружил, что все обитатели замка их покинули. По своему обыкновению, он взобрался на подоконник и стал угрожать, что бросится вниз и разобьется вдребезги, если... Но некому было слышать его угрозы.

«Странно! — раздумывал герцог, приставив палец ко лбу. — Обе кузины должны были бы уж давно услышать мои крики и примчаться ко мне на помощь. Почему же никто не отзывается? Может быть, я недостаточно громко кричу?»

Герцог взвизгнул еще несколько раз, а затем осторожно спустился с подоконника и пошел к барону.

— Дорогой кузен... — сказал он входя.

— М-м-м... — промычал барон, выплевывая крылышко цыпленка, которое стало ему поперек горла.

— Знаете новость?

— Привезли кур в курятник? — спросил барон Апельсин, который только в этот день убедился, что истребил всех пернатых в замке и в деревне и теперь доедал последнего тощего цыпленка.

— Да что там куры! — ответил герцог. — Мы остались одни, одни! Нас бросили... Замок покинут...

Барон встревожился:

— Так кто же приготовит нам ужин?

— Вы только и беспокоитесь, что об ужине! А что, если бы нам с вами воспользоваться отсутствием наших дорогих хозяек и осмотреть погреб замка? Я слышал, что там много вин самых дорогих марок.

— Не может быть! — воскликнул барон. — За столом нам подают только дрянное вино, от которого у меня надолго остается изжога и отрыжка.

— Вот именно, — сказал герцог. — Нам-то они дают плохое вино, а у себя в погребе прячут хорошее. Его будут подавать на стол, когда вы уедете отсюда.

По правде сказать, герцогу не так уж важно было вино — ему хотелось на свободе обследовать подвалы, потому что он слышал, будто в одной из стен графини замуровали сокровища, доставшиеся им в наследство от старого графа Вишни.

— Если дела обстоят так, как вы говорите, — решил разгневанный барон, — то нам следует спуститься в погреб и удостовериться собственными глазами. Наши кузины совершают тяжкий грех, если они в самом деле прячут от нас хорошие вина. Нужно откупорить их винные бочки и спасти их души! По-моему, это наш долг.

— Однако же, — продолжал герцог, наклоняясь к уху барона, — лучше было бы отпустить на сегодня этого вашего... как его зовут? Фасоль, что ли? Пойдем в погреб без него. Я сам повезу вашу тачку.

Барон сейчас же согласился, и Фасоль получил отпуск на весь вечер.

Но почему же, спросите вы, герцог не пошел в погреб один, если уж он хотел найти спрятанные там сокровища? Да потому, что, если бы их застали врасплох, он мог бы свалить всю вину на барона Апельсина. У него уже был заранее заготовлен ответ: «Мне пришлось сопровождать барона помимо моей воли. Он искал бутылку вина, чтобы утолить жажду».

Все это герцог хорошо обдумал, но спуститься в погреб оказалось нелегким делом и для него и для барона. Барон тяжело переводил дух, а герцог обливался потом, толкая тачку, на которой лежал живот барона. Тачка оказалась тяжелехонькой — хорошо еще, что везти ее пришлось не вверх, а вниз и ступенек было не так уж много. О возвращении из погреба герцог пока не думал. «Как-нибудь выберусь», — говорил он себе.

Под тяжестью живота барона тачка покатила вниз по ступенькам с такой скоростью, что, если бы окованная медью дверь погреба была закрыта, герцог и барон неминуемо расшиблись бы в лепешку. Однако, к счастью для них, внутренняя дверь оказалась открытой. Увлекаемые тачкой герцог и барон так и слетели со ступенек и, не останавливаясь, помчались дальше по широкому коридору между двух рядов огромных бочек, на которых стояли тысячи бутылок с запыленными ярлыками.

— Стойте, стойте! — кричал барон. — Посмотрите, сколько здесь этой божьей милости!

— Дальше, дальше! — отвечал герцог. — Там впереди вино еще лучше.

Барон, видя, как проносятся мимо него целые армии бочек и целые батальоны бочонков, бочоночков, бутылок и флажков, сокрушенно вздыхал.

— Прощайте, прощайте, бедняжки! — говорил он бутылкам, провожая их глазами. — Прощайте, не мне суждено откупорить вас!

В конце концов герцог почувствовал, что тачка катится все медленнее и можно наконец остановиться. Как раз в этом самом месте, в левом ряду бочек, он увидел узкий проход, а в глубине прохода — маленькую дверцу.

Барон, удобно усевшись на земле, протягивая руки то направо, то налево и не тратя даром ни минуты, хватал по две, по три бутылки, вытаскивал пробки зубами, которые у него давно уже стали крепче железа от постоянного уп-

ражнения, и опрокидывал содержимое бутылок себе в рот. Он прерывал это занятие только для того, чтобы испустить вздох удовлетворения. Герцог долго глядел на него, а потом махнул рукой и углубился в проход.

— Куда это вы идете, любезный кузен? Почему бы и вам не воспользоваться этим Божьим даром?

— Я ищу бутылку очень редкой марки. Кажется, я вижу ее там, в глубине.

— Небо вознаградит вас за такую заботливость! — пробурчал барон в перерыве между глотками. — Вы напоили жаждущего и поэтому сами никогда не умрете от жажды.

Но герцог не слышал его слов — он был очень озабочен.

У дверцы не оказалось ни задвижки, ни замка, ни скважины для ключа.

— Странно... — пробормотал сквозь зубы герцог. — Может быть, здесь есть какая-то секретная пружина?

Он начал ощупывать дверцу сантиметр за сантиметром, ища секретный замок. Но сколько он ни щупал ее, сколько ни нажимал на малейшие выступы, дверца оставалась запертой.

Тем временем барон, покончив с бутылками, стоявшими поблизости от него, в свою очередь пробрался в проход между бочками и очутился рядом с герцогом, который то царапал дверцу ногтями, то стучал по ней кулаком, все более раздражаясь.

— Что вы делаете, дражайший кузен?

— Да вот хочу открыть эту дверцу. Мне кажется, что за ней находятся самые ценные вина. Вы останетесь довольны, если отведаете их.

— Стоит ли беспокоиться! — ответил захмелевший барон. — Лучше протяните-ка мне вон ту бутылку с желтой этикеткой. Это, наверно, китайское вино, а я его никогда не пробовал.

Герцог стал озираться по сторонам в поисках бутылки, на которую ему указывал барон. Наконец он ее увидел.

Это была бутылка обычных размеров, в точности такая же, как и другие. Она отличалась от них только цветом своей наклейки. У всех остальных бутылок были красные ярлыки, а у этой — желтый. Герцог, проклиная в душе ненасытность барона, рассеянно протянул руку, чтобы взять бутылку.

Странно! Бутылка словно приросла к полке. Герцог никак не мог сдвинуть ее с места.

— Она как будто свинцом налита, — заметил он с удивлением и дернул горлышко изо всех сил.

Но едва он оторвал бутылку от полки, как таинственная дверца стала медленно и бесшумно поворачиваться на петлях. Барон с изумлением смотрел на нее.

— Мой кузен! Дорогой кузен! — кричал он. — Это не бутылка — это ключ! Смотрите: вы открыли дверцу!

«Так вот в чем был секрет этого замка, а я и не догадался», — укорял себя герцог.

Но не успел он подумать это, как дверца распахнулась настежь и на пороге появился мальчик, который вежливо поклонился герцогу и барону и воскликнул тоненьким, серебристым голосом:

— Добрый день, синьоры! Я очень благодарен вам за то, что вы оказали мне эту любезность. Я уже три часа тщетно пытаюсь открыть дверь. Как это вы догадались, что я приду именно сюда?

— Вишенка! — в один голос закричали герцог и барон.

— Мой дорогой Вишенка... — прибавил барон, который от хмеля сделался очень добродушным и ласковым. — Дорогой Вишенка, иди ко мне, я тебя поцелую!

Герцог не выказывал ни малейшего восторга.

«Что делает здесь этот маленький шалопай?» — думал он с досадой. Но, не желая показать, что он недоволен встречей, сказал громко:

— Дорогой Вишенка, для нас большая радость предупредить все твои желания!

Но Вишенка вдруг нахмурился и заговорил холодно и резко:

— Так как я не сообщал вам, кузены, что вернусь в замок через этот потайной ход, а в замке, кроме вас, никого сейчас нет, то я думаю, что вы проникли сюда не с добрыми намерениями. Говоря попросту, вы затеяли какую-то мошенническую проделку. Но об этом мы будем судить позже... А сейчас разрешите мне представить вам моих друзей.

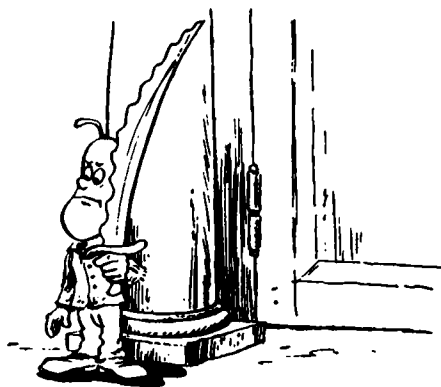
И, посторонившись, Вишенка пропустил одного за другим всех своих приятелей: Чиполлино, Редиску, мастера Виноградинку, кума Тыкву, адвоката и всех прочих.

— Да это же настоящее вторжение! — воскликнул ошеломленный герцог.

Это и вправду было вторжение, и затеял его Вишенка. Бродя по лесу, Чиполлино и Вишенка в конце концов встретились со своими друзьями и вскоре узнали, что все их противники, за исключением герцога и барона, покинули замок. Вишенке было известно, где находится потайной ход, ведущий из леса в погреб, и он предложил спутникам захватить вражескую крепость.

Как вы видели, захват удался блестяще. Герцога заперли в его комнате, а сторожить его поручили тряпичнику Фасоли.

Барона же оставили в погребе, потому что ни у кого не было охоты тащить эту тяжелую тушу вверх по лестнице.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

*Мистер Моркоу назначен иностранным
военным советником*

Когда наступил вечер и замок погрузился во тьму, кое-кто из друзей начал проявлять беспокойство.

— Что мы будем делать дальше? — спрашивала кума Тыквочка. — Не можем же мы остаться здесь навсегда! Это ведь не наш дом. У нас — свои дома, свои заботы и своя работа.

— Да мы вовсе и не собираемся оставаться здесь, — ответил Чиполлино. — Мы вступим с врагами в переговоры и потребуем только свободы для всех нас. Когда мы будем совершенно уверены в том, что никому из нас не причинят зла, мы немедленно уйдем из замка.

— Но как же мы будем защищаться? — вмешался синьор Горошек. — Ведь оборона замка — довольно сложная военная операция. Нужно знать стратегию, тактику и баллистику.

— Что такое баллистика? — спросила кума Тыквочка. — Не пугайте нас, пожалуйста, непонятными словами, синьор адвокат.

— Я только хочу напомнить, — пояснил Горошек краснея, — что среди нас нет ни одного генерала. А как воевать, если во главе армии нет генерала?

— Там в лесу сейчас находится по крайней мере сорок генералов, — сказал Чиполлино, — а все-таки они не сумели поймать нас.

— Поживем — увидим, — буркнул Горошек и тяжело вздохнул.

Он не хотел больше спорить, но не верил, что можно выдержать долгую осаду без генерала, который знал бы стратегию, тактику и баллистику.

— У нас нет пушек, — робко вмешался кум Тыква.

— У нас нет пулеметов, — пробормотал Лук Порей.

— У нас нет ружей, — добавил мастер Виноградинка.

— У нас будет все, что нужно, — сказал Чиполлино. — Не беспокойтесь. А сейчас нам пора спать.

Все отправились на ночлег.

На широкую кровать барона Апельсина легло семеро, и на ней еще осталось место для восьмого. А кум Черника и кум Тыква ушли в свой домик, стоявший в парке.

Мастино, которого незадолго перед тем снова поселили в домике, принял их не очень-то дружелюбно. Но, к счастью, этот свирепый пес всегда уважал закон: посмотрев на предъявленные документы, он вынужден был признать, что домик ему не принадлежит, и согласился уйти в свою старую конуру.

Кум Тыква поудобнее уселся в домике и высунулся в окошечко, а кум Черника улегся у его ног.

— Какая чудная ночь, — говорил кум Черника, — какое ясное небо! Смотрите, что это там взлетает ввысь... Неужели ракеты?

Действительно, принц Лимон устроил в лесу фейерверк, чтобы развлечь графинь.

Фейерверк у него был особенный. Он связывал своих солдат-Лимончиков попарно и стрелял ими из пушки вместо ракет. Ему казалось это очень забавным зрелищем.

В конце концов синьор Помидор подошел к принцу и прошептал ему на ухо:

— Ваше высочество, простите меня, но этак вы истребите всю свою армию!

Только тогда принц велел прекратить развлечение, но при этом сказал со вздохом:

— Ах, какая жалость!

— Ага, — сказал кум Тыква, выглядывая из окна, — фейерверк кончился.

Принц принялся считать уцелевших солдат, чтобы выяснить, можно ли продолжать погоню за беглецами. Оказалось, что для этой цели солдат еще достаточно. Тем не менее погоню решено было отложить до утра.

А пока принц приказал раскинуть в лесу роскошную палатку для графинь. Их уложили на очень мягкую постель, но от волнения и любопытства они еще долго не могли уснуть.

Около полуночи кавалер Помидор пошел погулять по лесу, чтобы успокоить нервы. (Ах да, я ведь не сказал вам, что от досады и злости у него после фейерверка начались судороги.)

«Какая глупость, — думал кавалер, — извести на ракеты столько здоровых солдат!»

Он поднялся на высокий холм, надеясь заприметить где-нибудь костер, который беглецы разожгут на привале.

Но вместо этого, к своему удивлению, он увидел, что окна замка ярко освещены.

«Должно быть, барон и герцог развлекаются без нас в замке, — подумал он раздраженно. — Ладно же! Когда мы поймаем беглецов и покончим с Чиполлино, непременно нужно будет развязаться и с этими двумя дармоедами».

Он продолжал смотреть на замок, и злость его возрастала с каждой минутой.

«Бездельники, — думал он гневно. — Бандиты с большой дороги! Они разорят этих старых дур-графинь, а мне останутся только пустые бутылки да груды телячьих и цыплячьих костей!»

Постепенно во всех окнах замка свет погас, и только одно окно продолжало светиться.

— Скажите пожалуйста, герцог Мандарин не может спать без света! — шипел синьор Помидор сквозь зубы. — Ему, изволите ли видеть, страшно оставаться в темноте. Но что же это он делает? Совсем из ума выжил! Он забавляется тем, что тушит и зажигает свет. В конце концов он испортит выключатель, устроит короткое замыкание, и замок сгорит. Брось! Брось сейчас же! Слышишь, что я тебе говорю!

Синьор Помидор и сам не заметил, что кричит во весь голос.

На мгновение он умолк и призадумался.

«А что, если это какие-нибудь тайные сигналы? — вдруг подумал он, обнаружив, что эта дурацкая забава настойчиво повторяется. — Сигналы? Но какие? С какой целью? К кому они обращены? Я бы дал золотой, чтобы узнать, что они означают. Три коротких вспышки... три длинных... снова три коротких. Темнота. А вот все начинается снова: три коротких вспышки... три длинных... опять три коротких. Герцог, наверное, слушает радио и аккомпанирует музыке, выключая и зажигая свет. Держу пари, что это именно так. Вот чем развлекается бездельник!»

Синьор Помидор вернулся в лагерь и, встретив одного из придворных, который казался ему человеком сведущим, спросил у него, не знает ли он сигнальной азбуки.

— Разумеется, — ответил Лимон. — Я доктор и профессор сигнализации и даже окончил специальный факультет.

— Ну, так не скажете ли вы мне, что значит вот такой сигнал? — И синьор Помидор сообщил профессору, какие сигналы подавал из окошка замка герцог.

— С... О... С... Да это же сигнал бедствия! Мольба о помощи!

«О помощи? — с тревогой подумал синьор Помидор. — Так, значит, это не игра! Герцог пытается известить нас о чем-то при помощи сигналов. Значит, он в опасности, если передает такой сигнал».

И, не раздумывая долго, кавалер направился к замку.

Войдя в парк, он посвистел, чтобы подзвать к себе Мастино. Синьор Помидор ждал, что пес выскочит из уютного домика, но с удивлением увидел, что Мастино, прижав уши, выполз из своей старой конуры.

— Что случилось? — спросил кавалер Помидор.

— Я уважаю закон, — с неудовольствием ответил пес. — Законные владельцы предъявили мне бесспорные документы, и мне пришлось уступить им домик.

— Какие такие законные владельцы?

— Некий Тыква и некий Черника.

— А где они сейчас?

— Спят в своем домике. По крайней мере, я так предполагаю, хоть и не могу понять, как это можно спать в таком неудобном положении. Но, очевидно, в замке для них не хватило места.

— А кто же ночует в замке?

— О, много пришлого народу! Публика самого низкого разбора, как, например, сапожники, музыканты, редиски, луковицы и всякий прочий сброд.

— Значит, там и Чиполлино?

— Да, мне кажется, что одного из них именно так зовут. Насколько я мог понять, герцога очень оскорбило присутствие такой компании в замке: он заперся в своих комнатах и не показывался целый вечер.

«Значит, он в плену, — решил Помидор. — Час от часу не легче!»

— Что же касается барона Апельсина, — продолжал пес, — то он тоже заперся, но не у себя в комнате, а почему-то в погребе. Вот уже несколько часов я только и слышу, как хлопают в погребе пробки.

— У, проклятый пьяница! — проворчал синьор Помидор.

— Но я не могу понять, — сказал Мастино, — как это наш Вишенка, забыв о своем графском титуле, общается с людьми столь низкого происхождения!

Синьор Помидор сейчас же помчался в лес, разбудил принца и обеих графинь и рассказал им ужасные новости. Графини хотели было сейчас же вернуться в замок, но принц посоветовал им не торопиться.

— После наших вечерних развлечений, — сказал он, — у нас нет достаточного количества солдат для ночного штурма. Подождем рассвета. Это благоразумнее.

Он позвал синьора Петрушку, который был силен в арифметике, и велел ему снова подсчитать силы, оставшиеся в распоряжении его высочества.

Синьор Петрушка вооружился куском мела, а также грифельной доской и обошел все палатки, отмечая крестиком каждого солдата и двойным крестиком каждого генерала. Оказалось, что у принца остается еще восемнадцать Лимончиков-солдат и сорок Лимонов-генералов — всего пятьдесят восемь человек, если не считать синьора Помидора, синьора Петрушки, самого принца Лимона, двух графинь, сыщика, его собаки и нескольких лошадей.

Кавалер Помидор не видел толку в лошадях, но синьор Петрушка стал горячо доказывать, что при штурмах крепостей кавалерия бывает очень полезна, а иной раз даже необходима.

Завязался долгий стратегический спор, и в конце концов принц Лимон, согласившись с доводами синьора Петрушки, поручил ему командование кавалерийским отрядом.

План сражения был разработан при участии мистера Моркоу, которого по этому случаю спешно возвели в ранг иностранного военного советника.

Военный советник сразу же приступил к исполнению своих обязанностей.

Первым делом он посоветовал всем генералам и солдатам вымазать себе лица углем или сажей, чтобы напугать осажденных. Принцу эта затея очень понравилась. Он приказал откупорить несколько бутылок вина и, выстроив

своих генералов в ряд, принялся собственноручно раскрашивать им лицо жженой пробкой.

Генералы, удостоившиеся этой высокой чести, были очень польщены.

К восходу солнца у всех генералов и солдат почернели лица. Но принц этим не удовольствовался. У него осталось еще много неизрасходованной жженой пробки, и он потребовал, чтобы обе графини и синьор Помидор тоже вымазали себе лицо сажей.

Графини не осмелились возражать принцу и подчинились его приказу со слезами на глазах.

Наступление началось ровно в семь часов утра.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

*о том, как барон погубил двадцать генералов,
сам того не желая*

Первая часть стратегического плана состояла в следующем: собака сыщика, пользуясь естественной дружбой, связывавшей ее с графским псом Мастино, должна была уговорить его открыть ворота парка. Отсюда в парк должен был проникнуть кавалерийский эскадрон под командой синьора Петрушки. Однако эта часть плана рухнула, потому что ворота парка не были заперты. Напротив, они оказались распахнутыми настежь. У ворот стоял навытяжку Мастино и отдавал честь хвостом.

Собака сыщика в испуге вернулась обратно и сообщила об этом странном обстоятельстве.

— Здесь-то и зарыта собака, — сказал мистер Моркоу, употребляя выражение, весьма распространенное у иностранных военных советников.

— Факт, факт! Именно здесь она зарыта! — поддержала хозяина собака.

— Что за собака и где она зарыта? — спросил принц.

— Ваше высочество, тут дело не в собаке. Если мятежники оставили ворота открытыми, значит, тут приготовлена для нас ловушка.

— Тогда давайте войдем в парк через заднюю калитку, — предложил принц.

— Но и задняя калитка тоже открыта!

Генералы Лимонной армии серьезно призадумались — вернее, они не знали, что и думать. Самому же принцу эта война стала уже надоедать.

— Она что-то слишком долго длится, — пожаловался он кавалеру Помидору. — Такая затяжная и трудная война! Если бы я предвидел это заранее, я б ее и не начинал.

Чтобы ускорить дело, принц решил принять личное участие в операциях. Он выстроил своих сорок генералов и скомандовал:

— Смир-р-но!

Сорок генералов так и застыли на месте.

— Вперед, мар-р-ш! Раз-два, раз-два...

Героический отряд вошел в ворота парка и зашагал к замку, который, как вы знаете, находился на вершине небольшого холма. Подъем показался принцу утомительным. Он стал задыхаться, вспотел и решил вернуться обратно, передав командование Лимону первого класса.

— Продолжайте наступать, — сказал он, — а я иду разрабатывать план общего штурма. Благодаря моему личному вмешательству первая линия обороны уже взята. Вам же я поручаю захватить замок.

Лимон первого класса отдал принцу честь и принял командование. Пройдя пять метров, он объявил пятиминутный привал. Отсюда до замка оставалось всего лишь около ста шагов, и командующий уже готовился отдать приказ о последнем натиске, как вдруг послышался страшный грохот, и с вершины холма навстречу генералам устремился какой-то снаряд поистине невиданных размеров. Все сорок генералов, не ожидая команды Лимона первого класса, разом повернулись спиной и ринулись вниз со всей поспешностью, на какую были способны. Однако они не могли сравниться в скорости с таинственным снарядом, который через несколько минут обрушился на них, раздавил десятка два генералов, словно спелые сливы, а затем покатился дальше, за ворота. По пути он разметал кавалерию

синьора Петрушки, готовившуюся к атаке, и опрокинул карету графинь Вишен. Когда же он остановился, все увидели, что это не магнитная мина и не бочка с динамитом, а попросту несчастный барон Апельсин.

— Дорогой кузен, это вы? — закричала графиня Старшая, вылезая из лежащей на боку кареты.

Графиня была вся в пыли, ее растрепанные волосы развевались по ветру, а лицо было густо вымазано сажей.

— Я не имею чести знать вас, синьора. Я никогда не был в Африке, — пробормотал барон.

— Да ведь это я, я, графиня Старшая!

— О небо, как же это вам пришло в голову так измататься?

— Это было сделано по стратегическим соображениям, барон... Но скажите лучше, как это вы обрушились на нас?

— Я прибыл к вам на помощь. Правда, немного странным способом, но у меня не было другого выхода. Я всю ночь выбирался из винного погреба, где меня заперли эти разбойники. Можете себе представить, мне пришлось прогрызть дверь погреба зубами!

— О да, вы способны прогрызть днища полудюжины бочек! — проворчал синьор Помидор, все еще дрожа от страха.

— Выбравшись из погреба, я просто покатился с горы и, кажется, по дороге раздавил целый отряд негров, который, вне всякого сомнения, шел на помощь этим разбойникам, захватившим ваш замок.

Когда графиня Старшая объяснила кузену, что это были вовсе не негры, а сорок лимонных генералов, бедный барон очень огорчился, но в глубине души все-таки был горд своим весом и силой.

Принц Лимон в эту минуту принимал ванну у себя в палатке. Узнав о гибели своих передовых частей, он сначала подумал, что враг предпринял вылазку и неожиданной атакой рассеял его отряд. Когда же его высочеству доло-

жили, что виновником несчастья был его союзник, полный самых благих намерений, принц пришел в ярость.

— У меня нет никаких союзников — я веду свои войны сам за себя и сам по себе! — сказал он с негодованием. И, собрав оставшиеся войска — генералов, солдат и вспомогательный состав, общим счетом тридцать человек, — он произнес речь, которую заключил словами: — Спаси меня, Боже, от друзей, а от врагов я уж как-нибудь сам избавлюсь!

Принц Лимон был, в сущности, прав. Дружья у принцев бывают всегда опаснее врагов, и принцам остается только находить утешение в старых, избитых и довольно нескладных пословицах.

Ровно через четверть часа принц Лимон пришел в себя и приказал начать новую атаку. Десять человек бегом помчались вверх на холм, испуская дикие крики, чтобы напугать хотя бы детей и женщин, находившихся среди осажденных. Атакующих встретили очень любезно. Я бы сказал, даже слишком любезно. Чиполлино приспособил пожарные насосы к самым пузатым бочкам винного погреба. Когда Лимончики подошли на расстояние выстрела, Чиполлино приказал:

— Вином — по врагу, пли!

(Он должен был скомандовать «Огонь!», но ведь в его распоряжении были только насосы — орудия для тушения огня, а не для разжигания его.)

Осаждающих окатили мощными потоками ароматной, опьяняющей красной жидкости. Вино заливало им глаза, попадало в рот, в нос и в уши.

Лимончики неминуемо захлебнулись бы или опьянели бы до бесчувствия, если бы вовремя не отступили. Кто бегом, кто ползком, пустились они в обратный путь, преследуемые струями из насосов.

Когда они добрались до подножия холма, то, к великому возмущению обеих графинь, среди них не оказалось ни одного трезвого Лимончика.

Можете себе вообразить, как разгневался принц Лимон:

— Позор! Вас нужно всех отколотить палками! Разве можно пить красное вино натошак? Так порядочные люди не поступают. Видите, вот еще десять человек вышли из строя!

И в самом деле, десять воинов из армии принца один за другим улеглись у ног его высочества и разом, как по команде, захрапели.

Положение становилось с каждой минутой все тревожнее и опаснее.

Синьор Помидор рвал на себе волосы и умолял мистера Моркоу:

— Да посоветуйте же что-нибудь! Ведь вы же иностранный военный советник, черт вас побери!

А в замке, как вы сами понимаете, царило в это время ликование. Добрая половина врагов была выведена из строя. Скоро, скоро белый флаг взовется там, внизу, между двумя красными столбами ворот!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Чиполлино знакомится с науком-почтальоном

Нет, я не буду обманывать вас: не взвился белый флаг между столбами ворот. Вместо этого на поле боя прибыла целая дивизия Лимончиков, спешно присланная из столицы, и нашим друзьям осталось либо сдаться, либо бежать.

Чиполлино попытался бежать через погреб, но подземный ход, который вел в лес, был захвачен войсками принца. Кто же открыл Лимончикам потайной ход, о существовании которого они и не подозревали?

Этого я тоже от вас не скрою: предателем оказался синьор Горошек.

Когда дела у Чиполлино и его компании приняли дурной оборот, адвокат сразу же перешел на сторону врагов, боясь, как бы его не повесили во второй раз.

Синьор Помидор так обрадовался, захватив Чиполлино, что отпустил всех остальных пленников по домам. Только Вишенку в наказание заперли на чердаке. А Чиполлино отправили в тюрьму в сопровождении целой роты Лимончиков и засадили в подземную камеру.

Два раза в день тюремщик Лимонишка приносил ему похлебку из хлеба и воды в щербатой миске. Чиполлино съедал похлебку не глядя — во-первых, потому, что был очень голоден, а во-вторых, потому, что в его камере никогда не было света.

Все остальное время Чиполлино лежал на койке и думал: «Только бы увидаться с отцом! Или хоть дать ему знать, что я тоже тут, в одной с ним тюрьме».

Днем и ночью патруль Лимончиков ходил мимо двери камеры, громко стуча каблуками.

— Подбейте по крайней мере каблуки резиной! — кричал Чиполлино, которому эти шаги не давали спать.

Но тюремщики не оборачивались на его крик.

Через неделю за ним пришли.

— Куда вы меня ведете? — спросил Чиполлино.

Он решил, что его тащат на виселицу. Но его всего-навсего вывели во двор на прогулку. Направляясь к дверям по длинному тюремному коридору, Чиполлино сердился на свои ноги, которые отвыкли ходить, на глаза, которые отвыкли от света и слезились.

Двор был круглый. Заключенные, одетые в одинаковую арестантскую одежду с черными и белыми полосами, гуськом ходили один за другим по кругу.

Говорить было строжайше запрещено. В центре круга стоял Лимонишка и выбивал дробь на барабане:

— Раз-два, раз-два...

Чиполлино вступил в круг. Впереди него шагал старый арестант со сгорбленной спиной и седыми волосами. Время от времени он глухо кашлял, и его плечи судорожно вздрагивали.

«Бедный старик, — подумал Чиполлино. — Если бы он не был так стар, он был бы похож на моего отца!»

Пройдя еще немного, старик так закашлялся, что принужден был выйти из строя и прислониться к стене, чтобы не упасть. Чиполлино бросился к нему на помощь и тут только увидел его лицо, изборожденное глубокими морщинами. Заключенный посмотрел на мальчика потухшими глазами и вдруг схватил его за плечи:

— Чиполлино, мой мальчик!

— Отец! Как же ты постарел!..

Отец и сын, плача, обнялись.

— Не плачь, милый, — бормотал старик. — Будь молодцом, Чиполлино!

— Я не плачу, отец. Мне только больно видеть тебя таким слабым и больным. А я-то обещал освободить тебя!

— Не горюй, придут и для нас счастливые дни.

В эту минуту Лимонишка, отбивавший дробь, сильно стукнул по своему барабану:

— Эй вы, двое! Разве не видите, что вы мне сбили весь строй? Марш вперед!

Старый Чиполлоне поспешно оторвался от сына и занял свое место в цепочке арестантов, шагавших по двору. Они еще два раза обошли двор, а затем в том же порядке двинулись обратно в коридор, ведущий в камеры.

— Я пришлю тебе весточку, — прошептал на прощанье старый Чиполлоне.

— Но каким образом?

— Увидишь. Бодрись, Чиполлино!

— Будь здоров, отец!

Старик скрылся в своей камере. Камера Чиполлино была двумя этажами ниже, в подземелье. Теперь, когда Чиполлино повидался наконец с отцом, камера уже не казалась ему такой темной. В конце концов, немножко света все же проникало сюда через окошечко, выходившее в коридор. Однако света было так мало, что можно было видеть только слегка поблескивавшие штыки Лимончиков, шагавших взад и вперед по коридору.

На следующий день, когда Чиполлино, чтобы убить время, считал, сколько раз промелькнут за окошечком штыки часовых, он вдруг услышал, как его зовет какой-то странный, едва уловимый голосок, идущий неизвестно откуда.

— Кто меня зовет? — спросил он удивленно.

— Посмотри-ка на стенку.

— Смотрю во все глаза, но и стены-то не вижу.

— А я вот здесь, у окошечка.

— А, теперь вижу! Ты паук. Да что ты тут делаешь? Ведь здесь и мух-то нет.

— Я паук Хромоног. Моя паутина в камере верхнего этажа. Когда я хочу есть, то заглядываю в свои сети и всегда нахожу там что-нибудь съедобное.

Какой-то Лимонишка грубо стукнул в дверь:

— Эй, замолчи! С кем ты там разговариваешь?

— Я читаю молитвы, которым меня научила моя мать, — ответил Чиполлино.

— Молись потише, — приказал тюремщик. — Ты нас с ноги сбиваешь!

Лимончики были такие тупицы, что при малейшем шуме не могли идти в ногу.

Паук Хромоног спустился пониже и прошептал своим тонким, как паутинка, голоском:

— Я принес тебе письмо от отца.

И действительно, он опустил опутанную паутиной записочку. Чиполлино схватил ее и сейчас же прочел. В записочке говорилось:

«Дорогой Чиполлино, я знаю все твои приключения. Не огорчайся, что дела твои идут хуже, чем ты ожидал. На твоём месте я вел бы себя так же, как ты. Конечно, сидеть в тюрьме очень неприятно, но я полагаю, что здесь ты многому научишься и у тебя будет время поразмыслить о том, что ты видел и пережил. Тот, кто принесет тебе это письмо, — наш тюремный почтальон. Доверься ему во всем и пошли мне через него весточку. Горячо обнимаю тебя. Твой отец Чиполлоне».

— Прочел до конца? — спросил Хромоног.

— Да, прочел.

— Ладно. Теперь положи письмо в рот, разжуй и проглоти. Стража не должна его видеть.

— Сделано, — сказал Чиполлино, тщательно разжевывая записку.

— А пока, — сказал Хромоног, — до свидания.

— Куда ты идешь?

— Почту разносить.

Тут только Чиполлино разглядел, что у паука висит на шее сплетенная из паутинок сумка — вроде той, которую носят почтальоны. Сумка была полна записочек.

— Ты разносишь эти письма по камерам?

— Уже пять лет, как я этим занимаюсь: каждое утро обхожу камеры и собираю письма, а потом их разношу. Охрана ни разу меня не поймала и не нашла ни одной записочки. Таким образом заключенные могут поддерживать связь друг с другом, не боясь, что их письма перехватят.

— А откуда они берут бумагу?

— Они пишут вовсе не на бумаге, а на обрывках рубашек.

— Теперь я понимаю, почему у этой записочки был такой странный вкус,— сказал Чиполлино.

— А чернила, — продолжал паук, — делаются из арестантской похлебki с примесью толченого кирпича.

— А кирпич откуда?

— Да ведь стены-то в тюрьме кирпичные!

— Понятно, — сказал Чиполлино. — Заходи, пожалуйста, завтра в мою камеру. Я тебе дам письмецо.

— Обязательно зайду, — обещал почтальон и отправился своим путем, чуть-чуть прихрамывая.

— Ты что, ушиб ногу?— спросил Чиполлино.

— Да нет, это ревматизм. Понимаешь ли, мне вредно жить в сырости. Я уже старик, мне бы нужно переселиться в деревню. Там у меня есть брат, который живет на кукурузном поле. Каждое утро он раскидывает меж стеблей свою паутину и целый день наслаждается солнцем и чистым воздухом. Он много раз приглашал меня к себе, но ведь я не могу бросить свою работу. Когда берешься за что-нибудь, так уж надо выполнять дело до конца. А кроме того, у меня свои счеты с принцем Лимоном. Его придворный лакей убил моего отца: прихлопнул бедного старика на кухне. Там на стенке до сих пор еще осталось чуть заметное пятнышко. Иногда я захожу поглядеть на этот па-

мятный мне след и говорю себе: «Когда-нибудь и принца Лимона прихлопнут, да так, что даже и следа не останется». Правильно я говорю?

— Никогда я еще не видел такого благородного паука! — с восхищением сказал Чиполлино.

— Каждый делает что может, — скромно ответил маленький почтальон.

Прихрамывая, он добрался до окошка и пролез в коридор под самым носом у какого-то Лимонишки, который в эту минуту заглянул в глазок, чтобы удостовериться, все ли в порядке.

Выбравшись из камеры, Хромоног спустился по паутинке и отправился дальше по своим делам.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Чиполлино теряет всякую надежду

В тот же день Чиполлино оторвал клочок от своей рубашки и разделил его на несколько кусков.

«Вот и почтовая бумага, — подумал он с удовлетворением. — Теперь подождем, пока принесут чернила».

Когда Лимонишка принес ему похлебку на ужин, Чиполлино не стал ее есть. Ложкой он наскреб со стены немного кирпича, насыпал его в воду и хорошенько размешал, а затем черенком той же ложки написал несколько писем.

«Дорогой отец! — говорилось в первом письме. — Ты помнишь, что я тебе обещал? Так вот, эта минута приближается. Я все хорошо обдумал. Целую тебя. Твой сын Чиполлино».

В письме, адресованном Кроту, говорилось:

«Милый старый Крот, не думай, что я тебя забыл. В неволе мне делать нечего, и я все время думаю о старых друзьях. Я думал, думал и придумал, что ты, наверно, можешь помочь мне и моему отцу. Я знаю, что это нелегко. Но если тебе удастся собрать сотню кротов, то общими усилиями вы преодолеее все трудности. Жду твоего скорого ответа, то есть жду тебя в своей камере. Итак, до свидания. Твой старый друг Чиполлино».

Постскриптум: «Здесь у тебя глаза не заболят. В моем подземелье темнее, чем в чернильнице».

Третье письмо гласило:

«Дорогой Вишенка! Я о тебе ничего не знаю, но уверен, что ты не приуныл после нашей неудачи. Даю тебе слово, что скоро мы рассчитаемся с кавалером Помидором сполна. Здесь я подумал о многом, о чем не было времени думать на воле. Жду твоей помощи. Посылаю тебе письмо для Крота. Положи его в условленном месте. Скоро напишу еще. Привет всем. Чиполлино».

Он запрятал письма под подушку, вылил оставшиеся чернила в ямку под кроватью, отдал пустую миску Лимонишке и лег спать.

На следующее утро тот же почтальон принес ему новое письмо от отца. Старый Чиполлоне писал, что он будет очень рад весточкам от сына, но советует ему расчетливо тратить свою рубашку. Чиполлино оторвал почти половину рубашки, разостлал ее на земле, окунул палец в чернила и начал писать.

— Что ты делаешь! — остановил его почтальон. — Если ты будешь тратить на каждое письмо такой большой лист, то через неделю тебе не на чем будет писать.

— Не беспокойся, — ответил Чиполлино, — через неделю меня уже здесь не будет!

— Сынок, боюсь, что ты заблуждаешься!

— Возможно. Но вместо того чтобы делать мне замечания, не можешь ли ты протянуть мне руку помощи?

— Все восемь моих ног в твоем распоряжении. Что ты задумал?

— Я хочу нарисовать план тюрьмы, точно отметить на нем все этажи, наружную стену, двор и прочее.

— Ну, это не трудно: я знаю в тюрьме каждый квадратный сантиметр.

С помощью паука Хромонога Чиполлино начертил план тюрьмы и крестиком отметил двор.

— Почему ты здесь поставил крестик? — спросил паук.

— Это я тебе объясню в другой раз, — ответил Чиполлино уклончиво. — А пока я дам тебе три письма: одно из

них — к отцу, а вот эти два письма и план надо отнести моему другу.

— За тюремные ворота?

— Да. Молодому графу Вишенке.

— А далеко он живет?

— В графском замке, на холме.

— Ах, я знаю, где это! Мой двоюродный брат служит на чердаке в этом замке. Он много раз приглашал меня к себе, у меня все не было свободного времени. А говорят, что там очень красиво. Что ж, я, пожалуй, отправлюсь туда, но кто же будет разносить за меня почту?

— На дорогу туда и обратно у тебя уйдет только два дня, хоть ты и хромаешь на одну ногу. Я полагаю, что два дня можно обойтись и без писем.

— Я бы не стал отлучаться и на один день, — сказал усердный почтальон, — но если эти письма надо доставить срочно...

— Очень срочно! — перебил его Чиполлино. — Речь идет о чрезвычайно важном деле, от которого зависит освобождение заключенных.

— Всех заключенных?

— Да, всех, — сказал Чиполлино.

— В таком случае я отправляюсь в путь, как только разнесу сегодняшнюю почту.

— Мой дорогой друг, я не знаю, как и отблагодарить тебя!

— Я делаю это не ради благодарности, — ответил хромой почтальон. — Если тюрьма опустеет, я смогу наконец поселиться в деревне.

Он положил письма в сумку, надел ее на шею и, хромая, отправился к окошечку.

— До свидания, — прошептал Чиполлино, провожая взглядом почтальона, который на этот раз вскарабкался на потолок для большей безопасности. — Счастливого пути!

С того мгновения, как паук исчез за окошком, Чиполлино стал считать часы и минуты. Время тянулось очень медленно: час, два, три, четыре...

Когда миновали сутки, Чиполлино подумал: «Сейчас он уже где-то поблизости от замка. Только найдет ли он дорогу? Ну конечно, найдет. В окрестностях замка много пауков, и если они узнают, что он приходится двоюродным братом известному пауку с графского чердака, кто-нибудь его и проведет».

И Чиполлино представил себе, как старый, седой паучок, прихрамывая, карабкается на чердак, как он узнает у своего двоюродного брата, где комната Вишенки, а потом спускается вниз по стене к постели мальчика и, тихонько разбудив его, передает письма.

Чиполлино места себе не находил. С часу на час, с минуты на минуту ожидал он возвращения почтальона. Но прошел второй, третий день, а Хромоног все еще не показывался. Заключение были очень встревожены отсутствием писем. Перед уходом почтальон никому из них не сообщил о своем тайном поручении, а сказал, что берет на два дня отпуск. Почему же он не возвращается? Уж не решил ли он навсегда покинуть тюрьму и отправиться в деревню, о чем так давно мечтал? Заключение не знали, что и подумать. Но больше всех беспокоился Чиполлино.

На четвертый день арестантов вывели на прогулку. Чиполлино стал искать глазами отца, но его на дворе не было, и никто не мог сказать, что с ним. Обойдя несколько раз тюремный двор, Чиполлино вернулся в свою камеру и в отчаянии бросился на койку. Он почти утратил всякую надежду.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Приключения паука Хромонога и паука Семь с половиной

Что же случилось с пауком-почтальоном?

Сейчас я вам все расскажу.

Выйдя из тюрьмы, он пошел по улице, держась поближе к тротуару, чтобы его не раздавили телеги, коляски и кареты. Но тут он чуть было не угодил под колесо велосипеда и был бы раздавлен, если бы не успел отскочить в сторону.

«Батюшки мои! — подумал он испуганно. — Мое путешествие чуть не кончилось прежде, чем началось».

К счастью, он увидел неподалеку открытый люк и спустился в сточную трубу. Едва он туда залез, кто-то окликнул его по имени. Паук оглянулся и увидел своего дальнего родственника. Родственник этот жил раньше на кухне графского замка. Звали его Семь с половиной, потому что у него было семь с половиной ног: половину восьмой ноги он потерял из-за несчастного случая — после неудачного столкновения с половой щеткой.

Хромоног вежливо поздоровался со старым знакомым, и Семь с половиной пошел с ним рядом, болтая о том о сем, а больше всего — о том, как он потерял половину восьмой ноги. Семь с половиной то и дело останавливался, чтобы рассказать поподробнее о своей роковой встрече со злополучной щеткой, но Хромоног тащил его дальше, не поддаваясь искушению поболтать по душам со своим спутником.

— Куда же ты так спешишь? — спросил наконец Семь с половиной.

— К двоюродному брату, — уклончиво ответил Хромоног.

В тюрьме он научился хранить тайны и поэтому умолчал о том, что несет письма от Чиполлино к Вишенке и Кроту.

— К двоюродному брату? — переспросил Семь с половиной. — К тому, что живет в замке? Он меня давно зовет пожить недельку у него на чердаке. Так знаешь что, я пойду с тобой вместе — сейчас у меня нет никаких срочных дел.

Хромоног не знал, радоваться ли ему компании или нет. Но потом он решил, что вдвоем идти веселее, да к тому же этот неожиданный спутник может оказать ему помощь, если с ним случится какая-нибудь беда.

— Что ж, пойдем, — приветливо ответил он. — Но только не можешь ли ты идти немного быстрее? Дело в том, что у меня есть важное поручение, и я не хотел бы запаздывать.

— Ты все еще служишь почтальоном в тюрьме? — спросил Семь с половиной.

— Нет, я уволился, — ответил Хромоног.

Хотя Семь с половиной был его приятелем и даже родственником, но о некоторых вещах не следует говорить даже самым закадычным друзьям.

Мирно беседуя, они вышли за пределы города и позволили себе наконец вылезти из сточной трубы. Хромоног вздохнул с облегчением, потому что в трубе был такой спертый воздух, что у него кружилась голова.

Вскоре оба спутника оказались в поле. Был чудесный день, ветер слегка шевелил душистую траву. Семь с половиной так жадно разевал рот, будто хотел разом вдохнуть в себя весь воздух.

— Как тут прекрасно! — восклицал он. — Вот уже три года, как я носа не высовывал из моей душной сточной

трубы. А теперь, кажется, я ни за что не вернусь обратно. Не поселиться ли мне здесь, в этой тихой и пустынной сельской местности?

— Кажется, местность эта довольно густо заселена, — возразил Хромоног, указывая своему товарищу на длинную вереницу муравьев, которые тащили гусеницу в муравейник.

— Городским синьорам, по-видимому, не нравится наше деревенское общество, — ехидно заметил Кузнечик, сидевший на пороге своей норки.

Семь с половиной захотел во что бы то ни стало остановиться и объяснил Кузнечику, что именно думает он о деревенском обществе. Кузнечик ответил. Семь с половиной возразил. Кузнечик протрещал что-то. Семь с половиной не согласился с ним.

В общем, разговор затянулся, а время шло, не останавливаясь ни на минуту.

Вокруг спорящих собралось много всякого народа: кузнечики, жуки, божьи коровки и — на значительном расстоянии — даже несколько отважных мошек. Воробей, который до этого делал вид, будто регулирует уличное движение, обратил внимание на это сборище и подлетел, чтобы рассеять его. Тут он сразу же заметил Семь с половиной.

— Чик-чирик! Недурной кусочек для моих воробышков! — прочирикал он.

Хорошо еще, что какая-то мошка вовремя подняла тревогу:

— Спасайтесь! Спасайтесь! Полиция!

В один миг все жуки, божьи коровки исчезли, словно их поглотила земля. Семь с половиной и Хромоног укрылись в норке Кузнечика, который поспешно закрыл входную дверь и стал у порога на страже.

Семь с половиной весь дрожал от страха, а Хромоног начал уже раскаиваться в том, что взял с собой такого

болтливого спутника, который затеял спор с первым встречным и привлек внимание полиции.

«Ну вот, меня уже взяли на заметку, — думал старый почтальон. — Воробей, конечно, записал меня в свою книжечку. А уж раз попадешь в эту книжечку — добра не жди!»

Он повернулся к Семи с половиной и сказал ему:

— Послушай, кум, видишь ли, путешествие наше становится очень опасным. Может быть, нам следует расстаться?

— Ты меня, право, удивляешь! — воскликнул Семь с половиной. — Сначала ты сам уговаривал меня идти с тобой, а теперь хочешь оставить меня в беде. Хороший же ты друг, нечего сказать!

— Да ведь это же ты предложил идти со мной вместе! Ну да ладно, дело не в этом. Я иду в замок с важным поручением и не намерен сидеть в этой норке целый день, хоть я и очень благодарен Кузнечнику за его гостеприимство.

— Хорошо, я пойду с тобой, — согласился Семь с половиной. — Я обещал моему двоюродному брату навестить его и хочу сдержать слово.

— Так пойдем же! — сказал Хромоног.

— Подождите минутку, синьоры: я выгляну за дверь и узнаю, где полиция, — предложил осторожный Кузнечик.

Оказалось, что Воробей был все еще на своем посту. Он летал низко над землей и внимательно осматривал траву.

Семь с половиной озабоченно вздохнул и сказал, что при таких обстоятельствах он не сделает ни шагу.

— Ну, если так, я пойду один! — решительно заявил Хромоног.

— Что ты, я ни за что не позволю тебе рисковать жизнью! — возмутился Семь с половиной. — Я знал твоего покойного отца и ради его памяти должен помешать тебе идти навстречу верной гибели!

Оставалось сидеть и ждать. А так как Воробей был неумным и не желал убираться на покой, то весь день прошел в томительном ожидании. Только на закате полиция наконец удалилась в свои казармы — на кипарисы у кладбища, — и наши путешественники решились снова пуститься в путь.

Хромоног был очень огорчен тем, что потерял целый день.

За ночь они могли бы наверстать потерянное время и уйти довольно далеко, но внезапно Семь с половиной объявил, что он очень устал и хочет отдохнуть.

— Это невозможно, — запротестовал Хромоног. — Совершенно невозможно! Я не могу больше останавливаться в пути.

— Значит, ты хочешь бросить меня на полдороге ночью? Так-то ты обходишься со старым другом твоего отца! Хотел бы я, чтобы этот бедный старик был жив и хорошенько пробрал тебя за бессердечное отношение к родственникам!

Хромоногу пришлось и на этот раз покориться. Путники отыскали удобное местечко за водосточной трубой какой-то церкви и устроились на отдых.

Нет нужды говорить, что Хромоног всю ночь не мог сомкнуть глаз и с яростью смотрел на своего товарища по путешествию, который блаженно похрапывал.

«Если бы не этот трус и болтун, я бы сейчас был уже на месте, а может быть, и на обратном пути!» — думал он.

Едва небо просветлело на востоке, он без лишних проволочек разбудил Семь с половиной.

— В путь! — приказал он.

Но ему пришлось подождать, пока Семь с половиной приведет себя в порядок. Старый бездельник аккуратно почистил все свои семь с половиной ног и только после этого заявил, что готов двинуться дальше.

Утро прошло без особых приключений. Около полудня путники оказались на широкой, гладко утоптанной площадке, испещренной множеством непонятных следов.

— Странное место! — сказал Семь с половиной. — Можно подумать, что здесь прошла целая армия.

В конце площадки виднелась низкая постройка, из которой доносились какие-то громкие, тревожные голоса.

— Я не любопытен, — забормотал снова Семь с половиной, — но я бы отдал вторую половину своей восьмой лапки, чтобы узнать, где мы находимся и кто там живет!

Но Хромоног быстро шел вперед, не оглядываясь по сторонам. Он смертельно устал, потому что не спал всю ночь, и у него болела голова от жары. Ему казалось, что он никогда не доберется до замка, словно по мере их пути замок не приближался, а отдалялся. Кто знает, не сбились ли они с дороги: ведь сейчас уже должны были показаться вдали высокие башни замка... Да, конечно, они заблудились в пути. Ведь оба они стары и не носят очков (потому что никто еще никогда не видел паука в очках). Могло случиться, что они прошли мимо замка, не заметив его.

Хромоног был весь погружен в свои печальные размышления, когда маленькая зеленая гусеница стрелой промчалась мимо него с криком:

— Спасайся кто может! Куры!

— Мы пропали! — прошептал в ужасе Семь с половиной, который слышал не раз об этих огромных и прожорливых птицах.

Не помня себя, пустился он бежать, быстро перебирая своими семью длинными и тонкими ногами и припрыгивая на культяпке восьмой.

Его хромой спутник не был так проворен — во-первых, потому, что был слишком занят своими мыслями, а во-вторых, ему никогда еще не приходилось встречаться с курами и даже слышать о них. Но когда одна из этих незнакомых страшных птиц занесла над ним свой клюв, у него

хватило присутствия духа швырнуть сумку с письмами товарищу и крикнуть ему на прощанье:

— Отнеси...

Но у него уже не осталось времени сказать, кому предназначались эти письма. Курица проглотила его в один миг.

Бедный хромой почтальон! Ему уже не придется больше разносить почту из камеры в камеру и болтать с заключенными. Никто не увидит больше, как он, ковыляя, карабкается по сырым мрачным стенам тюрьмы...

Гибель товарища была спасением для Семи с половиной. Он успел ускользнуть за сетку, которой были огорожены курятник и площадка, и оказался в безопасности, прежде чем курица обернулась в его сторону. После этого он надолго потерял сознание. Когда Семь с половиной пришел в себя, то никак не мог сообразить, где он находится. Солнце уже заходило — значит, он пролежал в обмороке несколько часов.

В двух шагах от себя он увидел страшный профиль курицы, которая все это время не теряла его из виду и тщательно старалась просунуть клюв через дырочки частой провололочной сетки.

Этот ужасный клюв сразу напомнил ему о печальной кончине Хромонога. Семь с половиной вздохнул об участи погибшего друга и попытался сдвинуться с места. Тут только он обнаружил, что его искалеченная восьмая нога придавлена какой-то тяжестью. Это была почтовая сумка, которую Хромоног бросил ему перед смертью.

«Мой храбрый друг завещал мне отнести письма кому-то, — подумал Семь с половиной. — Но кому, куда?.. Не лучше ли бросить эту сумку с письмами в первую же канаву и вернуться в сточную трубу? Там нет ни воробьев, ни кур. Правда, в трубе очень душно, но зато вполне безопасно. Впрочем, пожалуй, я загляну в сумку, но только из любопытства».

Он начал читать письма и не мог удержаться от слез. Ему пришлось смахнуть не одну слезу, чтобы иметь возможность продолжать чтение.

— И он не сказал мне ни слова о своем поручении! А я-то ничего не знал и задерживал его своей болтовней в то время, как ему нужно было так спешить! Нет, нет, теперь мне все ясно: по моей вине погиб Хромоног, и я обязан выполнить его последнюю волю. Пусть мне суждено умереть, зато, по крайней мере, я сделаю что-нибудь, чтобы почтить память верного друга.

Семь с половиной пустился в путь, даже не дав себе времени поспать, и на заре благополучно прибыл в замок. Он легко нашел дорогу на чердак и был радостно встречен своим родственником-пауком. После краткой беседы обо всем, что случилось, оба они передали письма Вишенке, который все еще сидел на чердаке, наказанный за участие в мятеже. Потом паук, проживавший в замке, предложил Семи с половиной провести у него все лето, и старый болтун охотно согласился: обратный путь казался ему слишком страшным.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ,

*в которой рассказывается о Лимонишке,
не знавшем арифметики*

Однажды утром Лимонишка, который носил Чиполлино похлебку, поставил на землю миску, строго посмотрел на Чиполлино и пробурчал:

— Твоему старику плохо. Он очень болен.

Чиполлино хотел узнать об отце побольше, но Лимонишка, уклонившись от разговора, сказал только, что старый Чиполлоне так слаб, что не может выйти из камеры.

— Смотри никому не проболтайся о том, что я тебе сказал! — добавил Лимонишка. — Я могу потерять место, а мне ведь семью кормить надо.

Чиполлино обещал молчать. Да и без всякого обещания он не захотел бы подвести этого пожилого семейного человека, одетого в лимонную форму. Ясно было, что он служил тюремщиком только потому, что не мог найти лучшего ремесла, чтобы прокормить своих детей.

В этот день полагалась прогулка. Заключенные вышли во двор и начали ходить по кругу. Лимонишка отбивал такт на барабане:

— Раз-два, раз-два!

«Раз-два! — повторял про себя Чиполлино. — Мой почтальон пропал бесследно, словно в воду канул. Десять дней прошло с тех пор, как он ушел, и на возвращение нет никакой надежды. Он никому не передал моих писем, иначе Крот был бы уже здесь. Раз-два!.. Отец болен — значит, и

думать сейчас о бегстве нечего. Как унести больного из тюрьмы? Как лечить его? Ведь кто знает, сколько времени придется нам скрываться в лесу или на болоте, без крыши над головой, без врачей и лекарств... Эх, Чиполлино, перестань и думать о свободе и приготовься прожить в тюрьме многие годы, а может быть, и всю жизнь... И остаться тут после смерти», — прибавил он мысленно, поглядев на тюремное кладбище, которое виднелось за окошечком в стене, окружавшей тюремный двор.

В этот день прогулка была еще более унылой, чем обычно. Заключенные в своих полосатых арестантских куртках и штанах брели по двору сгорбившись. Никто даже не пытался на этот раз обменяться несколькими словами с товарищем, как это бывало обычно.

Все мечтали о свободе, но в этот день свобода казалась такой далекой! Дальше, чем солнце, прячущееся за тучами в дождливый день. А тут еще, словно нарочно, начал накрапывать мелкий, холодный дождь, и заключенные, зябко подергивая плечами, продолжали свою прогулку, которая, по тюремным правилам, полагалась в любую погоду.

Вдруг Чиполлино услышал — или, может быть, ему только показалось? — будто его кто-то зовет.

— Чиполлино, — повторил еще более внятно знакомый глухой голос, — задержись немного на следующем кругу.

«Крот, — подумал Чиполлино, и вся кровь бросилась ему в лицо от радости. — Он пришел! Он здесь!»

Но только как же быть с отцом, запертым в камере?

Чиполлино так спешил поскорее добраться до того места, откуда он слышал голос Крота, что наступил на пятки шедшему впереди арестанту. Тот обернулся и проворчал:

— Ты гляди, куда ноги ставишь!

— Не сердись, — прошептал Чиполлино. — Передай по кругу, что через четверть часа мы все выйдем из тюрьмы.

— Да ты с ума сошел! — изумился заключенный.

— Делай, что я тебе говорю. Передай, чтобы все были наготове. Мы убежим еще до конца прогулки.

Заключенный решил, что если он передаст это, то большой беды не случится.

Прежде чем люди успели обойти круг, их походка стала тверже и бодрее. Спины выпрямились. Даже Лимонишка, который бил в барабан, почувствовал это и решил похвалить арестантов.

— Вот и хорошо! — закричал он. — Так, так! Грудь вперед, живот убрать. Плечи назад... Раз-два, раз-два!..

Это уже было похоже не на прогулку заключенных, а на военную маршировку.

Когда Чиполлино дошел до того места, откуда его окликнул Крот, он замедлил шаг и прислушался.

— Подземный ход готов, — донеслись до него слова из-под земли. — Тебе нужно только прыгнуть на один шаг влево, и земля провалится у тебя под ногами. Мы оставили сверху только самый тонкий слой...

— Хорошо, но давай подождем до следующего круга, — тихо ответил Чиполлино.

Крот сказал еще что-то, но Чиполлино уже прошел мимо.

Он снова наступил на пятки переднему арестанту и шепнул:

— В следующий обход, когда я тебя толкну ногой, сделай шаг влево и подпрыгни. Только посильнее топни при этом!

Заклученный хотел спросить еще что-то, но в этот миг барабанщик посмотрел в их сторону.

Нужно было как-нибудь отвлечь его внимание. По всему кругу быстро пробежал приглушенный шепот, а потом один из заключенных громко вскрикнул:

— Ай!

— Что там случилось? — рывкнул Лимонишка, обернувшись к нему.

— Мне на мозоль наступили! — жалобно ответил арестант.

В то время как Лимонишка угрожающе смотрел в противоположную сторону, Чиполлино приблизился к месту, где был ход в подземную галерею, выкопанную кротами. Он толкнул ногой товарища, шедшего впереди. Тот отскочил влево, подпрыгнул и сейчас же исчез. В земле осталось отверстие, достаточно широкое, чтобы в него мог провалиться человек. Чиполлино пустил по кругу распоряжение:

— С каждым обходом будет исчезать тот, кого я толкнул ногой.

Так и пошло. В каждый обход кто-нибудь прыгал влево, в дырку, и пропадал бесследно. Чтобы Лимонишка не заметил этого, кто-нибудь на противоположной стороне круга поднимал крик:

— Ай-ай!

— Что там такое? — спрашивал Лимонишка грозно.

— Мне отдавили мозолы! — слышался один и тот же голос.

— Сегодня вы только и делаете, что наступаете друг другу на ноги. Будьте повнимательнее!

После пяти-шести кругов Лимонишка стал озабоченно посматривать на кольцо арестантов, ходивших вокруг него.

«Странно! — думал он. — Я могу поклясться, что людей стало меньше».

Но потом он решил, что это ему только показалось. Куда же они денутся! Ворота заперты, стены высокие.

— И все-таки, — бормотал он, — мне сдается, что их стало меньше.

Желая убедиться, что он ошибся, Лимонишка начал считать арестантов, но так как они ходили по кругу, то он никак не мог запомнить, с кого же он начал, и некоторых сосчитал по два раза. Счет никак не сходился: получалось, что заключенных не убавилось, а прибавилось.

«Как это может быть? Не могут же они делиться на части. Какая глупая штука — арифметика!»

Вы, наверное, уже поняли, что Лимонишка не был силен в этой науке. Он снова начал счет, но число заключенных то уменьшалось, то увеличивалось. Наконец он решил бросить это дело, чтобы не запутаться окончательно. И тут, посмотрев на круг, он в ужасе протер глаза: возможно ли это? Арестантов стало чуть ли не вдвое меньше!

Он поднял глаза к небу, пытаясь разглядеть, не улетел ли кто-нибудь из них за облака, и как раз в это самое время еще один человек прыгнул в подземелье и мгновенно исчез.

Теперь их осталось всего двадцать восемь. Среди них был и Чиполлино, который не переставал думать о своем отце. Каждый раз, когда какой-нибудь арестант впереди него исчезал под землей, у мальчика сжималось сердце: «Ах, если бы это был мой отец!»

Но старый Чиполлоне был заперт в своей камере, — нечего было и думать о его освобождении.

В конце концов Чиполлино решил, что он поможет бежать всем заключенным, а сам останется в тюрьме с отцом. Не нужна была ему свобода, если ею не мог воспользоваться вместе с ним и старый Чиполлоне. Теперь оставалось всего пятнадцать заключенных... десять, девять, восемь, семь...

Ошеломленный Лимонишка машинально продолжал бить в барабан.

«Какой черт шутит со мной! — думал он тревожно. — С каждым обходом по одному человеку пропадает. Что же мне делать? До окончания прогулки осталось еще семь минут, — правило есть правило. А что, если до конца прогулки они все исчезнут?.. Сколько их там осталось? Один, два, три, четыре, пять, шесть... Да что я говорю: их уже только пятеро!»

Чиполлино был очень огорчен. Он попытался было окликнуть Крота, но не получил ответа. А ему так хотелось объяснить своему доброму другу, почему сам он не может бежать...

Как раз в эту минуту Лимонишка опомнился и решил положить конец этому колдовству, из-за которого у него так таинственно исчезли все арестанты. Он завопил:

— Стой! Ни с места!

Чиполлино и еще четверо заключенных остановились и посмотрели друг на друга.

— Скорее бегите, — закричал Чиполлино, — пока Лимонишка не поднял тревогу!

Заключенные не заставили себя просить дважды и один за другим попрыгали в яму. Чиполлино печально посмотрел им вслед, но вдруг почувствовал, что его хватают за ноги. Товарищи угадали, что он решил остаться, и без долгих разговоров затащили его в подземную галерею.

— Не будь дураком, — сказали они. — Если будешь на свободе, ты скорее поможешь своему отцу. Бежим, бежим, пока не поздно!

— Подождите и меня! — неожиданно закричал Лимонишка, который наконец понял, в чем дело. — И я с вами! Не оставляйте меня здесь: ведь принц повесит меня за ваш побег!

— Ладно, возьмем его с собой, — согласился Чиполлино. — Ведь этому Лимонишке мы тоже немного обязаны тем, что нам так легко удалось бежать.

— Поторопитесь, — слышался глухой голос за его спиной. — Здесь невыносимо светло, а я совсем не желаю ослепнуть или погибнуть от солнечного удара!

— Мой добрый, старый Крот, — сказал Чиполлино, — подумай сам, разве я могу бежать? Отец болен и заперт в своей камере!

Крот почесал затылок.

— Я знаю, где его камера, — сказал он. — Я хорошо изучил план тюрьмы, который ты мне прислал. Но есть ли у нас время? Тебе нужно было предупредить меня заранее.

Он испустил призывный клич, и в то же мгновение появилось около сотни кротов.

— Ребята, нам нужно вырыть еще один ход — вон до того угла тюрьмы, — сказал старый Крот. — Ну что, выроем? — Что за вопрос! В четверть часа все будет сделано.

Кроты, не задумываясь, принялись за работу. В несколько минут они добрались до тесной клетки, где находился старый Чиполлоне. Чиполлино первым проник в камеру. Его отец лежал на койке и бредил. Едва они унесли старика через подземный ход, как в камеру ворвались Лимонишки, которые метались по всей тюрьме в поисках заключенных, не понимая, каким образом они исчезли.

Когда наконец тюремщики сообразили, что произошло, они так испугались наказания, которому их неизбежно подвергнет принц Лимон, что все разом побросали оружие и, в свою очередь, ринулись в коридор, вырытый кротами.

Выйдя в поле, они попрятались по домам у крестьян, сбросили свою лимонную форму и надели рабочее платье.

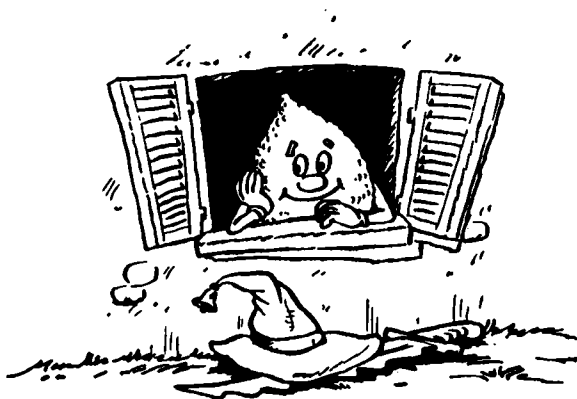
Говорят, они побросали также и колокольчики, которые были у них на шапках. Давайте-ка соберем эти колокольчики и отдадим ребятишкам — пускай звонят во всю мочь!

Ну а Чиполлино? Что с ним случилось дальше?

Старый Крот и Чиполлино, полагая, что бежавшие из тюрьмы Лимонишки гонятся за ними, вырыли для себя другой ход. Вот почему Лимонишки так их и не догнали.

Где же они сейчас находятся?

Потерпите — узнаете.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Гонки с препятствиями

Принц устроил большой праздник.

— Моим подданным необходимы развлечения, — решил принц Лимон, — тогда им некогда будет думать о своих бедах и нуждах.

Он придумал конные состязания, в которых должны были участвовать все придворные Лимоны первого, второго и третьего классов. Разумеется, в качестве наездников, а не лошадей.

Эти состязания были особенные: лошади должны были тянуть колесницы с тормозами.

Сам принц перед состязаниями осмотрел эти тормоза, чтобы удостовериться, действуют ли они.

Они так хорошо действовали, что колеса совсем не вертелись. Поэтому лошадям было во сто раз труднее тянуть колесницу.

Когда принц подал сигнал, лошади ударили копытами о землю и напрягли все мускулы, роняя пену с удила. Но колесницы даже не сдвинулись с места. Тогда Лимоны-наездники пустили в ход длинные бичи. Это помогло. Колесницы сдвинулись на несколько сантиметров, и принц Лимон весело захопал в ладоши. Потом он сам вышел на арену и начал хлестать лошадей одну за другой. Очевидно, это занятие доставляло ему огромное удовольствие.

— Соблаговолите, ваше высочество, подхлестнуть и моих! — кричали Лимоны, чтобы сделать ему приятное.

Принц Лимон щелкал бичом изо всех сил. Наездники, стоя в колесницах, тоже осыпали лошадей ударами. Каждый удар бича оставлял на спине у лошади длинную белую полосу, но принца это не смущало — он был очень горд придуманной им забавой.

— Любая лошадь способна бежать, если ей ничего не мешает, — говорил он. — А я хочу посмотреть, могут ли они бежать, если их удерживаешь.

У бедных лошадей, обезумевших от боли и напряжения, подгибались ноги.

Зрители возмущались, но вынуждены были смотреть на это дикое состязание — или, вернее сказать, истязание, ибо если уж принц решил, что люди должны развлекаться, то их развлекали насильно.

Но вдруг принц замер на месте с поднятым бичом и так вытаращил глаза, что они чуть было не выскочили у него из орбит. Ноги у него задрожали, лицо еще больше пожелтело, и волосы под желтой шапочкой стали дыбом, так что золотой колокольчик затрясся и отчаянно задребезжал.

Принц увидел, как земля разверзлась у самых его ног. Да, да, разверзлась земля!

Сначала появилась трещина, потом другая, потом на арене вырос небольшой бугорок, похожий на тот, какие оставляют кроты на полях. Затем на верхушке бугорка образовалось отверстие. Оно расширилось, из него показалась голова, плечи, и какое-то живое существо быстро вылезло из-под земли, помогая себе локтями и коленями. Это был Чиполлино.

Из норки слышался тревожный голос старого Крота:

— Вернись назад, Чиполлино, мы ошиблись дорогой! Вернись!

Но Чиполлино уже ничего не слышал. Увидев прямо перед собой бледное, покрытое испариной лицо принца, который так и застыл с бичом в руке, словно превратившись в соляной столп, Чиполлино весь затрясся от ярости.

Не задумываясь над тем, что он делает, мальчик бросился к правителю и вырвал у него из рук бич. Принц и опомниться не успел, как Чиполлино щелкнул бичом в воздухе, как бы испытывая его, а затем размахнулся и полоснул по спине принца. Правитель был так ошеломлен, что и не подумал уклониться от удара, обрушившегося на него.

— О-о-о! — завопил принц.

Чиполлино опять взмахнул бичом и нанес ему новый удар, посильнее прежнего.

Тогда правитель повернулся и бросился наутек.

Это было сигналом. Вслед за Чиполлино из-под земли появились и остальные заключенные, бежавшие из тюрьмы. Народ приветствовал их радостными криками. Отцы увидели сыновей, жены узнали мужей.

В одно мгновение цепь полицейских была прорвана, толпа хлынула на арену и понесла на руках освобожденных пленников.

Придворные гонщики хотели было умчаться на своих колесницах прочь, но как они ни хлестали своих коней, колеса не могли сдвинуться с места. Придворных схватили и связали по рукам и ногам.

Однако сам принц все же успел вскочить в свою карету, которая не участвовала в гонках и поэтому была без тормозов. Принцу удалось вовремя удрать. Но он не решился укрыться в своем дворце, а помчался в поля, подгоняя лошадей неистовым криком. Послушные лошади понеслись таким галопом, что карета в конце концов опрокинулась, и правитель угодил головой прямо в рыхлую кучу, предназначенную для удобрения полей.

«Самое подходящее для него место!» — сказал бы Чиполлино, если бы увидел, что случилось с принцем.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Синьор Помидор устанавливает налог на погоду

В то самое время, когда в городе происходили эти события, в зале замка графинь Вишен, который время от времени превращался в зал суда, синьор Помидор собрал всех жителей деревни, чтобы объявить им весьма важное решение.

Председателем суда, конечно, был все тот же кавалер Помидор, адвокатом — синьор Горошек, а секретарем — синьор Петрушка. Левой рукой он записывал в протокол речи сторон и решения суда, а в правой держал свой клетчатый носовой платок, которым пользовался чуть ли не каждую минуту.

Народ был не на шутку встревожен, потому что всякое заседание судебного трибунала сулило ему одни неприятности.

На прошлом заседании трибунал постановил, что не только земля, но и воздух в деревне является собственностью графинь Вишен, и поэтому все, кто дышит, должны платить деньги за аренду воздуха.

Раз в месяц кавалер Помидор обходил деревенские дома и заставлял крестьян глубоко дышать в его присутствии. По очереди он измерял у них объем груди после вдоха и выдоха, затем производил подсчет и устанавливал, какая сумма причитается с каждого потребителя воздуха. Кум Тыква, который, как известно, очень вздыхал, платил, конечно, больше всех. Чего же еще потребуют от крестьян владелицы замка?

Кавалер Помидор взял слово первым и в глубокой тишине произнес:

— За последнее время доходы замка заметно уменьшились. А ведь вы знаете, что наши бедные графини — вдовы и круглые сироты — живут только доходами с принадлежащей им земли и кроме себя самих вынуждены содержать еще и своих родственников, герцога Мандарина и барона Апельсина, чтобы не дать им умереть с голоду...

Мастер Виноградинка украдкой поглядел на барона, который сидел в уголке, скромно опустив глаза, и утолял свой голод жареным зайцем с гарниром из воробышков.

— Нечего оглядываться по сторонам! — сурово прикрикнул синьор Помидор. — Если вы будете вертеть головой, я прикажу очистить помещение!

Мастер Виноградинка поспешил устремить взор на кончики собственных башмаков.

— Благородные графини, наши высокочтимые хозяйки, представили в суд прошение, написанное, как этого требует закон, на гербовой бумаге, дабы добиться признания одного из своих неотъемлемых прав... Адвокат, прочтите документ!

Синьор Горошек встал, откашлялся, набрал в легкие побольше воздуха и начал читать документ медленно и внушительно:

«Нижеподписавшиеся, графиня Старшая и графиня Младшая из почтенного рода Вишен, утверждают, что, будучи владелицами воздуха в своем имении, они должны быть признаны также и владелицами всех осадков, выпадающих в течение года. Посему они просят суд подтвердить, что каждый житель деревни повинен уплачивать им арендную плату в сумме ста лир за простой дождь, двухсот лир за ливень с громом и молнией, трехсот лир за снег и четырехсот лир за град». Следуют подписи: «Графиня Вишня Старшая. Графиня Вишня Младшая».

Синьор Горошек сел.

Председатель спросил:

— Вы говорите, что прошение написано на гербовой бумаге?

— Да, синьор председатель, — ответил синьор Горошек, снова вскакивая на ноги, — на гербовой.

— Подлинность подписей обеих графинь установлена?

— Установлена.

— Прекрасно, — заявил синьор Помидор. — Если прошение написано на гербовой бумаге и подписи действительны, то все ясно. Суд удаляется на совещание.

Кавалер встал, завернулся в черную мантию, которая то и дело сползала у него с плеч, и вышел в соседнюю комнату, чтобы принять решение.

Скрипач Груша подтолкнул своего соседа Лука Порей и спросил у него шепотом:

— По-твоему, это справедливо, что мы должны платить за град? Ну, я понимаю еще — за дождик или снег, которые приносят пользу посевам. Но ведь град и сам по себе большое несчастье, а за него требуют самую большую плату!

Лук Порей не ответил — он задумчиво поглаживал свои длинные усы.

Мастер Виноградинка растерянно шарил в карманах. Он искал шило, чтобы почесать затылок, но вдруг вспомнил, что, прежде чем войти в зал, жители деревни должны были сдать оружие, холодное и огнестрельное. Огнестрельного у них не оказалось, а шило было признано холодным оружием.

В ожидании приговора суда синьор Петрушка не сводил глаз с присутствующих и записывал у себя в книжечке:

«Груша шептался. Лук Порей приглаживал усы, кума Тыквочка ерзала на месте. Кум Тыква глубоко вздохнул два раза».

Так записывает на доске имена своих товарищей школьник, которому учительница поручила наблюдать за классом, пока сама она беседует с кем-нибудь в коридоре.

В графе «примерных» синьор Петрушка записал:

«Герцог М. ведет себя отлично. Барон А. — очень хорошо. Он не встает с места, соблюдает тишину и ест тридцать четвертого воробышка».

«Эх, — думал мастер Виноградинка, почесывая затылок ногтями за неимением шила, — если бы наш Чиполлино был здесь, не было бы всего этого безобразия! С тех пор как Чиполлино в тюрьме, с нами обращаются как с рабами. Мы не можем пошевелиться без того, чтобы синьор Петрушка не записал нас в свою проклятую книжку».

Дело в том, что все те, кого синьор Петрушка записывал в графу «провинившихся», должны были платить штраф. Мастер Виноградинка почти ежедневно платил штраф, а иной раз и по два штрафа в день.

Наконец суд, то есть кавалер Помидор, вернулся в зал заседаний.

— Встать! — скомандовал синьор Петрушка, но сам, однако, остался сидеть.

— Внимание! Сейчас я оглашу решение суда, — сказал кавалер. — «Заслушав прошение графинь Вишен, суд постановил: признать, что вышеупомянутые графини имеют право взимать арендную плату за дождь, снег, град, а также за всякую погоду и непогоду, посылаемую небом. Посему суд устанавливает нижеследующее: каждый житель деревни, принадлежащей графиням Вишням, повинен вносить за погоду плату, вдвое превышающую сумму, требуемую графинями...»

В зале послышался ропот.

— Молчать! — закричал кавалер Помидор. — Иначе я сейчас же прикажу очистить помещение. Я еще не закон-

чил: «Суд постановил, что вышеупомянутые граждане повинны также вносить арендную плату за росу, иней, туман и другие виды сырости. Постановление входит в силу с сегодняшнего дня».

Все испуганно посмотрели в окно, надеясь увидеть чистое небо. Оказалось, что надвигается черная грозовая туча. В стекло ударило несколько градин.

«Батюшки мои! — подумал мастер Виноградинка, почесывая затылок. — Вот и плати теперь восемьсот лир. Проклятые тучи!»

Синьор Помидор также посмотрел в окно, и его красное, широкое лицо засияло от радости.

— Ваша милость, — сказал ему синьор Горошек, — поздравляю вас! Вам везет: барометр падает, будет ливень.

Все посмотрели на адвоката с ненавистью. Синьор Петрушка быстро оглядел присутствующих и записал в книжечку каждого, в чьих глазах можно было прочесть укор.

Когда и в самом деле разразилась гроза с громом, молнией, дождем и градом, синьор Горошек весело подмигнул синьору Петрушке, а мастер Виноградинка, едва дыша от бешенства, вынужден был еще пристальнее рассматривать свои ботинки, чтобы снова не подвергнуться штрафу.

Жители деревни смотрели на ливень за окном как на сущее бедствие. Гром казался им страшнее пушечной стрельбы, а молнии словно попадали им в самое сердце.

Синьор Петрушка помусолил чернильный карандаш и начал быстро подсчитывать, сколько заработают на этой грозе владелицы замка. Получилась внушительная цифра, а вместе со штрафами — еще более внушительная.

Кума Тыквочка расплакалась. Жена Лука Пороя последовала ее примеру, припав к плечу своего мужа и вытирая слезы его длинными усами.

Кавалер Помидор страшно обозлился, затопал ногами и выгнал их всех из зала.

Крестьяне вышли под дождь, смешанный с градом, и побрели в деревню. Они даже не торопились. Град бил им в лицо, струи дождя пробирались под одежду, но они будто и не чувствовали этого. Когда у тебя большое горе, мелких неприятностей уже не замечаешь.

Чтобы попасть в деревню, нужно было перейти через железную дорогу. Крестьяне остановились у шлагбаума, который был закрыт, так как через минуту должен был пройти поезд. Смотреть на поезд у шлагбаума всегда интересно. Видишь, как, пыхтя и дымя, подходит огромный черный паровоз с машинистом в будке. В окна вагонов смотрят пассажиры, которые возвращаются с ярмарки, — крестьяне в плащах, их жены, дети...

Вот крестьянка с черным платком на голове. А в последнем вагоне...

— Праведное небо, — воскликнула кума Тыквочка, — посмотрите-ка на последний вагон!

— Кажется... — робко произнес кум Тыква, — кажется, там медведи...

Действительно, у окна вагона стояли три медведя и с любопытством осматривали окрестности.

— Невиданное дело! — протянул Лук Порей.

Усы у него взъерошились от удивления.

Вдруг один из трех медведей закивал головой и замахал лапой, будто приветствуя людей, которые мокли под дождем у шлагбаума.

— Чего это он зубы скалит? — проворчал мастер Виноградинка. — Ишь ты, медведь и тот себе позволяет издеваться над нами!

Но медведь все еще продолжал кланяться, и когда поезд уже прошел, он высунулся из окошка и так махнул лапой, что чуть не вывалился. Хорошо, что два других медведя вовремя удержали его и втащили обратно.

Наши друзья дошли до станции как раз в ту минуту, когда поезд остановился. Медведи неторопливо вылезли из вагона, и самый старый из трех предъявил контролеру билеты.

— Это, должно быть, медведи-акробаты из цирка, — сказал мастер Виноградинка. — Наверно, выступать будут. Сейчас явится сюда их укротитель — старик с деревянной дудкой.

Укротитель и в самом деле скоро явился, но оказался не стариком, а мальчиком в зеленом беретике и синих штанах с пестрой заплатой на коленке. Лицо у него было живое, веселое и будто очень знакомое каждому из жителей деревни.

— Чиполлино! — закричал Виноградинка, бросившись к нему.

Да, это действительно был Чиполлино. Перед возвращением в деревню он забежал в зоологический сад и освободил медведей. Сторож на этот раз так крепко спал, что можно было бы увести не только медведей, но и слона, если бы только тот согласился бежать из зоологического сада.

Но старый слон не поверил, что пришла долгожданная свобода, и остался в слоновнике писать свои воспоминания...

Сколько тут было объятий, поцелуев, расспросов и рассказов! И все это под проливным дождем. Ведь когда радуешься, не замечаешь мелких неприятностей, не боишься даже схватить простуду.

Скрипач Груша, не переставая, пожимал лапу молодому медведю.

— Помните, как вы танцевали под мою скрипку? — спрашивал он, весело подмигивая.

Медведь прекрасно помнил это и тотчас же снова пустился в пляс, не дожидаясь музыки. Ребята весело хлопали в ладоши.

Разумеется, Вишенке тут же дали знать о возвращении Чиполлино. Можете себе представить, как горячо они обнялись при встрече!

— Ну а теперь поговорим о деле, — сказал Чиполлино. — Я должен сообщить вам, что я задумал.

Пока Чиполлино рассказывает друзьям, что он задумал, пойдем да узнаем, как поживает принц Лимон.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Гроза, которая никак не может кончиться

Мы продержали принца в навозной куче так долго, потому что в этом убежище он чувствовал себя в большей безопасности, чем в своей столице.

«Здесь тихо, тепло и спокойно, — думал он, то и дело отплевываясь. — Я останусь здесь до тех пор, пока моя стража не восстановит в городе порядок».

Ведь этот надменный, жестокий, но трусливый принц удрал с арены, не оглядываясь назад, и поэтому не знал, что его стража перешла на сторону народа, его придворные попали в тюрьму и в стране провозглашена свободная республика.

Но когда хлынул дождь и холодные струи проникли в навозную кучу, правитель изменил свое намерение.

«Становится сыро, — решил он, — надо поискать местечко посуше!»

Он заворочался, задрыгал ногами и в конце концов выбрался из кучи.

Тут только он увидел, что находится в двух шагах от замка графинь Вишен. «Ну и дурак же я! — подумал он, протирая глаза, залепленные грязью. — Лежу в этой проклятой навозной куче и не подозреваю, что отсюда рукой подать до графского замка, где так тепло и уютно».

Принц отряхнулся и направился к воротам, но вдруг услышал громкие голоса. Он спрятался за стог сена и пропустил мимо себя какую-то шумную компанию. (Вы

знаете, из кого она состояла.) Затем принц поднялся по ступенькам замка и позвонил. Отперла ему дверь Земляничка.

— Простите, сударь, хозяйки наши нищим не подают! — сказала девушка и захлопнула дверь перед самым его носом.

Принц забарабанил в дверь кулаками:

— Отвори! Какой я нищий? Я — правитель, принц Лимон!

Земляничка снова приоткрыла дверь и участливо посмотрела на него.

— Бедняжка, — сказала она со вздохом, — ты, видно, от нужды с ума спятил!

— Какая там еще нужда! Я богат, я очень богат!

— Если посмотреть на тебя, так этого ни за что не скажешь, — ответила Земляничка, качая головой.

— Нечего тут разговаривать! Пойди доложи обо мне графиням.

— Что тут происходит? — спросил синьор Петрушка, проходя мимо и ожесточенно сморкаясь в свой клетчатый платок.

— Да вот этот нищий уверяет, будто он принц. Должно быть, сумасшедший.

Синьор Петрушка мгновенно узнал правителя, хотя узнать его было довольно мудрено.

— Я нарочно переоделся, чтобы поближе познакомиться с моим народом, — сказал принц Лимон, желая, видимо, оправдать свой несколько необычный вид.

— Пожалуйте, пожалуйста, ваше высочество, мы так счастливы вас видеть! — воскликнул синьор Петрушка, пытаясь поцеловать грязную руку принца.

Правитель вошел в дверь, бросив мимоходом грозный взгляд на Земляничку. Графини так и ахнули, увидев странного гостя, но, узнав, кто он такой, принялись наперебой расхваливать его заботу о подданных.

— О ваше высочество, вы промокли насквозь! Ни один принц на свете не вышел бы на улицу в такую ужасную погоду.

— Я хотел узнать, как живет мой народ, — ответил правитель и при этом ничуть не покраснел: ведь Лимоны никогда не краснеют.

— Ваше высочество, каковы же ваши впечатления? — спросила графиня Старшая.

— Мой народ вполне счастлив и доволен, — заявил принц. — Нет народа счастливее, чем мой. Вот только сейчас мимо меня прошла очень веселая компания... Ей даже дождь нипочем.

Принц и не знал, что говорит сущую правду: в этот день его народ был и в самом деле счастлив, потому что избавился от своего правителя!

— Не угодно ли вашему высочеству потребовать лошадей, чтобы вернуться во дворец? — спросил синьор Помидор.

— Нет, нет, ни за что! — с тревогой ответил принц. — Я подожду здесь, пока не кончится эта страшная гроза...

— Я позволю себе почтительнейше заметить, — сказал несколько озадаченный синьор Помидор, — что гроза уже давно прошла и на дворе снова сияет солнце.

— Солнце? Сияет? — гневно переспросил принц. — Вы, кажется, осмеливаетесь противоречить мне!

— Я просто не понимаю вашей дерзости, синьор, — вмешался барон Апельсин. — Если его высочество находит, что на дворе гроза, значит, так оно и есть. Разве вы не слышите, как шумит дождь.

Все поспешили согласиться с бароном.

— Ах, эта гроза никогда не кончится! — сказала графиня Старшая, глядя в окно, за которым после недавнего дождя сверкали на чашечках цветов крупные капли.

— Ужасный ливень! Посмотрите, так и хлещет, — поддакнула графиня Младшая, следя за тем, как весело игра-

ет с золотыми рыбками в бассейне солнечный луч, прокравшийся из-за облачка.

— Слышите, как оглушительно гремит гром? — вставил словечко и герцог Мандарин, затыкая уши и закрывая глаза в притворном ужасе.

— Земляничка, Земляничка, где ты? — позвала графиня Старшая слабеющим голосом. — Сейчас же прикрой все ставни! Все!

Земляничка прикрыла ставни, и в комнате стало темно, как в погребке.

Вскоре зажгли свечи, и большие тени запрыгали по стенам. Синьора графиня Старшая вздохнула:

— Ах, какая ужасная ночная гроза!

Принцу Лимону и в самом деле стало страшно.

— Жуткая ночь! — сказал он, стуча зубами.

Все остальные из вежливости тоже задрожали как в лихорадке.

Синьор Помидор подошел крадучись к окну и, чуть-чуть приоткрыв ставни, рискнул доложить:

— Прошу прощения у вашего высочества, но мне кажется, что гроза кончается.

— Нет-нет, что вы! — закричал принц, заметив косой солнечный луч, который попытался было проникнуть в комнату.

Кавалер Помидор поспешил захлопнуть ставни и подтвердил, что дождь по-прежнему льет как из ведра.

— Ваше высочество, — робко предложил барон Апельсин, которому очень хотелось сесть поскорее за стол, — не хотите ли пообедать... То есть, виноват, поужинать?

Но его высочеству не угодно было ни обедать, ни ужинать.

— В такую погоду, — сказал он, — у меня не бывает аппетита.

Барон не мог понять, какое отношение имеет погода к аппетиту, но, поскольку все согласились с принцем, он тоже согласился.

— Я ведь только предложил, ваше высочество. Какая уж тут еда! У меня у самого от молний и грома так сдавило горло, что я не смог бы проглотить и цыпленка!

На самом же деле он был до того голоден, что с удовольствием сгрыз бы пару стульев, если бы не боялся противоречить его высочеству.

В конце концов принц, утомленный волнениями, пережитыми за день, крепко заснул, сидя на стуле. Его прикрыли одеялом и потихоньку отправились в столовую ужинать. К этому времени и в самом деле стемнело.

За ужином синьор Помидор ел очень мало, а потом попросил у графинь разрешения встать из-за стола, так как его клонит ко сну.

На самом же деле синьор Помидор прокрался в сад и пошел в деревню.

«Что такое случилось? — думал он, шагая по дороге. — Принц чем-то встревожен. Это очень подозрительно. Я не удивлюсь, если окажется, что произошла революция».

От этого слова у него побежали по спине мурашки. Он отогнал тревожную мысль, но она возвращалась снова и снова. Грозное слово так и прыгало у него перед глазами, пугая его каждой своей буквой: Р е в о л ю ц и я !!! Р-Рим, Е-Европа, В-Венеция и так далее... Революция...

Вдруг ему показалось, что кто-то идет за ним следом. Он притаился за изгородью и стал ждать. Через минуту издали показался синьор Горошек, который двигался так осторожно, словно шагал по сырым яйцам.

Адвокату еще в столовой поведение кавалера Помидора показалось подозрительным. Увидев, что кавалер выходит из комнаты, синьор Горошек поспешил отправиться за ним.

«Здесь что-нибудь да кроется, — думал он. — Не будем терять кавалера из виду».

Синьор Помидор собирался уже выйти из своего убежища, как вдруг в отдалении мелькнула другая тень.

Кавалер еще ниже пригнулся за изгородью, чтобы дать и этому пройти.

Человек, который шел за синьором Горошком, был синьор Петрушка. Он заметил, как ускользнул из столовой адвокат, и решил проследить за ним. Своим непомерно большим и чутким носом воспитатель Вишенки почуял, что случилось что-то серьезное, и не хотел оставаться в неизвестности.

Однако синьор Петрушка и не подозревал, что за ним тоже следят. По его пятам крался герцог Мандарин.

— Я нисколько не удивлюсь, если сейчас появится и барон Апельсин, — пробормотал синьор Помидор и затаил дыхание, чтобы не выдать себя.

Действительно, вскоре затарахтела тачка и показался барон. Увидев, что герцог куда-то ушел, барон предположил, что его знатный родич отправился на какой-нибудь званный ужин, и, конечно, решил составить ему компанию. Бедняга тряпичник тяжело отдувался, толкая тачку и не замечая в темноте ни ухабов, ни камней на дороге. Скрипучая тачка, на которой покоилось брюхо барона, то взлетала вверх, то падала в пропасть. При каждом таком взлете и падении у барона захватывало дух, но он только стискивал зубы, чтобы не выдать себя нечаянным криком или стоном.

Барон оказался в этой странной процессии последним.

«Любопытно узнать, куда это они все направляются», — подумал синьор Помидор и вышел из-за изгороди.

Так они и ходили всю ночь друг за другом: синьор Горошек тщетно вглядывался в темноту, пытаясь найти синьора Помидора, который на самом деле шел позади всех; синьор Петрушка неотступно крался за адвокатом; герцог следовал за синьором Петрушкой; барон не терял из виду герцога, а Помидор двигался по следам барона. Каждый внимательно следил за движениями переднего, не подозревая, что за ним самим шпионят.

Несколько раз Горошек и Петрушка менялись местами: то синьор Петрушка при помощи ловкого обходного мане-

вра оказывался впереди синьора Горошка, то Горошек обгонял Петрушку. Так, наблюдая друг за другом, они кружили всю ночь и, разумеется, ничего не узнали, а только выбились из сил.

Под утро все эти господа решили вернуться в замок. Встретившись в аллее парка, они вежливо раскланялись и осведомились о здоровье друг друга. О своих ночных похождениях они сочли нужным умолчать и наврали один другому с три короба.

— Где это вы были? — спросил у синьора Горошка синьор Помидор.

— Я был на крестинах у моего брата.

— Вот удивительно! Разве крестины бывают ночью?

— Днем у брата дела поважнее! — отвечал адвокат.

Кавалер Помидор усмехнулся: дело в том, что у синьора Горошка никаких братьев никогда не было.

Петрушка сказал, что ходил на почту отправлять письмо своим давно уже не существующим родителям. Герцог и барон, не сговорившись, объяснили, что ходили удить рыбу, хоть ни у того ни у другого не было при себе удочки.

— Как же это мы не встретились на берегу? — спросил барон.

— Странно! — сказал герцог.

Все так устали, что шли с закрытыми глазами, и поэтому только один из них разглядел, что на башне замка развевается знамя Свободы.

Его вывесили ночью Вишенка и Чиполлино. Оба они сидели теперь наверху, на башне, и ждали, что будет дальше.

ЭПИЛОГ,

в котором Помидор плачет второй раз

Тот, кто первым увидел на башне знамя Свободы, подумал было, что это новая проделка Вишенки.

Он пришел в ярость и решил немедленно сорвать это страшное знамя, а затем хорошенько отшлепать юного графа, который на этот раз «перешел все границы».

И вот этот синьор, задыхаясь от гнева, бежит вверх по лестнице, перескакивая через четыре ступеньки. Он пыхтит, еле переводит дух и с каждым шагом все больше краснеет и раздувается от злости.

Я опасаюсь, что, добравшись до самого верха, он уже не сможет пролезть в дверцу, которая ведет на площадку.

Я слышу топот его шагов, которые раздаются в тишине, словно удары молота. Скоро он будет уже на самом верху. Пролезет или не пролезет? Как вы думаете?

Вот он и добрался до площадки... Ну, кто из вас угадал?

Ладно, я скажу вам: угадали те из вас, кто подумал, что ему не пролезть.

И в самом деле, кавалер Помидор (ведь это он бежал по лестнице, разве вы не узнали его?) так разбух от злости, что дверца оказалась вдвое уже его туловища.

И вот он стоит там, наверху, в двух шагах от страшного знамени, которое развевается по ветру, но не может сорвать его, не может даже дотянуться до него рукой. А у

древка знамени, рядом с Вишенкой, который в это время торопливо протирает очки, находится еще кто-то...

Да кто же это, если не Чиполлино, заклятый, ненавистный враг кавалера, тот самый Чиполлино, который однажды уже заставил его, синьора Помидора, плакать!

— Добрый день, синьор кавалер! — говорит Чиполлино, вежливо кланаясь.

Осторожней, Чиполлино! Из-за этой неуместной вежливости ты подвергаешь свою голову опасности. В ту минуту, когда ты кланяешься кавалеру Помидору, ему довольно протянуть руку, чтобы схватить тебя за волосы, как это уже случилось когда-то в деревне...

Синьор Помидор так взбешен, что не помнит, чем это ему грозит.

Вот он ухватил Чиполлино за шевелюру и дернул с такой силой, что прядь луковых волос снова осталась у него в руке. Он и опомниться не успел, как у него защемило в глазах, и слезы, крупные, как орехи, градом посыпались из глаз, падая со щелканьем на каменный пол.

Но на этот раз Помидор плакал не только оттого, что вырвал пучок луковых волос у Чиполлино. Он ревел от бешенства, потому что почувствовал все свое бессилие...

«Что же это — конец? Конец?» — думал он, задыхаясь от ярости и давясь собственными слезами.

Я бы с удовольствием позволил ему захлебнуться слезами или кубарем скатиться с лестницы от первого толчка, но Чиполлино был так великодушен, что пощадил его, и перепуганный насмерть синьор Помидор сам удрал с башни. Он бежал вниз по лестнице, перескакивал не через четыре, а через шесть ступенек и, добравшись донизу, юркнул в свою комнату, где ему никто не мешает поплакать вволю.

А что было дальше, ребята! Ах, что тут было!..

Принц наконец проснулся, побродил по комнатам замка и вышел за дверь, чтобы подышать свежим воздухом.

И вдруг он тоже увидел знамя на башне. Закрыв глаза от ужаса, он бросился бежать со всех ног, повернул направо, налево, выбежал за ворота и снова забрался в свое надежное убежище — рыхлую навозную кучу, надеясь, что его там не найдут.

Проснулся и барон Апельсин. Он тоже захотел подышать свежим воздухом и растолкал своего слугу, дремавшего у тачки, на которой покоилось брюхо барона.

Спросонок, не открывая глаз, Фасоль выкатил тяжелую тачку за порог.

На дворе замка его разбудил ослепительный луч солнца.

Но дело было не только в этом ослепительном солнечном луче. Фасоль поднял глаза и увидел знамя, развевавшееся над замком. Слово электрический ток пробежал по его пальцам.

— Держи тачку! Держи! — закричал перепуганный барон Апельсин.

Но куда там! Фасоль разжал пальцы, выпустил ручки своей старой тележки, и барон, опрокинувшись на спину, покатился вниз по аллее так же стремительно, как в тот раз, когда он свалил с ног десятка два генералов.

В конце концов он плюхнулся в бассейн с золотыми рыбками и погрузился в воду по шею. Немалого труда стоило выудить его оттуда.

Услышав со двора неистовые вопли барона, герцог Мандарин бросился к бассейну, вскочил на мраморного ангелочка, из рта которого бил фонтан, и закричал не своим голосом:

— Эй вы, сейчас же уберите знамя с башни — или я утоплюсь!

— Посмотрим! — сказал Фасоль и толкнул его в воду.

Когда герцога вытащили наконец из бассейна, у него во рту оказалась золотая рыбка. Бедная рыбка — она думала, что забралась в подводный грот, а попала в голодный рот... Мир ее золотым плавничкам!

С этого дня события понеслись с неслыханной быстротой — одно событие за другим. Поспешим и мы: дни летят, как листочки отрывного календаря, пробегают недели, а мы едва успеваем что-либо разглядеть.

Так иногда бывает в кино: механик пустит картину слишком быстро: дома, картины, люди, машины, лошади так и замелькают перед вашими глазами, а когда лента наконец успокоится и пойдет с обычной скоростью, то оказывается, многое уже позади и все на экране уже изменилось.

Принц и графини покинули свои прежние владения. Что касается принца, то это вполне понятно, но почему уехали графини? Ведь никто не собирался обижать старых женщин, лишать их куска хлеба или брать с них плату за воздух. Но, в конце концов, раз они сами убрались, то тем лучше. Скатертью дорога!

Барон стал худым, как тот хлыстик, которым он погонял прежде своего слугу.

На первых порах ему пришлось порядком поголодать.

Он не трогался с места, так как некому было возить его тачку. Поэтому ему пришлось питаться собственными запасами жира. Барон таял с каждым днем, как воск.

В две недели он потерял половину своего веса, а эта половина была втрое больше веса обычного человека.

Когда барон оказался в состоянии передвигаться сам, без помощи слуги, то начал просить милостыню на улицах. Но прохожие ничего не подавали ему.

— Эх ты! — говорили они. — Такой здоровенный малый, а попрошайничаешь. Шел бы работать!

— Да я же ничего не умею делать!

— Иди на вокзал чемоданы таскать.

Так барон и сделал, и от переноски тяжестей стал стройным, как спица.

Из одного своего старого костюма он сделал себе полдюжины новых, однако одну пару он все же оставил в со-

хранности. Если вы навестите его, он по секрету покажет вам этот костюм.

— Посмотрите, — скажет он вздыхая, — еще недавно я был такой толстый!

— Не может быть! — удивитесь вы.

— Что, не верится? А? — горько усмехнется барон. — Так спросите у людей, они вам скажут! Ах, какие были замечательные времена!.. В один день я съедал столько, сколько теперь мне хватает на три месяца. Полюбуйтесь, какой у меня был живот, какая грудь, какой зад!

А герцог? Он и пальцем не шевелит для того, чтобы добыть себе кусок хлеба, а живет на счет барона.

Каждый раз, когда родственник отказывает ему в чем-нибудь, герцог взбирается на фонарь и просит сообщить графиням, что он покончит собой. И барон, который еще сохранил немного доброты в сердце с той поры, когда был толстяком, вздыхая, делит с ним обед или ужин.

А вот кум Тыква больше не вздыхает: он стал главным садовником замка, и бывший кавалер Помидор работает у него подручным.

Вам не нравится, что синьора Помидора оставили на свободе? Он отсидел, сколько ему было положено, а потом его из тюрьмы выпустили.

Теперь Помидор сажает в огороде капусту и подстригает траву.

Изредка он жалуется потихоньку на свою судьбу, но только тогда, когда встречается с Петрушкой, который служит в замке сторожем.

Замок уже больше не замок, а Дворец детей. Там есть и комната для рисования, и театр кукол с Буратино, и кино, и пинг-понг, и множество всяких игр. Разумеется, там есть и самая лучшая, самая интересная и полезная для ребят игра — школа. Чиполлино и Вишенка сидят рядом на одной парте и учат арифметику, грамматику,

географию, историю и все остальные предметы, которые надо хорошенько знать, чтобы защищаться от всяких плутов и угнетателей и держать их подальше от родной страны.

— Не забывай, дружок, — часто говорит старый Чиполлоне своему сыну Чиполлино, — негодяев на свете много, и те, кого мы выгнали, могут еще вернуться.

Но я-то уверен, что они никогда больше не вернутся. Не вернется и адвокат Горошек, который поспешил скрыться, потому что у него было слишком много грехов на совести.

Говорят, он занимается своим ремеслом где-то в чужой стране. Конечно, и там ему не место, но хорошо, по крайней мере, что он убрался из нашей повести, прежде чем она закончилась. По правде сказать, мне до смерти надоело возиться с этим цепким и вертлявым пройдохой.

Да, я забыл вам сказать, что старостой деревни стал мастер Виноградинка. Чтобы не ронять своего достоинства, он совершенно избавился от прежней привычки почесывать затылок шилом. Только иногда, в самых серьезных случаях жизни, он пускает в ход вместо шила остро отточенный карандаш, но это случается чрезвычайно редко.

Однажды утром жители деревни увидели на стенах своих домов надпись: «Да здравствует наш староста!»

Кума Тыквочка пустила по деревне слух, будто бы эти крупные буквы на стенах вывел ваксой сам мастер Виноградинка.

— Хорош староста! — говорила ворчливая кума. — Ходит по ночам и сам себе приветствия пишет.

Но это была явная напраслина. Все надписи на домах сделал Лук Порей, и не руками, а усами, которые он обмакнул в чернила. Да, да, Лук Порей. Я не боюсь открыть вам правду, потому что у вас усов нет и вы не станете по его примеру писать усами.

Ну вот, теперь наша история и в самом деле кончилась. Правда, есть еще на свете другие замки и другие дармоеды, кроме принца Лимона и синьора Помидора, но и этих господ когда-нибудь выгонят и в их парках будут играть дети.

Да будет так!

ДЖЕЛЬСОМИНО В СТРАНЕ ЛГУНОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой Джельсомино забивает гол,
а потом начинается самое интересное*

Эту историю Джельсомино рассказал мне сам. И я чуть было не оглох, пока дослушал ее до конца, хотя и набил себе в уши с полкило ваты. Дело в том, что у Джельсомино невероятно оглушительный голос. Даже когда он говорит шепотом, его слышат пассажиры реактивных самолетов, летящих на высоте десять тысяч метров над уровнем моря и над его головой.

Теперь Джельсомино уже знаменитый певец. Его знают повсюду — от Северного полюса до Южного! Он придумал себе громкое и пышное имя, но его даже не стоит упоминать здесь, потому что вы, конечно, сто раз встречали его в газетах. А в детстве его звали Джельсомино. Пусть же под этим именем он и действует в нашей истории.

Так вот, жил да был однажды самый обыкновенный мальчик, быть может, ростом даже поменьше других ребят. Но едва он появился на свет, как всем стало ясно, что природа наделила его совершенно необыкновенным голосом.

Джельсомино родился в глухую ночную пору, и люди в селении тотчас повскакивали с постелей, вообразив, что слышат заводские гудки, зовущие на работу. Но это был всего-навсего крик Джельсомино, который пробовал голос, как это делают все только что появившиеся на свет дети. К счастью, Джельсомино быстро научился спать с вечера до утра, как и подобает всем порядочным людям, кроме га-

зетных репортеров и ночных сторожей. Его первый крик раздавался ровно в семь часов утра, как раз в ту минуту, когда людям надо было вставать, чтобы идти на работу. Заводские гудки стали теперь ненужными, и их скоро выбросили на свалку.

Когда Джельсомино исполнилось шесть лет, он пошел в школу. Учитель начал переключку и вскоре дошел до буквы «Д».

— Джельсомино! — произнес он.

— Здесь! — радостно ответил новичок.

И вдруг раздался грохот — классная доска разлетелась на куски и превратилась в грудку обломков.

— Кто разбил доску? — строго спросил учитель и взялся за указку.

Все молчали.

— Что ж, повторим переключку, — сказал учитель.

Он снова начал с буквы «А».

— Это ты бросил камень? — спрашивал он каждого ученика.

— Не я... Не я... — испуганно отвечали мальчики.

Когда учитель снова дошел до буквы «Д», Джельсомино встал и тоже вполне искренне сказал:

— Не я, синьор...

Но он не успел сказать «учитель» — оконные стекла последовали примеру доски. На этот раз учитель внимательно следил за классом и мог поручиться, что ни у кого из его сорока учеников не было в руках рогатки.

«Наверное, это напроказил кто-нибудь на улице, — решил он. — Какой-нибудь сорванец, который, вместо того чтобы сидеть в классе, шатается с рогаткой и разоряет птичьи гнезда. Вот доберусь до него, возьму за ухо и отведу в полицию».

В то утро все на этом и кончилось. Но на следующий день учитель снова стал делать переключку и снова дошел до имени Джельсомино.

— Здесь! — ответил наш герой и гордо осмотрелся, в восторге оттого, что он снова в школе.

«Трах-тарарах-цвяк-цвяк-цвяк!» — сразу же ответило ему окно. Стекла, которые служитель вставил всего полчасика назад, посыпались во двор.

— Странное дело, — заметил учитель, — стоит дойти до твоего имени, как начинаются несчастья. А, все понятно, мой мальчик! У тебя слишком громкий голос! Когда ты кричишь, получается что-то вроде урагана. Так что, если ты не хочешь разорить школу и наше село, тебе придется отныне разговаривать только шепотом. Договорились?

Джельсомино, покраснев от стыда и смущения, попробовал возразить:

— Но, синьор учитель, это же не я!

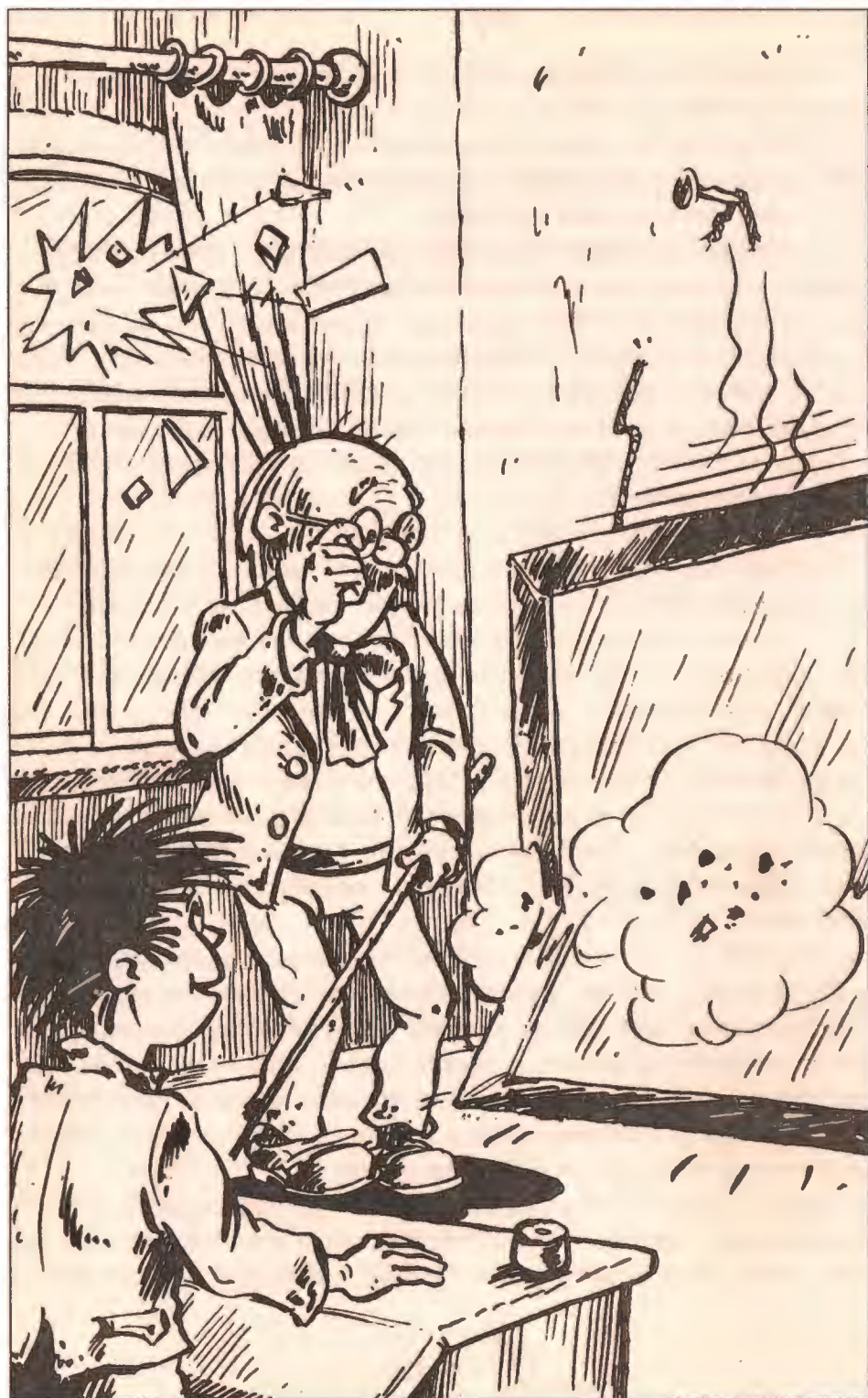
«Трах-бах-тарарах!» — отозвалась новая классная доска, которую служитель только что принес из магазина.

— А вот тебе и доказательство! — заключил учитель. Но, увидев, что по щекам Джельсомино текут крупные слезы, он подошел к мальчику и ласково погладил его по голове: — Послушай меня хорошенько, сынок. Твой голос может принести тебе либо множество бед, либо великое счастье. А пока старайся как можно реже пользоваться им. За хорошее молчание еще никого не бранили. Всем известно, что слово — серебро, а молчание — золото.

С этого дня для Джельсомино начались адские мучения. В школе, чтобы не натворить новых бед, он сидел, зажав рот платком. Но все равно его голос так гремел, что остальным школьникам приходилось затыкать себе уши пальцами. Учитель старался вызывать его как можно реже. Но учился Джельсомино отменно, и учитель был уверен, что все уроки он знает назубок.

Ну а дома, когда Джельсомино, рассказывая о своих школьных подвигах, вдребезги разбил дюжину стаканов, ему тоже строго-настрога запретили открывать рот.

Чтобы отвести душу, Джельсомино уходил куда-нибудь подальше от селения — в лес, в поле или на берег озера. Убедившись, что он один и поблизости нет застекленных окон, Джельсомино ложился ничком на землю и начинал петь. Через несколько минут земля словно оживала: кро-ты, муравьи, гусеницы — в общем, все живущие под зем-лей звери и насекомые разбегались кто куда, думая, что началось землетрясение.

Только один-единственный раз Джельсомино позабыл про осторожность. Дело было в воскресенье, и на стадионе шла решающая футбольная встреча.

Джельсомино не был заядлым болельщиком, но игра мало-помалу захватила и его. И вот настал момент, когда местная команда, подгоняемая неистовыми криками своих болельщиков, бросилась в атаку. (Сам-то я не очень пони-маю, что это такое — броситься в атаку, потому что плохо разбираюсь в футболе. Я пересказываю все это со слов Джельсомино. Но если вы читаете спортивные газеты, то уж, конечно, поймете, в чем тут дело.)

— Давай! Давай! — орали болельщики.

— Давай! — крикнул во весь голос и Джельсомино.

Как раз в эту минуту правый крайний послал мяч цент-ральному нападающему. Но мяч, поднявшись на глазах у всех в воздух, вдруг на полдороге свернул в сторону и, гонимый ка-кой-то неведомой силой, влетел прямо в ворота противника.

— Гол! — взорвались зрители.

— Вот это удар! — воскликнул кто-то. — Видели, как тонко он был рассчитан? До одного миллиметра! У этого парня золотые ноги!

Но Джельсомино, придя в себя, понял, что допустил оп-лошность.

«Так и есть, — подумал он, — я забил этот гол своим го-лосом. Нужно будет взять себя в руки, а то спорту придет конец. И пожалуй, надо, чтоб было справедливо, забью-ка я гол и в другие ворота. Тогда все встанет на свои места!»

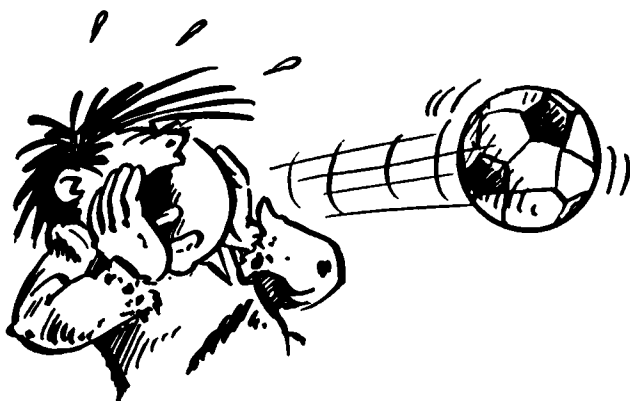
Во втором тайме и в самом деле представился подходящий случай. Когда команда противника перешла в нападение, Джельсомино снова закричал: «Давай!» — и загнал мяч в ворота своей команды. Можете себе представить, как обливалось кровью его сердце! Даже через много лет, рассказывая мне об этом случае, Джельсомино сказал:

— Я бы дал отрубить себе палец, лишь бы не забивать этого гола! Но не забить его я не мог. Иначе было бы несправедливо.

— А ведь на твоём месте кто угодно подыграл бы своей любимой команде, — заметил я.

Кто угодно, но только не Джельсомино! Он был честен и правдив, как прозрачная родниковая вода. Таким он и рос, и скоро из мальчика стал юношей. Правда, роста он был скорее низкого, чем высокого, а сложения скорее щуплого, чем крепкого. Так что имя его — Джельсомино, что означает «маленький жасмин», — очень подходило ему. Будь у него имя потяжелее, он, пожалуй, нажил бы себе горб, нося его.

Когда Джельсомино подрос, он оставил школу и стал заниматься крестьянским трудом. Наверное, он так бы и прожил всю жизнь, и мне не пришлось бы рассказывать о нем, не попади он в одну неприятную историю, о которой вы сейчас и узнаете.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

*прочитав которую, вы поймете,
что если от вашего голоса падают груши,
то лучше скрывать это от соседей*

Однажды утром Джельсомино вышел в сад и увидел, что груши уже спели. Ведь груши — они такие: никому ни гугу, а сами зреют да спеют. И в одно прекрасное утро вы обнаруживаете вдруг, что они совсем уже спели и пора их снимать.

«Жаль, что я не захватил лестницу, — подумал Джельсомино. — Придется пойти за нею домой. А заодно уж захвачу и жердь, чтобы сбивать груши с самых высоких веток».

Но в эту самую минуту ему пришла озорная мысль: «А если попробовать голосом!»

Он встал под грушевым деревом и не то в шутку, не то всерьез крикнул:

— А ну-ка, груши, падайте вниз!

«Пата-пум, пата-пум!» — ответили ему груши и дождем посыпались на землю.

Джельсомино подошел к другому дереву и проделал то же самое. И каждый раз, когда он кричал «Падайте!» — груши, словно только того и ждали, срывались с веток и шлепались на землю. Джельсомино очень обрадовался.

«Я не затратил на это никакого труда, — подумал он. — Жаль, раньше не догадался, что голос может заменить и жердь, и лестницу!»

Пока Джельсомино собирал свои груши, его заметил крестьянин, работавший на соседнем огороде. Он протер глаза, ущипнул себя за нос, взглянул еще раз и, когда окончательно убедился, что не спит, сразу же со всех ног побежал за своей женой.

— Иди-ка посмотри, — сказал он, дрожа от страха. — Я думаю, наш сосед — злой колдун!

Жена взглянула на Джельсомино, упала на колени и воскликнула:

— Да что ты! Это же добрый волшебник!

— А я говорю тебе, что колдун!

— А я тебе говорю, что добрый волшебник!

До этого дня муж и жена жили довольно мирно. Теперь же один схватился за лопату, другая — за мотыгу, и оба приготовились защищать свое мнение с оружием в руках. Но тут крестьянин предложил:

— Давай позовем соседей. Пусть они тоже посмотрят, и послушаем, что они скажут!

Эта мысль понравилась женщине: ведь, созвав соседей, можно и поболтать с кумушками. Она бросила мотыгу.

Еще до наступления вечера все селение знало о случившемся. Мнения разделились: одни утверждали, что Джельсомино добрый волшебник, другие — что он злой колдун. Споры разгорались и росли, словно волны на море, когда поднимается сильный ветер. Вспыхнули ссоры, и кое-кто даже пострадал. К счастью, легко. Так, например, один крестьянин обжегся трубкой, потому что, увлекшись спором, сунул ее в рот не тем концом. Полицейские не могли решить, кто прав, кто виноват, и поэтому никого не арестовывали, а только переходили от одной группы к другой и просили всех разойтись.

Самые упрямые спорщики направились к саду Джельсомино. Одни хотели прихватить что-нибудь на память, потому что считали эту землю волшебной, а другие шли, чтобы стереть домик Джельсомино с лица земли, потому

что считали его заколдованным. Джельсомино, увидев толпу, решил, что вспыхнул пожар, и схватил ведро, чтобы помочь заливать огонь. Но люди остановились у его сада, и Джельсомино услышал, что речь идет о нем.

— Вот он, вон он! Добрый волшебник!

— Какой там волшебник! Это злой колдун. Видите, у него в руках заколдованное ведро.

— Давайте отойдем подальше! Еще плеснет на нас этой штукой — пропадем ни за грош!

— Какой штукой?

— Вы что, ослепли? В этом ведре смола! Пряমেхонько из ада! Попадет на тело хоть капля — насквозь прожжет. И ни один врач потом не залечит!

— Да нет же, он святой, святой!

— Мы видели, Джельсомино, как ты приказывал грушам поспевать, и они поспевали, приказывал падать, и они падали...

— Вы с ума сошли, что ли? — воскликнул Джельсомино. — Это же все из-за моего голоса! Когда я кричу, воздух беснуется, как в бурю...

— Да, да, мы знаем! — закричала какая-то женщина. — Ты творишь чудеса своим голосом.

— Это не чудеса! Это колдовство!

Джельсомино в сердцах швырнул на землю ведро, скрылся в доме и заперся на крюк. «Ну вот и кончилась спокойная жизнь, — подумал он. — Теперь нельзя будет и шагу ступить, так и будут ходить за мной следом. По вечерам только и разговоров будет что обо мне. Моим именем начнут пугать непослушных ребятишек. Нет, лучше, пожалуй, уйти куда-нибудь отсюда. Да и что мне делать в этом селении? Мать с отцом умерли, друзья погибли на войне. Пойду-ка я по свету да попробую добыть счастье своим голосом. Говорят, есть люди, которым даже платят за их пение. Это очень странно — получать деньги за то, что доставляет такое удовольствие. Но все

же за пение платят. Кто знает, быть может, и мне удастся стать певцом?»

Приняв такое решение, он сложил свои скудные пожитки в заплечный мешок и вышел на улицу. Толпа зашумела и расступилась перед ним. Джельсомино не взглянул ни на кого. Он смотрел прямо перед собой и молчал. Но, отойдя подальше, обернулся, чтобы в последний раз посмотреть на свой дом.

Толпа все еще не расходилась. Люди указывали на него пальцами, словно он был привидением.

«Подшучу-ка я над ними на прощанье», — подумал Джельсомино и, вздохнув поглубже, заорал что было мочи: — До свидания!

В ту же минуту порывом ветра у мужчин сорвало шапки, а старушки бросились вдогонку за своими париками, прикрывая руками голые, как яичко, головы.

— Прощайте-е, прощайте-е-е! — повторил Джельсомино, от души смеясь над первой в своей жизни озорной проделкой.

Шапки и парики взвились, словно стайка перелетных птиц, к облакам и вскоре скрылись из виду. Потом стало известно, что они улетели за много километров, а некоторые из них даже за границу.

Через несколько дней Джельсомино тоже пересек границу и попал в самую необыкновенную страну, какая только может быть на свете.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой вы узнаете, откуда взялся Цоппино

Первое, что увидел Джельсомино, попав в эту незнакомую страну, была блестящая серебряная монета. Она лежала на мостовой, недалеко от тротуара, на самом виду.

«Странно, что никто не подобрал ее, — подумал Джельсомино. — Я-то уж, конечно, не пройду мимо. Мои деньги кончились еще вчера, а сегодня у меня во рту не было еще и маковой росинки».

Он подошел к кучке людей, которые наблюдали за ним и о чем-то шептались, и показал им монету.

— Не вы ли, синьоры, потеряли эту монетку? — спросил он шепотом, чтобы никого не напугать своим голосом.

— Проваливай, — отвечали ему, — да спрячь ее подальше, если не хочешь нажить неприятностей!

— Извините, пожалуйста, — смущенно пробормотал Джельсомино и, не задавая лишних вопросов, направился к магазину с многообещающей вывеской «Съестные припасы».

В витрине вместо колбас и банок с вареньем громоздились горы тетрадей, коробки акварельных красок и пузырьки с чернилами.

«Должно быть, это универмаг и здесь можно купить что хочешь», — решил Джельсомино и, полный надежд, вошел в магазин.

— Добрый вечер! — любезно приветствовал его хозяин. «По правде говоря, — мелькнуло в голове Джельсомино, —

я не слышал, чтобы пробило хотя бы полдень. Ну да ладно, не стоит обращать внимание на такие пустяки».

И, говоря своим обычным шепотом, от которого люди все-таки едва не глохли, он осведомился:

— Не могу ли я купить у вас хлеба?

— Разумеется, дорогой синьор. Вам сколько — один пузырек или два? Красного или фиолетового?

— Нет, нет, только не фиолетового! — испугался Джельсомино. — И потом, вы в самом деле продаете его бутылками?

Хозяин магазина расхохотался:

— А как же его еще продавать? Может быть, у вас его ломтями режут? Да вы только взгляните, какой прекрасный хлеб в моем магазине.

И, говоря это, он показал на полки, где ровными шеренгами выстроились сотни пузырьков с чернилами самых разных цветов. А съедобного там не было и в помине — ни крошки сыра, ни даже яблочной кожуры.

«Может быть, он сошел с ума? — подумал Джельсомино. — Если так, то лучше не перечить ему».

— Это верно, у вас великолепный хлеб, — согласился он, показывая на пузырек с красными чернилами. Уж очень ему хотелось услышать, что скажет хозяин.

— В самом деле? — просиял тот. — Это самый лучший зеленый хлеб, какой когда-либо поступал в продажу.

— Зеленый?

— Ну конечно. Простите, может быть, вы плохо видите?

Джельсомино готов был поклониться, что перед ним пузырек с красными чернилами. Он уже придумывал подходящий предлог, чтобы убраться отсюда подобра-поздорову и поискать другого продавца, который еще не успел спятить с ума, как вдруг его осенила хорошая мысль.

— Послушайте, — сказал он, — за хлебом я зайду попозже. А сейчас скажите мне, если вас не затруднит, где тут можно купить хороших чернил?

— О, пожалуйста! — ответил хозяин все с той же любезной улыбкой. — Вон там, перейдя через дорогу, вы найдете самый лучший в нашем городе канцелярский магазин.

В витринах этого магазина были выставлены аппетитные караваи хлеба, пирожные, макароны, лежали горы сыров и образовались целые заросли колбас и сосисок.

«Я так и думал, — решил Джельсомино, — тот продавец не в своем уме, оттого он и называет чернила хлебом, а хлеб чернилами. Этот магазин мне нравится гораздо больше».

Он вошел в магазин и попросил взвесить ему полкило хлеба.

— Хлеба? — удивился продавец. — Вы, наверное, ошиблись. Хлебом торгуют в магазине напротив, а мы продаем только канцелярские товары. — И широким жестом он указал на съестные припасы.

«Теперь я понял, — сообразил Джельсомино, — в этой стране все называется наоборот! И если назовешь хлеб хлебом, тебя никто не поймет».

— Свешайте мне, пожалуйста, полкило чернил, — сказал он продавцу.

Тот отвесил полкило хлеба, завернул покупку по всем правилам в бумагу и протянул Джельсомино.

— И немножко вот этого, — добавил Джельсомино и показал на круг швейцарского сыра, не решаясь назвать его.

— Синьору угодно немного ластика? — подхватил продавец. — Сию минуту!

Он отрезал добрый кусок сыра, взвесил его и завернул в бумагу.

Джельсомино облегченно вздохнул и бросил на прилавок серебряную монету.

Продавец взглянул на нее, взял в руки и стал внимательно рассматривать, затем раза два бросил на прилавок, послушал, как она звенит, посмотрел на нее через увеличительное стекло и даже попробовал на зуб. Наконец он вернул ее Джельсомино и ледяным тоном произнес:

— Мне очень жаль, молодой человек, но ваша монета настоящая.

— Вот и хорошо! — обрадовался Джельсомино.

— Как бы не так! Повторяю вам: ваша монета настоящая, и я не могу ее принять. Давайте сюда ваши покупки и идите своей дорогой. Ваше счастье, что мне лень идти на улицу и звать полицию. Разве вы не знаете, что полагается за хранение нефальшивых монет? Тюрьма.

— Да ведь я...

— Не кричите, я не глухой! Идите же, идите... Принесите мне фальшивую монету, и покупки — ваши. Видите, я даже не разворачиваю пакеты. Только отложу их в сторону, хорошо? Добрый вечер...

Чтобы не закричать, Джельсомино засунул в рот кулак. И пока он шел от прилавка к двери, между ним и его голосом происходил такой разговор:

Голос. Хочешь, я крикну «А-а» и вдребезги разнесу его витрину?

Джельсомино. Пожалуйста, не делай глупостей. Ведь я только что попал в эту страну, у меня и так здесь ничего не ладится.

Голос. Но мне нужно отвести душу, иначе быть беде! Ты же мой хозяин, так придумай что-нибудь!

Джельсомино. Потерпи, пока мы не выйдем из этой ужасной лавки. Не хочется разрушать ее...

Голос. Быстрее, я больше не могу! Вот... вот... сейчас заору... Еще минута, и все пропало...

Тут Джельсомино пустился бегом, свернул в тихую улочку, чуть пошире переулка, и быстро огляделся. Вокруг не было ни души. Тогда он вынул кулак изо рта и, чтобы утихомирить бушевавшие в нем чувства, тихо, совсем негромко произнес: «А-а!» В ту же минуту ближайший уличный фонарь развалился на куски, а сверху, с какого-то подоконника, свалился на мостовую цветочный горшок.

Джельсомино вздохнул:

— Когда у меня будут деньги, я пошлю их по почте городскому управлению, чтобы возместить стоимость фонаря, и подарю владельцу цветочного горшка новый, еще лучше... Может быть, я разбил еще что-нибудь?

— Нет, больше ничего, — ответил ему тоненький-тоненький голосок, и кто-то два раза кашлянул.

Джельсомино осмотрелся в поисках обладателя этого голоса и увидел котенка, вернее, какое-то существо, которое издали можно было принять за котенка. Подойдя поближе, Джельсомино понял, что не ошибся. Это и в самом деле был котенок, только почему-то ярко-красного цвета и всего на трех лапках. Но самое удивительное — он был плоский. Не толстый и пушистый, как нормальные котята, а совершенно плоский — всего лишь контур котенка, вроде тех, что ребята рисуют на стенах.

— Как? Говорящий котенок? — удивился Джельсомино.

— А что тут такого? Я ведь не совсем обыкновенный котенок. Я еще читать и писать умею! И это понятно: ведь мой папа — школьный мел!

— Кто-кто?

— Меня нарисовала на этой стене одна девочка, которая взяла в школе кусочек красного мела. Но она успела нарисовать только три лапки, а потом из-за угла показался полицейский, и девочке пришлось убежать. Так я и остался хромым. И потому решил сам себя назвать Цоппино, что значит «хромоножка». Кроме того, я немного кашляю, потому что стенка была довольно-таки сырая, а мне пришлось провести на ней всю зиму!

Джельсомино взглянул на стенку. На ней остался отпечаток Цоппино, точно рисунок оторвали от стены вместе с тонким слоем штукатурки.

— А как же ты оттуда прыгнул? — удивился Джельсомино.

— Мне помог твой голос! — ответил Цоппино. — Крики ты малость погромче, ты бы проломил стену, и тогда

пиши пропало. А сейчас я просто счастлив! Какое наслаждение гулять по свету, пусть даже на трех ногах! У тебя, кстати, их только две, и ты ведь не жалуешься, правда?

— Вроде нет, — согласился Джельсомино. — Пожалуй, двух ног мне даже много. Будь у меня одна-единственная, сидел бы я сейчас дома.

— Однако ты не очень-то весел, как я погляжу, — заметил Цоппино. — Что с тобой стряслось?

Но только Джельсомино собрался рассказать о своих злоключениях, как на улице появился настоящий кот, на четырех настоящих лапах. Правда, он был, по-видимому, чем-то чрезвычайно озабочен, потому что даже не взглянул на наших друзей.

— Мяу! — крикнул ему Цоппино. На кошачьем языке это значит «Привет!»

Кот остановился. Он, похоже, удивился и даже возмутился.

— Меня зовут Цоппино, а тебя как? — поинтересовался наш знакомый.

Настоящий кот некоторое время раздумывал, стоит ли отвечать, потом неохотно промямлил:

— Меня зовут Тузик.

— Что он там говорит? — спросил Джельсомино, который, разумеется, не понимал по-кошачьи.

— Он говорит, что его зовут Тузик.

— Но ведь это же собачья кличка!

— Совершенно верно.

— Ничего не понимаю! — признался Джельсомино. — Сначала торговец хотел всучить мне чернила вместо хлеба, теперь появляется кот с собачьей кличкой...

— Дорогой мой, этот кот думает, что он собака, — объяснил Цоппино. — Вот послушай.

И, повернувшись к коту, он вежливо продолжил разговор на кошачьем языке:

— Мяу, Тузик!

— Гав, гав! — вне себя от возмущения ответил кот. — Постыдился бы: кот, а мяукаешь!

— Что поделаешь, я не умею врать, хоть я и нарисованный.

— Ты позоришь все наше племя! Глаза бы мои на тебя не глядели!.. К тому же вот и дождь собирается, нужно бежать домой за зонтиком. — И он пошел, то и дело оглядываясь и лая.

— Что он сказал? — спросил Джельсомино.

— Он сказал, что скоро пойдет дождь.

Джельсомино взглянул на небо. Над крышами домов ослепительно сияло солнце, и даже в подзорную трубу на небе нельзя было отыскать ни одного облачка.

— Надеюсь, тут все грозы похожи на эту, — сказал он. — Я вижу, в этой стране все наоборот, и у меня такое ощущение, будто и я сам стал ходить на голове.

— Дорогой Джельсомино, ты просто-напросто попал в Страну Лгунов. По законам этой страны здесь все обязаны лгать. И горе тому, кто говорит правду. Стоит произнести хоть одно правдивое слово, и на уплату штрафа уже не хватит собственной шкуры. За целую зиму, что я провел на этой стене, я увидел немало интересного.

И Цоппино подробно описал Джельсомино Страну Лгунов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

*в которой вы найдете краткое,
но весьма полное описание Страны Лгунов*

— Да будет тебе известно, — начал Цоппино...

Но я немного сокращу рассказ котенка, чтобы не отнимать у вас лишнего времени, и вы узнаете только самое главное.

Итак, задолго до того, как Джельсомино попал в эту страну, там появился хитрый и жестокий пират по прозвищу Джакомоне, что значит Большущий Джакомо. Он был до того огромен и толст, что носил свое тяжелое имя безо всякого труда. Но был он уже немолод и потому стал подумывать о том, как бы поспокойнее провести старость.

«Молодость прошла, и бороздить моря мне уже надоело, — решил он. — Брошу-ка я свое старое ремесло да поселюсь на каком-нибудь острове. И уж, конечно, не один, а вместе со своими пиратами. Я произведу их в мажордомы, сделаю лакеями, конюхами и управляющими, и они не будут в обиде на своего атамана».

Сказано — сделано. И пират стал подыскивать подходящий остров. Но все они были слишком малы для него. А если остров устраивал самого Джакомоне, то не нравился кому-нибудь из его шайки. Одному пирату непременно нужна была быстрая река, чтобы ловить в ней форель, другой хотел, чтобы на острове был кинотеатр, третий не мог обойтись без банка, где можно было бы получать проценты с пиратских сбережений.

— А почему бы нам не поискать что-нибудь получше острова? — сказали пираты.

Дело кончилось тем, что они захватили целую страну с большим городом, в котором были и банки, и кинотеатры, и целый десяток речушек, где можно было удить форель и кататься по воскресеньям на лодке. И в этом нет ничего удивительного — то и дело случается, что какая-нибудь пиратская банда захватывает ту или иную маленькую страну.

Завладев государством, Джакомоне решил назвать себя королем Джакомоне Первым, а своим приближенным он присвоил титулы адмиралов, камергеров и начальников пожарных команд.

Разумеется, Джакомоне тут же издал приказ, которым повелевал именовать себя «ваше величество», а каждому, кто ослушается, отрезать язык. И чтобы никому не приходило в голову говорить о нем правду, он приказал своим министрам составить новый словарь.

— Нужно поменять местами все слова! — пояснил он. — Например, слово «пират» будет означать «честный человек». Если кто-нибудь назовет меня пиратом, он попросту скажет на новом языке, что я честный малый!

— Клянемся всеми китами, на глазах у которых мы шли на абордаж, шикарная мысль! — с восхищением воскликнули пираты-министры. — Прямо хоть вставляй ее в рамку и вешай на стену!

— Значит, понятно? — продолжал Джакомоне. — Тогда пойдем дальше. Измените названия всех предметов, имена людей и животных. Для начала пусть люди вместо доброго утра желают друг другу спокойной ночи. Таким образом, мои верные подданные будут каждый свой день начинать со лжи. Ну и, само собой разумеется, ложась спать, надо будет пожелать друг другу приятного аппетита...

— Великолепно! — воскликнул один из министров. — Ведь для того, чтобы сказать кому-нибудь: «Как вы пре-

красно выглядите!» — нужно будет произнести: «До чего же у вас мерзкая рожа!»

Когда отпечатали новый словарь и обнародовали «Закон об обязательной лжи», началась невероятная путаница.

На первых порах люди то и дело ошибались. Они шли, например, за хлебом в булочную, забывая, что там теперь продают тетради и карандаши и что хлеб нужно покупать в магазине канцелярских товаров. Или же шел человек гулять в городской парк, смотрел на цветы и радовался:

— Какие чудесные розы!

В ту же минуту из-за кустов выскакивал стражник короля Джакомоне, держа наготове наручники:

— Ай-ай-ай! Как это вы додумались назвать морковку розой? Вы нарушили главный закон страны!

— Прошу прощения, — растерянно бормотал несчастный и поспешно принимался расхваливать все остальные цветы.

— Какая восхитительная крапива! — говорил он, указывая на фиалки.

— Бросьте заговаривать мне зубы!.. Прощтрафились — так посидите немного в тюрьме, там вас научат лгать по всем правилам!

А что началось в школах — это и описать невозможно.

Джакомоне велел поменять местами все цифры в таблице умножения. Чтобы произвести умножение, надо было делить, чтобы складывать, надо было вычитать. Сами учителя не могли больше решить ни одной задачи, и для всех лодырей наступило сущее раздолье: чем больше они делали ошибок, тем лучше получали отметку.

А сочинения? Можете себе представить, какие получались у ребят сочинения, если все слова перепутались! Вот, например, сочинение на тему: «Летний день». Его написал ученик, которого потом наградили фальшивой золотой медалью.

«Вчера шел дождь. Как приятно гулять под проливным дождем, который льет, как из ведра! Наконец-то люди

смогут оставить дома свои плащи и зонтики и гулять без пиджаков! Я не люблю, когда светит солнце, — приходится сидеть дома, иначе промокнешь, и целую ночь напролет приходится смотреть, как струи дождя заливают черепицы дверей».

Чтобы как следует оценить эту работу, надобно знать, что выражение «черепицы дверей» означало на новом языке «оконные стекла».

Словом, вы уже поняли, о чем идет речь. В Стране Лгунов даже животным пришлось научиться лгать — собаки мяукали, кошки лаяли, лошади мычали, а льва, что сидел в клетке в зоопарке, заставили пищать, потому что рычать теперь должны были мыши.

Только рыбам да птицам не было никакого дела до законов короля Джакомоне. Ведь рыбы и так всю жизнь молчат, и никто не может заставить их лгать, а птицы летают по воздуху, и королевской страже их не поймать. И птицы продолжали петь как ни в чем не бывало, каждая своим голосом. Люди часто с грустью смотрели на них: «Счастливые! Их-то никто не может оштрафовать или посадить в тюрьму...»

Слушая рассказ котенка, Джельсомино совсем пал духом. «Как же я стану жить в этой стране? — размышлял он. — Если я своим громким голосом нечаянно скажу правду, меня услышит сразу вся полиция короля Джакомоне. А голосу не прикажешь, того и гляди, у меня не хватит сил сдерживать его...»

— Ну вот, — закончил свой рассказ Цоппино, — теперь ты все знаешь. Давай поговорим о другом: я хочу есть.

— Я тоже... Только я чуть не забыл об этом.

— Голод — это единственное, о чем невозможно забыть. Голод не проходит со временем, наоборот — чем больше проходит времени, тем сильнее голод напоминает о себе. Но сейчас мы что-нибудь придумаем. Только сначала я хочу попрощаться с этой стенкой, которая так долго держала меня в плену.

И своей красной меловой лапкой он написал на самой середине того отпечатка, который оставил на стене:

МЯУ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДА!

Раздобыть еду оказалось делом нелегким. Все время, пока они бродили по городу, Джельсомино смотрел в землю, надеясь набрести на фальшивую монету. А Цоппино — тот, напротив, смотрел по сторонам, словно выискивая кого-то из знакомых.

— Вот она! — вдруг обрадовался он, указывая на пожилую женщину, которая торопливо шла по панели, сжимая в руке какой-то сверток.

— Кто это?

— Тетушка Панноккья, покровительница котов. Каждый вечер она приносит кулек объедков для бездомных кошек, которые собираются возле королевского парка.

Тетушка Панноккья — иначе говоря Кукуруза — была очень суровой на вид. Чуть не два метра ростом, длинная, тощая и прямая, как палка, она походила на тех старух, которые обычно метлой гоняют бездомных кошек. Но, по словам Цоппино, дело обстояло как раз наоборот.

Следуя за тетужкой Панноккьей, Джельсомино и его новый друг пришли на небольшую площадь, в глубине которой виднелась каменная ограда парка, утыканная бутылочными осколками. Десяток тощих, облезлых котов встретили старушку нестройным лаем.

— Вот дураки-то, — сказал Цоппино. — Смотри, какую я с ними сейчас сыграю шутку.

И едва тетушка Панноккья, развернув свой сверток, выложила объедки на землю, Цоппино врезался в самую гущу котов и завопил что было мочи: «Мяу!»

Кот, который мяукает, а не лает! Для здешних котов это было как гром среди ясного неба. Открыв рот от удивления, они так и замерли на месте, словно статуи. А Цоп-

пино ухватил зубами две тресковые головы и селедочный хвост, в два прыжка перемахнул через ограду парка и скрылся в кустах.

Джельсомино осмотрелся. Его тоже подмывало перебраться через ограду, и он, пожалуй, так бы и сделал, если бы тетушка Панноккья не посматривала на него с подозрением.

«Чего доброго, еще поднимет тревогу», — подумал Джельсомино и, сделав вид, будто он просто идет своей дорогой, свернул на другую улицу.

Коты тем временем пришли в себя от изумления и теперь с лаем дергали за подол тетушку Панноккью. Она, по правде говоря, была поражена еще больше, чем коты. Потом тетушка вздохнула, раздала котам оставшиеся объедки, бросила последний взгляд на ограду, за которой скрылся Цоппино, и отправилась домой.

А Джельсомино, едва завернув за угол, сразу же нашел долгожданную фальшивую монету. Он купил себе хлеба и сыру, или, как говорили в тех краях, «пузырек чернил и ломоть ластика».

Быстро спускалась ночь. Джельсомино очень устал, и ему хотелось спать. Увидев поблизости какую-то незапертую дверь, он проскользнул в нее, попал в какой-то сарай и тут же заснул крепким сном на куче угля.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

*в которой Цоппино случайно узнает тайну
короля Джакомоне*

Пока Джельсомино спит, не подозревая, что, еще не проснувшись, уже станет героем нового приключения, о котором речь впереди, мы с вами отправимся по следам трех красных лапок котенка Цоппино. Тресковые головы и селечный хвост показались ему восхитительными. Ведь он поел впервые в жизни! Потому что пока он был на стене, ему не приходилось испытывать голод.

«Жаль, что здесь нет Джельсомино! — подумал котенок. — Он спел бы Джакомоне серенаду и перебил бы ему все стекла».

Взглянув наверх, он увидел, что несколько окон во дворце еще освещены.

«Наверное, король Джакомоне ложится спать, — подумал Цоппино. — Не упустить бы это зрелище!»

И он с поистине кошачьей ловкостью вскарабкался по стене на последний этаж дворца и прильнул к окну огромного зала, который находился перед спальней его величества.

Двумя нескончаемыми рядами стояли лакеи, слуги, придворные, камергеры, адмиралы, министры и разные другие важные господа. И все они низко кланялись проходящему Джакомоне. А он был огромный, толстый и страшно уродливый. Однако у него были очень красивые оранжево-огненные волосы — длинные, вьющиеся — и фиолетовая ночная рубашка с вышитым на груди королевским именем.

Низко кланяясь королю, придворные почтительно говорили:

— Доброе утро, ваше величество! Приятного аппетита, ваше величество!

Иногда Джакомоне останавливался и сладко зевал. В ту же минуту один из придворных прикрывал ему рот рукой. Зевнув, король двигался дальше и бормотал:

— Сегодня утром мне совсем не хочется спать. Я чувствую себя свеженьким как огурчик...

Разумеется, все это означало совсем обратное. Привыкнув, что все вокруг него лгут, король и сам стал врать направо и налево, и сам же первый верил своим словам.

— У вашего величества сегодня невероятно мерзкая рожка! — с поклоном заметил один из придворных.

Джакомоне метнул на него яростный взгляд, но вовремя спохватился. Ведь эти слова надо было понимать иначе: «Как вы прекрасно выглядите!» Поэтому он милостиво улыбнулся, еще раз зевнул, жестом приветствовал придворных и, подобрав подол своей фиолетовой ночной рубашки, проследовал в спальню.

Цоппино решил продолжить свои наблюдения и перешел к другому окну.

Как только его величество остался один, он устремился к зеркалу и стал расчесывать золотым гребнем свою великолепную оранжевую шевелюру.

«Ишь как он заботится о своих волосах! — мелькнуло у Цоппино. — Впрочем, не зря, они и в самом деле очень хороши. Только одно мне непонятно — как мог человек с такими волосами стать пиратом. Ему бы следовало стать художником или музыкантом...»

А Джакомоне между тем положил гребешок, осторожно взял свою прическу за пряди у висков и... спокойно снял ее с головы! Даже индеец не смог бы лучше оскальпировать своих непрошенных гостей.

— Парик! — изумился Цоппино.

Да, роскошная оранжевая шевелюра легко снималась и надевалась. И под ней король Джакомоне прятал свою противную розовую, покрытую шишками лысину. Джакомоне с грустью посмотрел на себя в зеркало, потом открыл шкаф и... Цоппино так и замер от удивления. В шкафу хранилась целая коллекция самых разнообразных париков. Тут были парики с белокурыми, голубыми, черными, зелеными волосами, причесанными на самый различный манер. Джакомоне на людях всегда показывался только в оранжевом парике, но перед сном, оставшись один, он любил менять парики, чтобы хоть в этом найти утешение и забыть о своей лысине. Ему нечего было стыдиться, что у него выпали все волосы. Это случается у многих людей, достигших пожилого возраста. Но так уж глуп был король Джакомоне — он приходил в отчаяние при виде своей головы, лишенной растительности.

На глазах Цоппино его величество примерил один за другим с полсотни париков. Он прохаживался перед зеркалом, любуясь собой и анфас и в профиль, и с помощью маленького зеркальца разглядывая свой затылок, будто артист перед выходом на сцену. Наконец он облюбывал маленький фиолетовый паричок, под цвет своей ночной рубашки. Напялив его на свою плешь, он улегся в постель и погасил свет.

Цоппино еще с полчаса провел на подоконнике, заглядывая в окна. Конечно, это неприлично — если уж подслушивать у дверей некрасиво, то заглядывать в окна тоже неприлично. Впрочем, вас это не касается, ведь вы не кошки и не акробаты, чтобы лазить по стенам.

Особенно понравился Цоппино один камергер, который, прежде чем улечься спать, скинул с себя свой придворный костюм, расшвырял по углам кружева, ордена и украшения, а потом надел — угадайте что? — свою старую пиратскую одежду — штаны до колен, клетчатую куртку и черную повязку на правый глаз. В таком виде старый пират

забрался не в постель, а на самый верх балдахина, возвышавшегося над кроватью. Должно быть, он истосковался по бочке на верху грот-мачты пиратского судна, сидя в которой он выискивал добычу. Потом он зажег грошовую трубку и стал жадно вдыхать вонючий дым, от запаха которого Цоппино едва не закашлялся.

«Подумать только, — сказал себе наш наблюдатель, — до чего же сильна правда!.. Даже старый пират любит свою настоящую одежду...»

Цоппино решил, что было бы неразумно ночевать прямо в парке, рискуя угодить в лапы часовых. Поэтому он снова перескочил через ограду и оказался на главной площади города, на той самой, где обычно собирался народ, чтобы послушать речи короля Джакомоне. Цоппино стал поглядывать по сторонам в поисках пристанища, как вдруг почувствовал, что у него зачесалась передняя лапка.

«Странно, — пробормотал он, — значит, у его величества водятся блохи... Или, может, у того старого пирата?...»

Цоппино осмотрел лапку, но не нашел ни одной. Но дело было вовсе не в блохе: лапка-то чесалась не снаружи, а внутри.

«Наверное, — заключил он, — я должен написать что-нибудь на стене. Помню, вчера вечером, когда я благодаря Джельсомино соскочил со стены, моя лапка чесалась точно так же. Оставлю-ка я этому королю лгунов небольшое послание!»

Он осторожно подкрался к королевскому дворцу и посмотрел на стражников. Как и следовало ожидать, стражники в этом королевстве шиворот-навыворот крепко спали и храпели, обнимая швабры вместо ружей. Время от времени начальник охраны обходил посты и проверял, не проснулся ли кто-нибудь из них.

«Вот и хорошо», — обрадовался Цоппино. И своей красной меловой лапкой он написал на стене королевского дворца, у самых главных ворот:

КОРОЛЬ ДЖАКОМОНЕ НОСИТ ПАРИК!

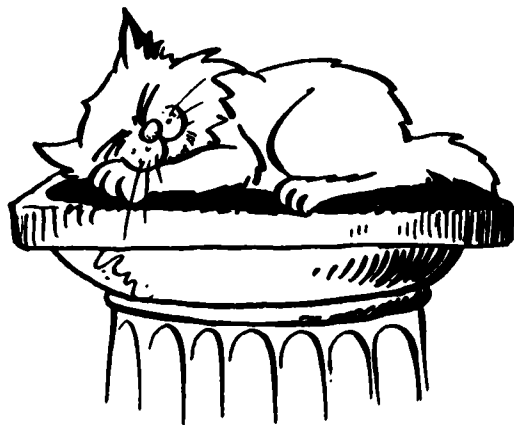
«Эта надпись здесь как раз на месте! — сказал он себе, полюбовавшись на свою работу. — Пожалуй, стоит написать то же самое и по другую сторону ворот».

Через четверть часа, исписав все стены, он устал, точно школьник, который переписывал заданный ему в наказание за ошибки урок.

— Ну а теперь можно и соснуть!

На самой середине площади возвышалась мраморная колонна, украшенная статуями, прославляющими подвиги короля Джакомоне. Только все это была чистая неправда. Потому что король Джакомоне никогда никаких подвигов не совершал. Тем не менее тут можно было видеть, как Джакомоне раздает беднякам свои сокровища, как обращает в бегство своих врагов, как изобретает зонтик, чтобы укрыть от дождя своих подданных.

На вершине этой колонны было достаточно места, чтобы котенок, у которого и лап-то всего три, мог провести ночь, не опасаясь, что его застигнут врасплох. Цепляясь за статуи, Цоппино вскарабкался на самый верх, улегся там, обмотал свой хвост вокруг громоотвода, чтобы не свалиться ночью вниз, и заснул раньше, чем успел закрыть глаза.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*в которой вы услышите неудачную речь и увидите,
как Цоппино попадает в плен*

Рано утром котенка разбудил шум водопада.

«Неужели, пока я спал, началось наводнение?» — в тревоге подумал Цоппино.

Он взглянул вниз и увидел, что вся площадь запружена народом. И без долгих раздумий было ясно, что всех этих людей привела сюда надпись на стене королевского дворца:

КОРОЛЬ ДЖАКОМОНЕ НОСИТ ПАРИК!

В Стране Лгунов любая, даже самая крохотная правда производила столько же шума, как и взрыв бомбы. На площадь со всех сторон стекался народ, привлеченный шумом и хохотом. Люди думали поначалу, что объявлено какое-нибудь празднество.

— Что случилось? Мы победили в какой-нибудь войне?

— Нет! Гораздо важнее!

— У его величества родился наследник?

— Да нет! Еще лучше.

— Неужели отменили налоги?

Наконец, прочтя надпись, сделанную Цоппино, вновь прибывшие тоже начинали смеяться. Выкрики и хохот разбудили короля Джакомоне. В своей фиолетовой ночной рубашке его величество подбежал к окну и потер от радости руки:

— Вот это да! Вы только посмотрите, как меня любит мой народ! Люди собрались на площади, чтобы пожелать мне доброй ночи. Эй, придворные, камергеры, адмиралы! Быстрее, быстрее подайте мантию и скипетр! Я хочу выйти на балкон и произнести речь!

Но придворные не очень-то разделяли его восторги.

— Пусть кто-нибудь сначала выяснит, что там происходит!

— Ваше величество, а что, если там революция?

— Ерунда! Вы что, не видите, что они веселятся?..

— Видеть-то видим. Вот только почему они веселятся?

— Это яснее ясного: потому что я сейчас произнесу речь! Где мой секретарь?

— Я здесь, ваше величество!

Секретарь короля Джакомоне всегда носил под мышкой толстую черную папку, полную готовых речей. Тут были речи на любую тему: поучительные, трогательные, развлекательные, и все они, от первой до последней, были лживы.

Секретарь раскрыл папку, вытащил толстую пачку листиков и прочел:

— «Речь о выращивании макарон».

— Нет, нет, только, пожалуйста, без съестного! Чего доброго, мои подданные еще захотят есть и будут слушать меня без всякой охоты.

— «Речь об изобретении качалок»... — предложил секретарь.

— Эта, пожалуй, сойдет. Всем известно, что качалки изобрел я. Пока я не стал королем, ни одна качалка в государстве не качалась.

— Ваше величество, есть еще «Речь о цвете волос».

— Великолепно! Вот это как раз то, что нужно! — воскликнул Джакомоне и погладил свой парик.

Он схватил бумагу с текстом речи и выбежал на балкон.

При его появлении раздался какой-то шум, который можно было принять и за рукоплескания, и за еле сдерживаемый смех. Подозрительные придворные решили, что это смех, и стали еще подозрительнее. Но сам Джакомоне был уверен, что это аплодисменты. Он поблагодарил подданных ослепительной улыбкой и начал свою речь.

Если бы вы прочли ее в том виде, в каком она была произнесена, вы бы не поняли ни слова, потому что все в этой речи было вывернуто наизнанку. Я перевел ее для вас на обыкновенный язык, когда выслушал рассказ Джельсомино.

Король Джакомоне сказал примерно следующее:

— Что такое голова без волос? Это сад без цветов!

— Bravo! — закричали в толпе. — Что верно, то верно! Это правда!

Слово «правда» заставило насторожиться даже самых простодушных придворных. Но Джакомоне как ни в чем не бывало спокойно продолжал:

— Пока я не стал вашим королем, люди в отчаянии рвали на себе волосы. Жители страны лысели один за другим, и парикмахеры оставались без работы.

— Bravo! — крикнул кто-то. — Да здравствуют парики и парикмахеры!

На минуту Джакомоне смутился. Намек на парики вызвал в нем некоторое беспокойство. Но он быстро отогнал подозрения и продолжал:

— А сейчас, граждане, я расскажу вам, почему оранжевые волосы красивее зеленых...

Но тут какой-то запыхавшийся придворный потянул Джакомоне за рукав и шепнул на ухо:

— Ваше величество, произошли ужасные события!

— Ну, говори!

— Пообещайте раньше, что вы не прикажете отрезать мне язык, если я скажу вам правду!

— Обещаю!

— Кто-то написал на стене, что вы носите парик! Над этим люди и смеются!

От удивления король лгунов выпустил из рук свою речь. Листы бумаги поплавали над толпой и наконец угодили в руки мальчишек. Если бы королю сообщили, что горит его дворец, он не пришел бы в большую ярость. Он приказал полицейским очистить площадь и немедленно отрезать язык придворному, принесшему роковое известие. Бедняга в спешке попросил, чтобы ему оставили язык, но совсем забыл, что надо было просить не отрезать ему носа. Вспомни придворный об этом, он, самое большое, лишился бы носа, зато язык сохранился бы в целости.

Но на этом Джакомоне не успокоился. По всему королевству было объявлено, что сто тысяч фальшивых талеров получит тот, кто укажет человека, оскорбившего его величество. На площади перед дворцом, возле самой колонны, воздвигли гильотину, чтобы отсечь голову автору дерзких надписей.

— Мама дорогая! — воскликнул Цоппино, сидя на самом верху колонны, и покрутил шеей. — Не знаю, как на языке лгунов сказать «страх», но если для этого употребляют слово «храбрость», то я чувствую себя храбрым как лев...

Из осторожности он целый день просидел в своем или, вернее, на своем убежище. К вечеру, когда уже можно было не так опасаться каких-либо неприятностей, Цоппино соскользнул с колонны, предварительно посмотрев по сторонам раз пятьдесят. Когда он коснулся земли, его задние лапы хотели было побежать, но передняя лапа вдруг опять стала невыносимо чесаться.

— Ну вот, опять начинается, — пробормотал Цоппино. — Думаю, что освободиться от этого зуда можно лишь одним способом: надо написать что-нибудь обидное для короля Джакомоне. Видно, если ты родился нарисованным на стене, тебе всю жизнь суждено и самому писать да рисовать.

Правда, поблизости нет ни одной стены... А, была не была, напишу вот здесь!

И своей красной меловой лапкой он написал прямо на ноже гильотины:

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ЛЫС, И ЭТО — ЧИСТАЯ ПРАВДА!

Зуд прошел, но Цоппино с беспокойством заметил, что лапка укоротилась чуть ли не на целый сантиметр.

«У меня и так не хватает одной лапки, — в тревоге подумал он. — Если я истрачу вторую на свои литературные упражнения, как же я буду ходить?»

— Ну пока что тебе помогу я! — раздался за его спиной чей-то голос.

Будь это только голос, Цоппино мог бы задать стрекача. Но у обладателя голоса оказалась еще и пара крепких рук, которые цепко ухватили его. Голос и руки принадлежали пожилой синьоре двухметрового роста, тощей и суровой...

— Тетушка Панноккья!

— Я самая, — прошипела старая синьора. — И тебе придется отправиться со мной. Я покажу тебе, как воровать ужин у моих котов и писать мелом на стенах!

Цоппино безропотно дал завернуть себя в плащ, тем более что в воротах дворца появились двое полицейских.

«Хорошо еще, что тетушка Панноккья пришла раньше, — подумал Цоппино. — Лучше угодить в ее плащ, чем в лапы Джакомоне».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой Цоппино дает уроки мяуканья

Тетушка Панноккья принесла Цоппино домой и пришила его к креслу. Да, да, взяла нитку с иглой и пришила, точно он был рисунком для вышивания. А прежде чем отрезать нитку, она сделала двойной узел, чтобы не разошелся шов.

— Тетушка Панноккья, — сказал Цоппино, стараясь видеть во всем только веселую сторону, — вы бы хоть взяли голубую нитку, она больше идет к моей расцветке! Эта оранжевая просто ужасна: она напоминает парик короля Джакомоне.

— Не будем говорить о париках, — отвечала тетушка Панноккья, — гораздо важнее, чтобы ты сидел смирно и не улизнул от меня, как вчера вечером. Такие звери, как ты, встречаются не часто, а от тебя я жду многого.

— Я самый обыкновенный котенок, — скромно заметил Цоппино.

— Ты котенок, который мяукает, а в наши дни таких раз-два и обчелся. Все коты стали лаять, как собаки, и, конечно же, у них ничего не выходит, потому что родились они не для этого. Я же люблю кошек, а не собак. У меня семь котов. Они спят на кухне под умывальником. И всякий раз, когда они раскрывают рот, я готова выгнать их на улицу. Я много раз пыталась научить их мяукать, но они совершенно не слушаются меня. Наверное, не верят, что так надо.

Цоппино почувствовал симпатию к этой старой синьоре, которая, несомненно, спасла его от полицейских и которой, видимо, здорово надоели лающие коты.

— Как бы там ни было, — продолжала тетушка Панноккья, — котами мы займемся завтра. На сегодня у нас есть дела поважнее.

Она подошла к небольшому шкафчику и достала из него книгу. Цоппино успел прочесть заголовок. Книга называлась «Трактат о чистоте».

— А теперь, — заявила тетушка Панноккья, удобно устроившись в кресле напротив Цоппино, — я прочитаю тебе эту книгу от первой главы до последней.

— Сколько же в ней страниц, тетушка Панноккья?

— Не так уж много. Всего восемьсот двадцать четыре, включая оглавление, чтение которого мы отложим на завтра... Итак, «Глава первая. Почему не следует писать на стенах свое имя. Имя — вещь важная. Именем нужно дорожить, оно дается не для того, чтобы швыряться им направо и налево. Нарисуйте красивую картину — и тогда вы можете поставить под ней свою подпись. Сделайте хорошую статую — и на ее пьедестале ваше имя будет как нельзя более кстати. Придумайте новую машину — и вы с полным правом можете назвать ее своим именем. Только те люди, которые не делают ничего полезного, пишут свое имя на заборах и стенах, потому что больше им некуда его поставить...»

— Я согласен с этим, — заявил Цоппино. — Но ведь я писал на стенах не свое имя, а имя короля Джакомоне.

— Молчи и слушай! «Глава вторая. Почему не нужно писать на стенах имена своих друзей...»

— У меня есть только один друг, — сказал Цоппино, — но теперь я потерял его. Я не хочу слушать эту главу, она слишком грустная...

— Хочешь или не хочешь, а придется слушать, потому что тебе все равно даже не пошевелиться.

Но в эту минуту зазвонил звонок, и тетушка Панноккья встала, чтобы открыть дверь. Вошла девочка лет десяти. О том, что это девочка, можно было догадаться только по ее прическе — пучок волос наподобие конского хвоста, собранный на затылке. А одета она была совсем как мальчишка: на ней были спортивные брюки и клетчатая рубашка.

— Ромолетта! — воскликнул Цоппино вне себя от изумления.

Девочка смотрела на него, словно хотела что-то припомнить.

— Где мы с тобой встречались?

— Как это — где? Ведь я могу назвать тебя чуть ли не своей мамой! Тебе ничего не напоминает моя расцветка?

— Она напоминает мне кусочек мела, который я взяла однажды в школе...

— Взяла? — спросила тетушка Панноккья. — А учительнице ты об этом сказала?

— Не успела, — объяснила Ромолетта. — Как раз в это время прозвенел звонок на большую перемену.

— Превосходно, — сказал Цоппино, — можно сказать, что я сын самого школьного мелка. Поэтому-то я и родился таким образованным котенком: говорю, читаю, пишу, да еще и устный счет знаю. Конечно, нарисуй ты меня со всеми четырьмя лапками, я был бы тебе еще больше благодарен, но я и так очень доволен.

— Я тоже очень рада тебя видеть, — улыбнулась Ромолетта. — У тебя, наверное, есть что рассказать.

— Все довольны, кроме меня, — вмешалась тетушка Панноккья. — Насколько я понимаю, вам обоим невредно послушать, что написано в этой книге. Ромолетта, садись сюда.

Девочка подвинула кресло и, скинув туфли, уютно устроилась в нем. Тетушка Панноккья принялась читать третью главу, в которой объяснялось, почему не следует писать на стенах слова, оскорбительные для прохожих.

Цоппино и Ромолетта слушали ее с большим вниманием. Цоппино — потому что был пришит и ничего другого ему не оставалось, а Ромолетта — потому что явно чего-то ждала, об этом можно было догадаться по ее плутоватому личику.

Дойдя до десятой главы, тетушка Панноккья стала позевывать. Сперва она зевала раза два на каждой странице, потом зевки стали учащаться: три на страницу, четыре, потом по зевку каждые две строчки... по зевку на строчку... по зевку на каждое слово... Наконец последний зев, который был продолжительнее всех прочих, и когда рот доброй сеньоры закрылся, вместе с ним закрылись и ее глаза.

— Вот всегда так, — сказала Ромолетта, — дойдет до половины книги и засыпает.

— Неужели нужно ждать, пока она проснется? — спросил Цоппино. — Она пришила меня до того крепко, что, захоти я зевнуть, я бы не мог открыть рта. А ведь мне нужно разыскать друга, которого я не видел со вчерашнего вечера.

— Положись на меня, — сказала Ромолетта.

Она взяла маленькие ножницы и осторожно разрежала нитки, которыми был пришит котенок. Цоппино потянулся, спрыгнул на пол, походил взад-вперед, разминая затекшие лапы, и наконец с удовольствием вздохнул.

— Скорее, — шепнула Ромолетта, — идем через кухню!

В кухне была крошечная тьма, и только в одном углу, примерно там, где висел умывальник, блестело четырнадцать зеленых огоньков.

— Я чувствую кошачий запах, — сказал Цоппино, — точнее, я чувствую запах семерых котов.

— Это тетины коты.

Со стороны умывальника донеслось веселое фырканье.

— Братец, — сказал какой-то голос, — ты, видно, не только хром, но и слеп! Не видишь, что ли? Ведь мы такие же собаки, как и ты!

— Опять мне попались коты-лгуны! — воскликнул Цоппино, не на шутку рассердившись. — Ваше счастье, что мне некогда, а то бы вы познакомились с моими когтями и живо бы научились мяукать. И тетушка Панноккья мне только спасибо сказала бы.

— Гав! Гав! — хором возмутились все семеро котов.

Цоппино, прихрамывая, прошелся по кухне и свернулся клубком под самым носом у своих единоплеменников.

— Мяу! — с вызовом произнес он.

Семеро котов были задеты за живое.

— Слышали? — сказал самый маленький котенок. — Он умеет мяукать!

— Да, и для собаки совсем неплохо.

— Мяу! — повторил Цоппино. — Мяу, мяу, мяу!

— Он, наверное, работает звукоподражателем на радио, — предположил самый старый кот. — Не обращайтесь на него внимания. Он просто напрашивается на аплодисменты.

— Мяу! — снова сказал Цоппино.

— По правде говоря, — пробормотал другой кот, — я бы тоже хотел помяукать. Если хотите знать, мне надоело лаять. Каждый раз, когда я лаю, меня охватывает такой страх, что шерсть становится дыбом.

— Глупышка, — сказал Цоппино, — чего же ты пугаешься? Что ты кот, а не собака?

— Пожалуйста, без оскорблений! Хватит с нас и того, что мы тебя слушаем. Еще неизвестно, кто ты такой.

— Я такой же кот, как и вы!

— Собака ты или кот, а помяукать я бы не отказался.

— А ты попробуй! — не отставал Цоппино. — Тебе понравится! Во рту станет сладко, как...

— Как от молока, что дает нам тетушка Панноккья?

— Во сто раз слаще!

— Пожалуй, я бы попробовал... — сказал самый маленький котенок.

— Мяу, мяу, мяу! — соблазнял их Цоппино. — Смелее, братцы коты, учитесь мяукать!

И тут Ромолетта, хохотавшая до слез, вдруг услышала, как самый маленький котенок робко мяукнул. Второй кот поддержал его, затем к ним присоединился третий кот. И вскоре уже все семеро котов тетушки Панноккьи замяукали, словно семь расстроенных скрипок, а Цоппино громче всех.

— Ну как?

— И в самом деле сладко!

— Слаще, чем молоко с сахаром!

— Тише! — вмешалась Ромолетта. — Еще разбудите тетушку Панноккью. Пойдем, Цоппино!

Но было уже поздно. Тетушка Панноккья проснулась и уже стояла в дверях кухни. Щелкнул выключатель, и все увидели счастливое, мокрое от слез лицо старой синьоры.

— Кисаньки вы мои! Наконец-то! Наконец-то замяукали!

Цоппино и Ромолетта были уже во дворе. А семеро котов сначала растерялись, не понимая, что означают два ручейка, текущие по щекам тетушки Панноккьи, а потом замяукали еще громче и один за другим выскочили на улицу.

Тетушка Панноккья, утирая слезы, вышла вслед за ними.

— Умницы! Вот умницы! — повторяла она в волнении.

И коты отвечали ей:

— Мяу!

Но был у этого редкостного спектакля еще один никому не видимый зритель, синьор Калимеро, хозяин дома. Чтобы получать с жильцов побольше денег, жадный синьор сдавал внаем весь дом до последней комнаты, а сам ютился на чердаке. Не раз Калимеро запрещал тетушке Панноккье держать в доме животных, но старая синьора, разумеется, не обращала на это никакого внимания.

— Я плачу за квартиру, — говорила она, — и плачу немало! Поэтому я могу приглашать к себе кого угодно!

Добрую часть своего времени синьор Калимеро проводил у окошечка на чердаке, подсматривая, что делают дру-

гие. Поэтому-то он и увидел в этот вечер котов, услышал, как они мяукают и как тетушка Панноккья громко хвалит их за это, без конца повторяя:

— Вот умницы! Вот молодцы!

— Дожили! — возмутился Калимеро, потирая руки. — Вот зачем эта старая ведьма шатается по городу и подбирает бездомных котов. Она учит их мяукать! На этот раз я покажу ей! Я сообщу об этом кому следует!

Он закрыл окошечко, взял перо, бумагу, чернила и написал:

«Синьор главный министр! Происходят неслыханные вещи, подвергающие терпение горожан тяжелым испытаниям. Синьора тетушка Панноккья сделала то-то и то-то, и так далее и тому подобное».

И подписался: «Друг лжи».

Он вложил письмо в конверт и побежал опустить его в почтовый ящик.

А возвращаясь домой, он, словно на беду, увидел и Цоппино с Ромолеттой, которые проделывали то, за что тетушка Панноккья прочла бы им еще десяток глав из своей книги.

Цоппино, как вы уже знаете, время от времени испытывал невыносимый зуд в передней лапке, избавиться от которого он мог, лишь написав что-нибудь на стене. И в этот момент он как раз «лечил» свою лапку, а Ромолетта смотрела на него с завистью, потому что в кармане у нее не было ни кусочка мела. И никто из них не заметил Калимеро.

Он же, едва увидев их, сразу заподозрил что-то неладное. Он притаился в подворотне и смог таким образом безо всяких помех прочесть новое заявление Цоппино, которое гласило:

**В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА КОШКИ НАЧНУТ МЯУКАТЬ,
КОРОЛЮ ДЖАКОМОНЕ НЕСДОБРОВАТЬ!**

Не успели Цоппино и Ромолетта уйти, как Калимеро, потирая руки, побежал домой и настроил министру еще одно письмо:

«Ваше превосходительство! Спешу донести вам, что авторы оскорбительных для нашего королевства настенных надписей живут у синьоры тетушки Панноккьи. Это ее племянница Ромолетта и одна из тех собак, которых она держит у себя, чтобы вопреки всем законам нашей страны обучить их мяуканью. Уверен, что вы сообразоволяете пожаловать мне обещанное вознаграждение в сто тысяч фальшивых талеров. Калимеро Денежный Мешок».

Тем временем в соседнем переулке Цоппино озабоченно рассматривал свою лапку, которая опять заметно укоротилась.

— Нужно найти какой-нибудь другой способ письма, иначе у меня скоро останется только две лапки, — вздохнул он.

— Подожди-ка, — воскликнула Ромолетта, — как же я раньше не догадалась! Тут по соседству живет один художник. Его комнатка на чердаке никогда не закрывается на замок, потому что художник беден и не боится воров. Ты можешь пойти к нему и взять в долг какой-нибудь тюбик с краской или даже целую коробку. Пойдем, я покажу тебе дорогу, а потом вернусь домой, иначе тетушка Панноккья будет беспокоиться.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

*в которой знаменитый художник Бананито
оставляет кисти и берется за нож*

В тот вечер художнику Бананито, что означает маленький банан, никак не удавалось заснуть. Он сидел один-одиношенек у себя на чердаке, смотрел на свои картины и грустно думал: «Никуда-то они, к сожалению, не годятся. В них явно чего-то не хватает. И если бы не это «что-то», они были бы просто великолепны. Но чего именно в них не хватает? Вот загвоздка...»

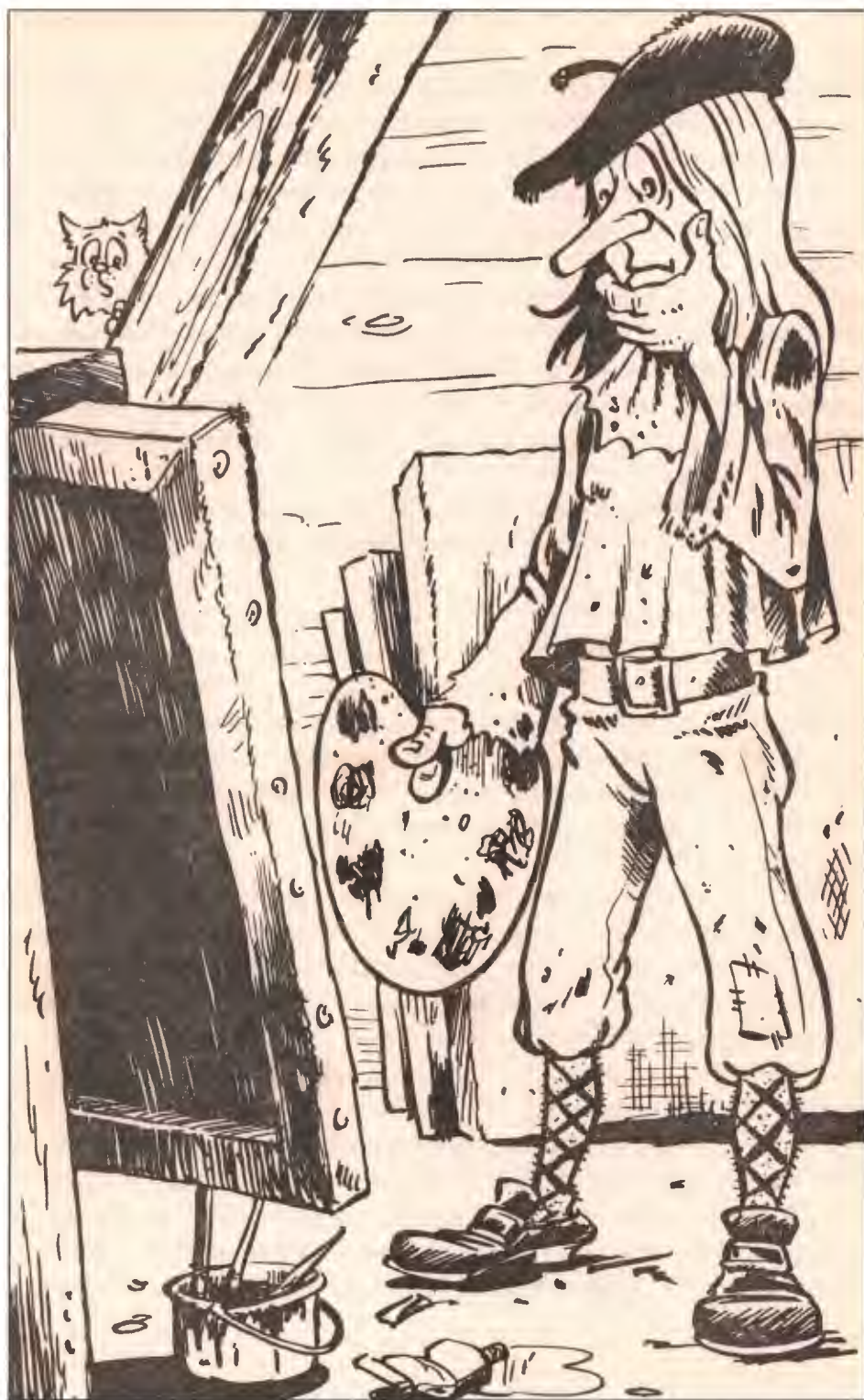
В этот момент в окне появился Цоппино — он только что проделал изрядный путь по крышам, рассчитывая войти в дом именно таким путем, чтобы не беспокоить хозяина.

«О, да мы еще не спим! — мяукнул он про себя. — Придется подождать. Художник о чем-то задумался — не буду мешать ему. А потом, когда он заснет, я возьму у него в долг немного красок, так тихо, что он даже не заметит».

И он принялся разглядывать картины Бананито. То, что он увидел, необычайно поразило его.

«По-моему, — размышлял он, — на этих картинах что-то лишнее. Не будь здесь лишнего, это были бы вполне приличные картины. Но что же на них лишнее? Пожалуй, слишком много ног! У этой лошади, например, целых тринадцать! Подумать только — а у меня всего три... Кроме того, здесь слишком много носов: на том портрете, например, сразу три носа! Не завидую я этому синьору: если он

схватит насморк, ему потребуется три носовых платка... Но художник, кажется, собирается что-то делать...»

Бананито действительно поднялся со скамейки.

— Может быть, добавить зеленых тонов?.. — размышлял он вслух. — Да, да именно зеленого здесь и не хватает!

Он взял тюбик, выдавил краску на палитру и принялся класть зеленые мазки на все картины. Он выкрасил в зеленый цвет и лошадиные ноги, и носы синьора на портрете, и даже глаза какой-то синьорины на другой картине, причем глаз у нее было целых шесть — по три на каждой стороне лица.

Потом Бананито отступил на несколько шагов и прищурился, чтобы лучше рассмотреть результаты своей работы.

— Нет, нет, — вздохнул он, — видимо, дело в чем-то другом. Картины как были, так и остались плохими.

Цоппино, сидевший на подоконнике, не услышал этих слов, зато увидел, как Бананито грустно качает головой.

«Могу поклясться, что он недоволен, — решил Цоппино, — не хотел бы я оказаться на месте этой шестиглазой синьорины. Когда у нее ослабнет зрение, ей не хватит денег на очки...»

Бананито между тем взял тюбик с другой краской, выдавил ее на палитру и снова стал наносить мазки на свои картины, прыгая вокруг них, словно кузнецик.

— Желтого!.. — бормотал он. — Готов держать пари, что здесь мало желтого!

«Вот беда! — подумал Цоппино. — Сейчас он устроит из своих картин яичницу...»

Но тут Бананито бросил на пол палитру и кисть, стал в ярости топтать их ногами и рвать на себе волосы.

«Если он и дальше будет продолжать в таком же духе, — мелькнуло у Цоппино, — то станет как две капли воды похож на короля Джакомоне. Наверное, надо успокоить его...

А вдруг он обидится? Да и кому нужны кошачьи советы. К тому же, чтобы понять их, надо знать кошачий язык...»

Бананито наконец сжалился над своими картинами.

— Хватит, — решил он. — Возьму-ка я на кухне нож и изрежу все эти картины на мелкие кусочки. Видно, не родился я художником...

Кухней у Бананито назывался маленький столик, приютившийся в углу комнаты. На нем стояли спиртовка, старый котелок, сковородка, тарелка, лежали вилки, ложки и ножи. Столик стоял у самого окна, и Цоппино пришлось спрятаться за цветочный горшок, чтобы художник не увидел его. Но даже если бы котенок не спрятался, Бананито все равно не заметил бы его, потому что в глазах у него стояли крупные, как орех, слезы.

«Что он собирается делать? — думал Цоппино. — Берет ложку... Наверное, проголодался. Нет, кладет ложку и хватается за нож... Дело принимает опасный оборот. Уж не собирается ли он кого-нибудь убить? Кого-нибудь из своих критиков... Откровенно говоря, ему бы следовало радоваться, что его картины так ужасны. Ведь когда они попадут на выставку, люди не смогут сказать правды, все станут называть их великолепными, и он заработает кучу денег!»

Пока Цоппино размышлял об этом, Бананито разыскал точильный камень и принялся точить нож.

— Я хочу, чтобы он был острым как бритва! Тогда от моих произведений не останется и следа!

«Если он решил кого-нибудь убить, — соображал Цоппино, — то, видно, хочет, чтобы удар был смертельным. Позвольте, позвольте... А если он задумал покончить с собой?! Нужно что-то делать... Надо что-то предпринять!.. Нельзя терять ни минуты! Если в свое время гуси спасли Рим, то почему бы хрому котенку не спасти отчаявшегося художника?»

И наш маленький герой, громко мяукая, прыгнул на пол.

В ту же минуту распахнулась дверь и в комнату к художнику влетел запыхавшийся, вспотевший, покрытый пылью... Угадайте — кто?

— Джельсомино!

— Цоппино!

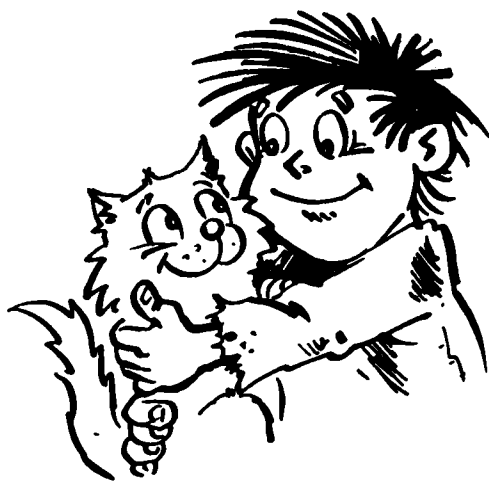
— Как я рад, что снова вижу тебя!

— Ты ли это, мой дорогой Цоппино?

— Не веришь, так пересчитай мои лапы!

И на глазах у ошеломленного художника Джельсомино и Цоппино стали обниматься и плясать от радости.

Каким образом наш певец попал на чердак к художнику и почему это случилось как раз в данную минуту — обо всем этом вы узнаете дальше.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

*в которой Джельсомино поет сначала в подвале,
а потом в гостях у директора городского театра*

Джельсомино, как вы помните, заснул в погребке прямо на куче угля. По правде говоря, постель эта была не слишком удобной, но когда люди молоды, они не обращают внимания на неудобства. И хотя острые куски угля впивались ему в ребра, это не помешало Джельсомино крепко спать и видеть сны один лучше другого.

Во сне Джельсомино принялся напевать. У некоторых людей бывает привычка во сне разговаривать. У Джельсомино была привычка во сне петь. Когда же он просыпался, то ничего не помнил. Наверное, его голос выкидывал с ним такие шутки в отместку за молчание, к которому хозяин принуждал его днем. Вполне возможно, что таким образом голос вознаграждал себя за все те случаи, когда Джельсомино не разрешал ему вырываться на волю.

Как бы там ни было, своим пением во сне Джельсомино перебудил полгорода.

Из окон стали высовываться возмущенные горожане:

— Куда смотрит полиция? Неужели никто не может заставить замолчать этого пьянчугу?

Полицейские между тем обшарили все улицы, но так и не нашли никого.

Тем временем проснулся и директор городского театра, который жил на другом конце города, километрах в десяти от подвала, где спал Джельсомино.

— Какой необыкновенный голос! — воскликнул он. — Вот это настоящий тенор! Интересно, откуда он взялся? Ах, если бы мне удалось заполучить его, мой театр ломился бы от публики! Этот человек мог бы спасти меня!

Надо сказать, что театр в этом городе переживал тяжелые времена и был накануне полного краха. Певцов в Стране Лгунов было не так уж много, и все они считали, что петь нужно как можно хуже. И вот почему: когда они пели хорошо, публика кричала: «Убирайся вон! Хватит выть!» А если они пели плохо, публика приходила в восторг и восклицала:

«Браво! Брависсимо! Бис!» И певцы, разумеется, старались петь как можно хуже, лишь бы услышать восторженные возгласы и аплодисменты публики.

Директор театра поспешно оделся, вышел на улицу и направился к центру города, откуда, как ему показалось, доносился голос. Однако ему пришлось порядком помучиться, прежде чем он добрался до цели.

— По-моему, он поет в этом доме, — говорил он. — Готов поклясться, что голос доносится вон из того окошечка наверху...

Часа два носился директор театра по городу в поисках необыкновенного певца. Наконец, полумертвый от усталости, уже готовый отказаться от дальнейших поисков, он набрел на подвал, в котором спал Джельсомино. Можете себе представить, как он удивился, когда при слабом свете своей зажигалки увидел, что обладатель необыкновенного голоса — паренек, спящий на куче угля.

«Если он во сне поет так хорошо, что же будет, когда он проснется? — подумал директор театра, потирая руки. — По всему видно, этот парень и не подозревает, что его горло — это настоящие золотые россыпи. Я стану при них единственным рудокопом и составлю себе состояние, не ударив пальцем о палец».

Он разбудил Джельсомино и представился:

— Меня зовут маэстро Домисоль. Чтобы разыскать тебя, я прошел пешком десять километров. Завтра же вечером ты непременно должен петь в моем театре! А теперь вставай и пойдем ко мне домой репетировать.

Джельсомино пытался было отказаться. Он твердил, что хочет спать, но маэстро Домисоль пообещал уложить его на двуспальную кровать с пуховым одеялом. Джельсомино заикнулся было, что никогда не учился музыке, но маэстро стал клясться, что с таким голосом, как у него, нет нужды разбираться в нотах.

Между тем голос Джельсомино тоже решил не теряться: «Смелее! Разве ты забыл, что хочешь стать певцом? Соглашайся! Может быть, это принесет тебе счастье».

Маэстро Домисоль положил конец разговорам, решительно взял Джельсомино за руку и силой потащил его за собой. Он привел его к себе домой, сел за пианино, взял несколько аккордов и приказал:

— Пой!

— Может быть, лучше открыть окна? — робко предложил Джельсомино.

— Нет, нет, я не хочу тревожить соседей.

— А что петь?

— Что хочешь... Какую-нибудь песенку... Ну хотя бы из тех, что поют у тебя в деревне...

Джельсомино начал петь свою любимую песенку, которую так часто пел дома. Он старался петь как можно тише и не сводил глаз с оконных стекол. Те звенели и каждую секунду готовы были вылететь.

Стекла уцелели, но в начале второго куплета разбилась люстра, и в комнате стало темно.

— Прекрасно! — воскликнул маэстро Домисоль, зажигая свечу. — Великолепно! Чудесно! Вот уже тридцать лет, как в этой комнате поют тенора, и никому из них еще ни разу не удавалось разбить даже кофейной чашечки!

В конце третьего куплета случилось то, чего так опасался Джельсомино, — оконные стекла разделили участь люстры. Маэстро Домисоль вскочил из-за пианино и бросился обнимать Джельсомино.

— Мой мальчик! — кричал он, чуть не плача от восторга. — Я вижу, что не ошибся! Ты будешь самым великим певцом всех времен! Толпы поклонников будут отвинчивать колеса твоего автомобиля, чтобы носить тебя на руках!

— Но у меня нет автомобиля, — заметил Джельсомино.

— У тебя их будет десять, сто! У тебя будет свой особый автомобиль для каждого дня в году! Благодарю судьбу за то, что тебе довелось встретить маэстро Домисоль! А теперь спой-ка мне еще что-нибудь.

Джельсомино заволновался. Еще бы — впервые в жизни он слышал, что кому-то нравится его пение. Не в его привычках было задирать нос, но ведь похвала каждому приятна. Он спел еще одну песню и на этот раз дал своему голосу чуть побольше свободы, совсем чуточку, да и то ненадолго. Но натворил он таких бед, что всем показалось, будто наступил конец света.

В соседних домах одно за другим повывлетали все стекла. Люди испуганно выглядывали из окон и кричали:

— Землетрясение! Караул! На помощь! Спасайся кто может!

С пронзительным воем помчались пожарные машины. Улицы запрудили толпы людей, устремившихся за город. Многие несли на руках плачущих ребятишек и толкали перед собой тележки, груженные домашним скарбом.

Маэстро Домисоль был вне себя от радости.

— Грандиозно! Изумительно! Невиданно!

Он расцеловал Джельсомино, обвязал ему горло теплым шарфом, чтобы уберечь от сквозняков, потом усадил за стол и угостил таким обедом, которым можно было бы накормить целый десяток безработных.

— Ешь, сынок, ешь, — приговаривал он, — попробуй вот этого цыпленка. Он хорошо укрепляет верхние ноты. И вот эта баранья лопатка тоже очень полезна. От нее низкие ноты становятся мягкими и бархатистыми. Ешь! С сегодняшнего дня ты — мой гость! Я отведу тебе лучшую комнату в доме и велю обить ее стены войлоком. Ты сможешь упражняться сколько угодно, и никто тебя не услышит.

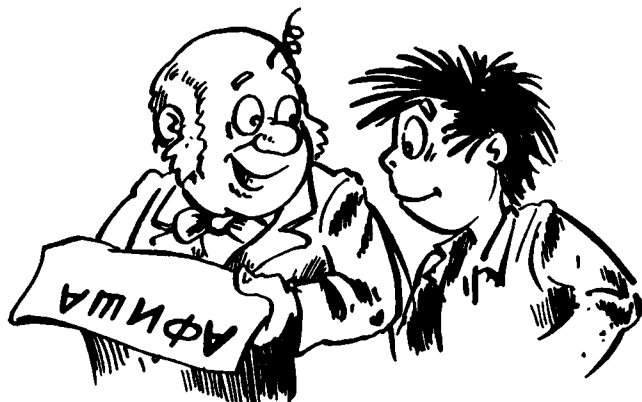
Джельсомино очень хотелось выбежать на улицу и успокоить перепуганных горожан или по крайней мере позвонить в пожарную команду, чтобы они не метались понапрасну по городу. Но маэстро Домисоль и слышать об этом не хотел.

— Сиди, сынок, дома! Пусть себе мечутся! Ведь тебе пришлось бы заплатить за разбитые стекла, а у тебя пока нет ни сольдо. Не говоря уже о том, что тебя могут арестовать. А попадешь в тюрьму — тогда прощай твоя музыкальная карьера!

— А что, если я нечаянно сломаю ваш театр?

Домисоль рассмеялся:

— Театры для того и строятся, чтобы певцы могли в них петь. Театрам не страшны не только голоса певцов, но даже бомбы. Ну, теперь ложись спать, а я тем временем сочиню афишу и немедленно отнесу ее в типографию.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой Джельсомино выступает с концертом

На следующее утро жители города увидели, что на всех углах расклеены вот такие афиши:

Сегодня утром
(но не сразу после захода солнца)
самый скверный тенор на свете
ДЖЕЛЬСОМИНО,
обладающий ужасно противным голосом
и закиданный тухлыми яйцами
во всех театрах Африки и Америки,
не даст никакого концерта
в городском театре.
Почтеннейшую публику
просят не приходить.
Входные билеты ничего не стоят.

Разумеется, афишу следовало читать наоборот, и горожане прекрасно поняли все, что в ней было написано. «Закиданный тухлыми яйцами» означало — «имевший невероятный успех», а под выражением «не даст никакого концерта» нужно было понимать, что Джельсомино начнет свое выступление, едва зайдет солнце, то есть ровно в девять часов вечера.

По правде говоря, Джельсомино не хотел, чтобы в афише упоминалось о поездке в Америку.

— Ведь я там никогда не был! — протестовал он.

— Вот именно, — отвечал маэстро Домисоль, — значит, это ложь, и все обстоит как нельзя лучше! Если б ты бывал в Америке, нам пришлось бы написать, что ты ездил в Австралию. Таков закон. Но ты не думай о законах. На уме у тебя должно быть только пение.

В то утро, как помнят наши читатели, был взбудоражен весь город — на фасаде королевского дворца была обнаружена надпись Цоппино. Но к вечеру все успокоились, и задолго до девяти часов театр, как потом писали газеты, «был пуст, как барабан». И это означало, что он ломился от публики.

Народу действительно собралось очень много — все надеялись услышать наконец настоящего певца. К тому же маэстро Домисоль, чтобы собрать в театр побольше публики, распустил по городу самые невероятные слухи о голосе Джельсомино.

— Захватите с собой побольше ваты, чтобы затыкать уши, — советовали на каждом перекрестке наемные агенты Домисоля, — у этого певца преотвратительный голос, он доставляет поистине адские мучения.

— Представьте себе, что собрался десяток простуженных дворняжек, которые лают все сразу, прибавьте к ним сотню кошек, которым кто-то подпалил хвосты, смешайте все это с воем пожарной сирены, взболтайте хорошенько — и вы получите некоторое представление о голосе Джельсомино.

— Одним словом, чудовище?

— Самое настоящее чудовище! Ему следовало бы не в театре выступать, а квакать в каком-нибудь болоте вместе с лягушками. Но еще лучше было бы сунуть его в реку и приставить специального сторожа, чтобы тот не давал ему высунуть голову наружу.

Все эти разговоры люди понимали, разумеется, наоборот, как и полагается в Стране Лгунов. Неудивительно, что задолго до девяти часов вечера театр был набит битком.

Ровно в девять в королевской ложе появился его величество Джакомоне Первый. На его голове гордо красовался неизменный оранжевый парик. Все присутствующие в театре поднялись со своих мест, поклонились ему и снова сели, стараясь не смотреть на его парик. Никто не отважился даже намекнуть на утреннее происшествие, — все знали, что театр кишит шпионами, держащими наготове свои записные книжки, чтобы записывать все, что говорится в народе. Домисоль, который, глядя сквозь дырочку в занавесе, с нетерпением ожидал приезда короля, дал Джельсомино знак приготовиться, а сам прошел в оркестр. Он поднял дирижерскую палочку, и раздались звуки национального гимна Страны Лгунов. Гимн начинался словами:

Привет королю Джакомоне, привет!
Да здравствует оранжевый цвет!

Разумеется, никто не позволил себе засмеяться. Некоторые потом клялись, что Джакомоне в эту минуту слегка покраснел. Но в это трудно поверить, так как король, чтобы казаться моложе, в тот вечер покрыл свое лицо густым слоем пудры.

Едва Джельсомино вышел на сцену, как агенты Домисоля засвистели и принялись кричать:

- Долой Джельсомино!
- Убирайся выть в свою конуру!
- Пошел петь в болото к лягушкам!

Джельсомино терпеливо переждал, пока крики умолкнули, потом прокашлялся и запел первую песню из своей программы. Он запел самым тихим и нежным голосом, какой только смог извлечь из своего горла. При этом он почти не разжимал губ, и издали казалось, что он поет с закрытым ртом. Это была простая песенка, которую пели в родном селении Джельсомино, и слова в ней были самые

обыкновенные и даже чуточку глупые, но Джельсомино исполнил ее с таким чувством, что по театру пронесся ветер, так как все слушатели разом достали свои носовые платки и принялись утирать слезы. Песенка кончалась высокой нотой, и Джельсомино не стал на этой ноте прибавлять голоса, наоборот, он постарался взять ее как можно тише. И все-таки, несмотря на все его старания, на галерке вдруг раздался громкий треск — одна за другой полопались лампочки. Но звуки эти тотчас же заглушил мощный ураган свистков. Зрители, вскочив с мест, орали что было сил:

- Убирайся вон!
- Шут! Скоморох!
- Закрой свою пасть!
- Отправляйся петь свои серенады котам!

В общем, как сообщили бы газеты, если б в них говорилась правда, «публикой овладел неудержимый восторг».

Джельсомино поклонился и запел вторую песню. На этот раз он, прямо скажем, немного разошелся. Песня была ему по душе, все слушали его с восхищением. Немудрено, что Джельсомино забыл осторожность и взял высокую ноту, которая была слышна за несколько километров и привела в восторг не только публику, сидевшую в зале, но и всех людей, которые не сумели достать билеты и толпились на улице возле театра.

Джельсомино ожидал услышать в ответ аплодисменты, то есть новый ураган свистков, но вместо этого раздался взрыв хохота, совершенно ошеломивший его. Публика, казалось, забыла о нем. Все смотрели не на него, а совсем в другую сторону и громко смеялись. Джельсомино тоже взглянул туда, и кровь в его жилах застыла, а голос пропал. Высокая нота, которую он только что взял, не разнесла вдребезги тяжелые люстры, висевшие над партером. Произошло нечто гораздо более страшное: с головы Джакомоне слетел его знаменитый оранжевый парик. Его величество, нервно барабанив пальцами по перилам ложи,

тщетно пытался понять, почему его подданные так веселятся. Бедняга не заметил, что остался без парика, и никто из его свиты не осмеливался сказать ему правду. Все очень хорошо помнили, что стало нынче утром с языком одного чересчур ретивого придворного.

Домисоль, который дирижировал спиной к публике, подал Джельсомино знак, чтобы тот начал петь третью песню.

«Люди смеются над Джакомоне, — подумал Джельсомино, — и нет никакой нужды, чтобы они посмеялись и надо мной. На этот раз я должен спеть еще лучше!»

И он запел так прекрасно, с таким чувством, таким звучным голосом, что с первой же ноты театр буквально затрепал по всем швам. Прежде всего разбились и рухнули люстры, придавив некоторых зрителей, не успевших укрыться в надежное место. Потом обрушился целый ярус — как раз тот, посередине которого находилась королевская ложа. Но Джакомоне, на свое счастье, уже успел покинуть театр. Незадолго до этого он глянул в зеркало, чтобы проверить, не нужно ли ему случаем припудрить нос, и в ужасе обнаружил, что остался без парика. Говорят, что в тот вечер он велел отрезать язык всем придворным, которые были с ним в театре, за то, что они не сообщили ему об этом злосчастном происшествии.

Джельсомино между тем, увлекшись, продолжал петь, хотя публика осаждала выходные двери. Когда рухнули последние ярусы и обвалилась галерка, в зале остались только Джельсомино и маэстро Домисоль. Первый, закрыв глаза, все еще продолжал петь — он забыл, что находится в театре, забыл, что он Джельсомино, и думал лишь о том наслаждении, которое доставляло ему пение. Глаза Домисоля были, напротив, широко открыты. Схватившись за голову, он в ужасе закричал:

— Мой театр! Мой театр! Я разорен! Разорен!

А на площади перед театром толпа кричала: «Браво! Браво!»

И звучало это так странно, что полицейские короля Джакомоне переглядывались и говорили друг другу:

— Ведь они хвалят его за то, что он поет хорошо, а во все не потому, что им не нравится его пение...

Джельсомино закончил концерт такой высокой нотой, что развалины театра подбросило вверх, отчего поднялось огромное облако пыли. Только теперь Джельсомино заметил, каких натворил бед, и увидел, что Домисоль, угрожающе размахивая дирижерской палочкой, бежит к нему, перепрыгивая через груды кирпича и обломков.

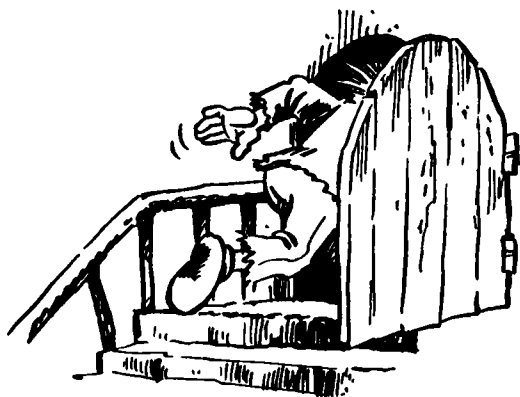
«Кажется, моя песенка спета, — в отчаянии подумал Джельсомино, — прощай, музыкальная карьера... Нужно уносить ноги, пока не поздно!»

Через пролом в стене он выбрался на площадь. Прикрывая лицо руками, смешался с толпой, добрался до какой-то темной улочки и побежал так быстро, что едва не обогнал собственную тень.

Но Домисоль, не терявший его из виду, неся за ним вдогонку и кричал:

— Остановись, несчастный! Заплати мне за мой театр!

Джельсомино свернул в переулок, юркнул в первый же попавшийся подъезд, задыхаясь, взбежал по лестнице до самого чердака, толкнул какую-то дверь и очутился в мастерской Бананито как раз в тот момент, когда Цоппино спрыгнул с подоконника.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

*из которой видно,
что все нарисованное настоящим художником
не только прекрасно, но и правдиво*

Джельсомино и Цоппино принялись рассказывать друг другу о своих злоключениях. А Бананито, слушая их, так и стоял, открыв от изумления рот. Он все еще не выпускал из рук ножа, но совсем забыл, зачем взял его.

— Что вы собираетесь делать? — с беспокойством спросил его Цоппино.

— Как раз об этом я и думаю сейчас, — ответил Бананито.

Но едва он огляделся по сторонам, как его снова охватило полное отчаяние: его картины были так же безобразны, как и в девятой главе нашей книги.

— Я вижу, вы художник, — с уважением сказал Джельсомино, который еще не успел сделать это открытие.

— Я тоже так думал, — с грустью ответил Бананито, — тоже думал, что я художник. А теперь вижу, мне лучше подыскать себе какое-нибудь другое занятие, где бы не пришлось возиться с красками. Можно, например, стать могильщиком, тогда я буду иметь дело лишь с одним черным цветом.

— Но ведь даже на могилах растут цветы, — заметил Джельсомино. — В жизни нет ничего, что было бы только черного цвета.

— А уголь? — вставил Цоппино.

— Да, но когда он горит, то становится красным, голубым, белым...

— А чернила? Они черные — и все тут! — настаивал котенок.

— Но ими можно написать веселый и красочный рассказ!

— Тогда сдаюсь, — сказал Цоппино, — хорошо, что я не предложил тебе поспорить на одну из моих лапок, а то у меня осталось бы всего две.

— Все-таки я поищу себе какое-нибудь другое занятие, — вздохнул Бананито.

Пройдясь по комнате, Джельсомино остановился перед трехносым портретом, который некоторое время назад так озадачил Цоппино.

— Кто это? — удивился Джельсомино.

— Один очень важный придворный.

— Счастливчик! У него три носа! Наверное, он в три раза сильнее чувствует все вкусные запахи! Но почему все-таки у него три носа?

— О, это целая история... Когда он заказал мне свой портрет, то поставил непереносимое условие, чтобы я изобразил его с тремя носами! Мы долго спорили. Я хотел нарисовать только один нос, потом посоветовал удовольствоваться хотя бы двумя. Но он заупрямился: или рисуй три носа, или сам останешься с носом! И вот что получилось — настоящее пугало, которое годится лишь на то, чтобы пугать капризных детей.

— Скажите, а вот эта лошадь, — спросил Джельсомино, — она тоже придворная?

— Лошадь? Разве вы не видите, что это самая настоящая корова?!

Джельсомино почесал в затылке.

— Может быть, это и корова, но для меня она остается самой настоящей лошадью. Точнее говоря, это была бы лошадь, будь у нее четыре ноги, а не тринадцать. Этих

тринадцати ног хватило бы для трех лошадей и еще осталось бы для четвертой.

— Но у любой коровы как раз тринадцать ног! — возразил Бананито. — Это знает каждый мальчишка!

Джельсомино и Цоппино переглянулись, вздохнули и прочли в глазах друг у друга одну и ту же мысль: «Будь перед нами лживый кот, мы быстро научили бы его мяукать. Но чему мы можем научить этого беднягу?»

— По-моему, — сказал Джельсомино, — картина станет гораздо лучше, если убрать с нее лишние ноги.

— Вот еще! И все поднимут меня на смех! А критики посоветуют упрятать в сумасшедший дом... Теперь я вспомнил, зачем взял нож! Я хотел изрезать на куски все мои картины. Этим я сейчас и займусь!

Бананито снова схватил нож и с грозным видом подскокил к тому холсту, где в неопишемом беспорядке были нагромождены лошадиные ноги, которые он называл коровьими. Художник уже занес было руку, чтобы нанести первый удар, но вдруг передумал.

— Ведь это труд многих месяцев! — вздохнул он. — Жаль уничтожать его собственными руками.

— Золотые слова! — подхватил Цоппино. — Когда у меня появится записная книжка, я непременно запишу их, чтобы не забыть. Но почему бы вам, прежде чем кромсать картины, не испробовать совет Джельсомино?

— Это верно! — воскликнул Бананито. — Ведь я ничего не теряю. Уничтожить картины я всегда успею.

И он ловко соскоблил с полотна пять ног из тринадцати.

— По-моему, уже гораздо лучше! — подбодрил его Джельсомино.

— Тринадцать минус пять — восемь, — сказал Цоппино. — Если бы лошадей было две, все обстояло бы как нельзя лучше. Простите, я хотел сказать — коров.

— Ну что ж, стереть еще несколько ног? — спросил Бананито.

И, не ожидая ответа, он соскочил с картины еще две ноги.

— Прекрасно! — воскликнул Цоппино. — Лошадь уже почти как живая!

— Значит, помогает?

— Оставьте только четыре, и посмотрим, что будет.

Когда ног осталось четыре, с холста вдруг раздалось радостное ржание, и в тот же миг лошадь спрыгнула с картины на пол и легкой рысцой прошлась по комнате.

— И-и-го-го! Наконец-то я на свободе! До чего же тесно было в этой раме!

Пробегая мимо зеркала, висевшего на стене, лошадь придиричиво оглядела себя с ног до головы, потом в восторге заржала:

— Какая красивая лошадь! Я действительно красива! Синьоры, я бесконечно благодарна всем вам! Окажетесь в моих краях — заходите в гости. Я с удовольствием вас покатаю!

— В каких краях? Эй, подожди! — закричал ей вдогонку Бананито.

Но лошадь уже была за дверью, на лестнице. Послышался цокот ее копыт по ступенькам, и минуту спустя наши друзья увидели из окна, как гордое животное пересекло переулок и направилось в открытое поле.

От волнения Бананито даже вспотел.

— Честное слово! — воскликнул он. — Это и в самом деле была лошадь! Уж если она сама об этом заявила, волей-неволей приходится верить. И подумать только, что в школьной азбуке лошадь нарисована рядом с буквой «К» — КОРОВА!

— Скорее, скорее! — в восторге замаякал Цоппино. — Беритесь за другие картины!

Бананито подошел к верблюду, у которого было так много горбов, что его портрет напоминал пустыню с уходящими вдаль песчаными холмами. Художник стал со-

скабливать с холста все горбы, пока не осталось только два.

— Он становится гораздо красивее, — бормотал Бананито, лихорадочно работая ножом. — Нет, этот портрет положительно становится лучше. Как вы думаете, он тоже оживет?

— Когда верблюд будет совсем похож на настоящего, то непременно оживет, — заверил его Джельсомино.

Но пока верблюд не желал сходить с холста, и вид у него был равнодушный и невозмутимый, словно разговор шел вовсе не о нем.

— Хвосты! — вдруг закричал Цоппино. — У него же три хвоста! Этого хватит на целое верблюжье семейство!

Когда были убраны лишние хвосты, верблюд величаво сошел с холста, облегченно вздохнул и бросил благодарный взгляд в сторону Цоппино.

— Хорошо, что ты обратил внимание на хвосты, — сказал он. — Чего доброго, я мог навеки остаться в этой каморке. Не знаете случайно, нет ли поблизости каких-нибудь пустынь?

— Есть одна в центре города, — сказал Бананито. — Это самая большая из наших городских пустынь, но сейчас она, кажется, уже закрыта.

— Он хочет сказать «сад», — объяснил Цоппино верблюду. — А до настоящих пустынь отсюда не меньше двух-трех тысяч километров. Смотри, только не попадайся на глаза полицейским, не то угодишь в зоопарк.

Прежде чем уйти, верблюд тоже погляделся в зеркало и остался очень доволен. Через минуту он уже рысцой бежал по переулку. Ночной стражник, увидевший его, не поверил своим глазам и начал изо всех сил щипать себя, чтобы проснуться.

— Видно, я старею, — решил он, когда верблюд исчез за углом. — Мало того, что засыпаю во время дежурства, мне еще снится, будто я попал в Африку. Нужно взять себя в руки, не то меня уволят!

Теперь Бананито не остановила бы даже угроза смертной казни. Работая своим ножом, он кидался от картины к картине и радостно восклицал:

— Вот это хирургия! За десять минут я сделал больше операций, чем все профессора в больнице за десять дней.

А картины, когда с них соскабливали ложь, хорошели одна за другой. Они становились красивыми, правдивыми и... оживали! Собаки, овцы, козы выпрыгивали из рам и разбегались кто куда.

И только одну-единственную картину художник разрезал не мелкие кусочки. Это был портрет того придворного, который требовал, чтобы его непременно нарисовали с тремя носами. Уж очень Бананито боялся, что, став одноносым, придворный выскочит из рамы и задаст художнику головомойку за то, что он посмел послушаться его.

Джельсомино помогал Бананито кромсать злополучную картину, и вдвоем они так расправились с нею, что она превратилась в сплошные лохмотья.

А Цоппино тем временем принялся шнырять по комнате, явно выискивая что-то. По его разочарованной мордочке было видно, однако, что он никак не может найти то, что хочет.

— И лошади, и верблюды, и придворные... — ворчал он. — Нет чтобы нарисовать где-нибудь хоть кусочек сыра! Мыши и те удрали с этого чердака. Оно и понятно — запах нищеты еще никому не приходился по вкусу. Голод — это штука почище крысиной отравы.

Роясь в каком-то темном уголке, Цоппино нашел маленькую, покрытую толстым слоем пыли картину. На обратной стороне ее пристроилась сороконожка. Когда ее побеспокоили, она, быстро перебирая всеми своими сорока лапками, побежала прочь. Ножек у нее было действительно сорок, так что Бананито трудно было бы погрешить против истины, вздумай он нарисовать ее.

На картине была изображена тарелка, а на ней какое-то диковинное животное, что-то вроде другой сороконожки. Но будь у этого животного только две ноги, все сразу бы узнали в нем жареную курицу.

«Славная картина! — подумал Цоппино. — Пожалуй, я не возражал бы, если б она ожила именно в таком виде, без всяких изменений. От курицы с двумя дюжинами ножек не отказалась бы ни одна кухарка, ни один хозяин харчевни, не говоря уже о проголодавшемся котенке. Отрежь от такой курицы десяток ножек — и тем, что останется, вполне можно накормить еще троих».

Цоппино приволок картину к Бананито, чтобы он и над ней поработал своим ножом.

— Но курица жареная! — запротестовал художник. — Она не оживет!

— Вот-вот! Нам и нужна жареная! — ответил Цоппино.

Тут Бананито не мог возразить. К тому же он вспомнил, что и сам уже сутки ничего не ел, занявшись своими картинами. Курица, правда, не закудахтала, но зато выплыла из рамы такой ароматной и аппетитной, будто ее только что вынули из духовки.

— Твоя слава художника еще вся впереди, — сказал Цоппино, надкусывая крылышко (ножки он оставил Джельсомино и Бананито), — а как повар ты уже великолепен!

— Эх, если бы раздобыть еще и немного вина к этой закуске! — заметил вдруг Джельсомино. — Но все харчевни уже закрыты... Впрочем, и днем мы все равно не могли бы ничего купить — ведь у нас нет денег.

— Что верно, то верно, — заметил Цоппино и добавил, обращаясь к Бананито: — А почему бы тебе не нарисовать, скажем, бутыл с вином?.. Или хотя бы небольшую бутылочку?

— Попробую! — обрадовался художник.

Он набросал на холсте бутылку итальянского «кьянти» и раскрасил ее. Рисунок получился таким удачным, что

если бы Джельсомино не успел прикрыть горлышко рукой, то вино, которое сильной струей забило из него, полилось бы прямо на пол.

Трое друзей выпили сначала за художника, потом за певцов и, наконец, за котят. Когда пили за котят, Цоппино вдруг погрузился, и его долго пришлось упрашивать, чтобы он поделился своей печалью.

— В сущности, — признался он наконец, — я такой же ненормальный котенок, как и те животные, что были полчаса назад на этих полотнах. Ведь у меня только три лапки. И я даже не могу сказать при этом, что потерял четвертую лапку на войне или под трамваем, потому что это было бы неправдой. Вот если бы Бананито...

Ему не пришлось продолжать. Бананито тут же схватил кисть и в два счета нарисовал такую красивую переднюю лапу, что от нее не отказался бы и сам Кот в сапогах. Но замечательнее всего было то, что лапка сразу же заняла свое место на теле Цоппино, и он сперва неуверенно, а потом все смелее стал рассказывать по каморке.

— Ах, как прекрасно! — мяукал он. — Я просто не узнаю себя! Я стал совсем другим! Совсем другим! Не смеять ли мне ради такого случая имя?

— До чего же я глуп! — воскликнул Бананито, хлопая себя по лбу. — Нарисовал тебе лапку масляной краской, а ведь остальные нарисованы мелом.

— Ничего страшного, — ответил Цоппино, — пусть остается. И горе тому, кто посмеет ее тронуть! А имя я менять не буду! Оно, если разобраться, очень идет ко мне, — ведь другая моя лапка укоротилась по крайней мере на два-три сантиметра, когда я писал на стенах.

Вечером Бананито уложил Джельсомино на свою кровать, а сам, несмотря на все его протесты, растянулся на полу, на груде старых холстов. А Цоппино — тот устроился в кармане пальто, висевшего около двери, и в ту же минуту заснул сладким сном.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

*в которой Цоппино читает газету
и узнает из нее скверные новости*

На другой день рано утром Бананито захватил мольберт и кисти и, полный творческих замыслов, вышел на улицу. Ему не терпелось поскорее показать свое искусство людям. Джельсомино еще спал, и провожать художника отправился только Цоппино. По дороге котенок дал Бананито несколько советов.

— По-моему, лучше всего рисовать цветы. Я уверен, что если ты начнешь продавать их, то вернешься домой с целым мешком фальшивых денег, без которых никак не обойтись в этой дурацкой стране. Старайся рисовать цветы, которые еще не распустились и которых нет в цветочных магазинах. И еще об одном не забудь — ни в коем случае не рисуй мышей. Иначе всех покупателей распугаешь. Я говорю это для твоей же пользы. Меня-то мыши, сам понимаешь, вполне устроили бы!

Расставшись с Бананито, Цоппино купил газету.

«Джельсомино, наверное, будет интересно узнать, что пишут о его концерте», — подумал он.

Газета называлась «Вечерняя ложь» и, понятно, вся состояла из ложных и настоящих, но вывернутых наизнанку новостей.

В газете была, например, заметка, которая называлась «Блестящий успех бегуна Персикетти». В ней говорилось:

«Известный чемпион по бегу в мешках Флавио Персикетти пришел вчера первым на десятом этапе гонки вокруг королевства, опередив на десять минут Ромоло Барони, пришедшего вторым, и на тридцать минут пятьдесят секунд Пьеро Клементини, пришедшего третьим. Группу бегунов, стартовавшую часом позже, в последнюю минуту опередил Паскуалино Бальзимелли».

«Что же здесь странного? — удивитесь вы. — Бег в мешках такое же спортивное состязание, как и всякое другое, только гораздо веселее, чем, скажем, велосипедные или автомобильные гонки».

Все это верно, но все читатели «Вечерней лжи» прекрасно знали, что на самом деле никакого состязания не было и в помине, а Флавио Персикетти, Ромоло Барони, Пьеро Клементини и Паскуалино Бальзимелли никогда в жизни не забирались в мешки и не видали бега наперегонки даже во сне.

На самом деле происходило так. Каждый год «Вечерняя ложь» устраивала состязание по бегу в мешках по этапам. Победить в этом состязании было не так-то просто. Самые тщеславные люди, жаждавшие увидеть свое имя в газете, платили «Вечерней лжи» за то, чтобы она записала их в число участников состязания.

А чтобы стать победителем на каком-нибудь этапе, нужно было еще каждый день вносить определенную сумму. Таким образом, побеждал тот, кто платил больше всех. Тут уж газета не скупилась на описание героя и, рассыпаясь в похвалах, изображала победителя сверхчемпионом.

Понятно, что к финишу участники состязания приходили в том же порядке, в каком росли их денежные взносы.

В те дни, когда взносы эти казались газете слишком скромными, она мстила участникам состязания, говоря, что они спят на ходу, что не те пошли бегуны, что состязание превратилось в сплошной скандал и что чемпионы, вроде Персикетти или Барони, должны серьезно отнестись

к бегу на оставшихся этапах, если еще хотят сохранить симпатии публики.

Синьор Персикетти был владельцем кондитерской фабрики, и каждое упоминание его имени в газете служило ему рекламой для его конфет. Так как синьор Персикетти был невероятно богат, то он почти всегда прибывал к финишу первым, намного опережая других. У финиша, как писала газета, ему устраивали чествования, подносили цветы, целовали... А по ночам под окнами его гостиницы собирались болельщики, чтобы петь ему серенады. Так, по крайней мере, говорилось в газете. Вы, конечно, понимаете, что болельщики, которые ни за кого не болели и не умели играть даже на барабане, на самом деле преспокойно похрапывали в своих постелях.

На той же странице газеты Цоппино увидел и такой заголовок: «Не страшная трагедия на улице Корнелии. Пять человек не умирают, и десять других не ранены». В сообщении говорилось:

«Вчера на десятом километре улицы Корнелии два автомобиля, двигавшиеся не с большой скоростью в противоположных направлениях, не столкнулись. В столкновении, которого не было, не убито пять человек (перечислялись имена). Другие десять человек не ранены, поэтому не пришлось отправить их в больницу (перечислялись имена)».

Это сообщение, к сожалению, было не ложным, а только вывернутым наизнанку. В действительности все произошло совсем наоборот.

Точно так же газета писала и о концерте Джельсомино. Из статьи можно было узнать, например, что «знаменитый певец за весь концерт не проронил ни звука». Газета помещала также фотоснимок развалин театра с такой подписью: «Как читатель может видеть своими ушами, с театром ровно ничего не случилось».

Читая «Вечернюю ложь», Джельсомино и Цоппино порядком развеселились и смеялись до упаду. В газете была

даже литературная страница, где друзья обнаружили вот такое стихотворение:

В Пистойе как-то повар
Беседовал с лисой:
«Ах, если бы ты знала,
Куда вкуснее сала
Бульон из одеяла,
Когда его хлебают
Лопатою большой!
Ах, если бы ты знала,
Как пользы людям мало
Дает зубная паста!
Тебе ведь нипочем,
Что зубы можно чистить
Железным молотком!
Ну вот и все. И баста».

— Тут нет ответа лисы, — заметил Цоппино, — но я от-
лично представляю, как ей стало смешно.

В этот день на последней странице газеты в конце по-
следней колонки было помещено короткое сообщение со
скромным заголовком «Опровержение».

Джельсомино прочел его:

«Категорически отрицается, что сегодня в три часа но-
чи в Колодезном переулке полиция арестовала синьору те-
тушку Панноккью и ее племянницу Ромолетту. Эти две
особы не были отправлены около пяти часов утра в сумас-
шедший дом, как полагают некоторые». И подпись: «На-
чальник полиции».

— Начальник лгунов! — воскликнул Цоппино. — А эта
заметка означает, что обе они, бедняжки, сидят сейчас в
сумасшедшем доме. Ах, сердце мне подсказывает, что это
случилось из-за меня!

— Смотри, — перебил его Джельсомино, — еще одно
опровержение. Прочти-ка его.

На этот раз опровержение прямо касалось Джельсомино. В нем говорилось:

«Неправда, что полиция разыскивает знаменитого певца Джельсомино. Для этого у полиции нет ни малейшего основания, потому что Джельсомино совсем не обязан отвечать за ущерб, причиненный им городскому театру. Каждый, кто узнает, где скрывается Джельсомино, не должен сообщать об этом полиции под страхом сурового наказания».

— Дело дрянь! — решил котенок. — Тебе, Джельсомино, лучше теперь не показываться на улице. А за новостями отправлюсь я.

Джельсомино не очень-то улыбалось отсиживаться дома, но Цоппино был прав. Когда он ушел, Джельсомино растянулся на кровати и решил, что ему остается набраться терпения и волей-неволей провести весь день в праздности.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

*из которой вы узнаете о том,
что правда в Стране Лгунов — это болезнь*

Мы расстались с тетушкой Панноккьей в тот момент, когда она наслаждалась мяуканьем своих котов. Тетушка была счастлива, словно музыкант, который отыскал вдруг неизвестную симфонию Бетховена, лет сто пролежавшую в ящике стола. А Ромолетту мы оставили в ту минуту, когда она, показав Цоппино дорогу к дому художника, бегом возвращалась домой.

Через несколько минут тетушка и племянница уже спокойно спали в своих постелях. Они и не подозревали, что письма синьора Калимеро привели в движение сложную машину городской полиции. В три часа ночи одно из колес этой машины, а точнее — целый взвод бесцеремонных полицейских ворвался в дом к тетушке Панноккье. Они заставили старую синьору и маленькую девочку быстро одеться и потащили их в тюрьму.

Начальник полиции передал обоих арестованных начальнику тюрьмы и хотел было отправиться спать. Но он совсем забыл, что его коллега отличатся невероятной дошностью.

— Какие преступления совершили эти две особы?

— Старуха учила собак мяукать, а девчонка делала надписи на стенах. Это очень опасные преступники. Я бы на вашем месте посадил их в подземелье и приставил к ним усиленную охрану.

— Я сам знаю, что мне делать, — ответил начальник тюрьмы. — Послушаем-ка, что скажут обвиняемые.

Первой допросили тетушку Панноккью. Арест не испугал ее. Да ничто на свете не могло теперь нарушить ее счастья — ведь семеро ее котов запели наконец своими природными голосами! Тетушка Панноккья очень спокойно ответила на все вопросы.

— Нет, мяукали не собаки. Мяукали коты.

— В донесении говорится, что это были собаки.

— Это были коты. Знаете, из тех, что ловят мышей.

— Вы хотите сказать — львов? Но львов-то ловят как раз собаки.

— Нет, синьор, мышей ловят коты. Коты, которые мяукают. Мои семеро тоже сначала лаяли, как все остальные в городе. Но сегодня ночью они в первый раз замяукали.

— Эта женщина сошла с ума, — сказал начальник тюрьмы. — А таких мы сажаем в сумасшедший дом. Скажите, а правда ли то, что вы нам говорили, синьора?

— Конечно, говорила правду, чистую правду.

— Ну, вот видите, дело ясное! — воскликнул начальник тюрьмы. — У нее буйное помешательство. Я не могу поместить ее к себе. Моя тюрьма — только для нормальных людей. А тем, кто рехнулся, место в сумасшедшем доме.

И, несмотря на все протесты начальника полиции, которому так хотелось поскорее освободиться, чтобы поспать, он перепоручил ему тетушку Панноккью и ее дело. Затем стал допрашивать Ромолетту:

— Правда ли, что ты делала надписи на стенах?

— Да, правда.

— Слышали? — воскликнул начальник тюрьмы. — Она тоже свихнулась. В сумасшедший дом! Забирайте их обеих и оставьте меня в покое. Мне некогда терять время со всякими умалишенными.

Позеленев от злости, начальник полиции посадил обеих пленниц в фургон и повез их в сумасшедший дом. Там от

них не стали отказываться и поместили новых пациенток в большую палату, где уже было много других сумасшедших. Все они попали сюда тоже только за то, что неосторожно сболтнули где-то правду.

Но этой ночью произошли еще и другие интересные события.

Начальник полиции, вернувшись к себе в кабинет, нашел там... кого бы вы думали? Улыбаясь одной из своих самых отвратительных улыбок, теребя в руках шляпу, его поджидал Калимеро Денежный Мешок.

— А вам что угодно?

— Ваше превосходительство, — пробормотал Калимеро, низко кланяясь и еще более расплываясь в улыбке, — я пришел к вам, чтобы получить сто тысяч фальшивых талеров... вознаграждение за то, что я помог арестовать врагов нашего короля.

— Ах, так это вы написали письма? — сказал начальник полиции и на минутку задумался. — А правда ли то, что вы писали?

— Ваше превосходительство, — воскликнул Калимеро, — это истинная правда, клянусь вам!

— Вот как! — в свою очередь воскликнул начальник полиции, и на его лице появилась прехитрая улыбка. — Значит, вы утверждаете, что писали правду? Друг мой, я сразу понял, что вы немного того... А теперь вы сами подтвердили это. Извольте отправляться в сумасшедший дом!

— Ваше превосходительство, что вы! — закричал Калимеро. В отчаянии он швырнул на пол свою шляпу и затопал ногами: — Это несправедливо! Я друг лжи! Я и в письмах писал об этом!

— Друг лжи? И это правда?

— Правда! Клянусь вам! Чистая правда!

— Ну вот, вы снова попались! — торжествующе сказал начальник полиции. — Вы два раза уже поклялись мне, что говорите правду. А теперь перестаньте шуметь и от-

правляйтесь в сумасшедший дом. Там у вас будет достаточно времени, чтобы успокоиться. Пока же вы буйный сумасшедший, и я не имею права оставить вас без надзора. Это значило бы нарушить все правила общественной безопасности.

— Вы хотите прикарманить мои денежки! — закричал Калимеро, барахтаясь в крепких руках дежурных полицейских.

— Вы слышите? У него начинается приступ. Наденьте на него смирительную рубашу и заткните рот. Ну а что касается... кхе-кхе... вознаграждения, то, даю слово, он не увидит ни солядо, пока на моем мундире найдется хоть один карман!

Так и Калимеро, вслед за жертвами своего доноса, попал в сумасшедший дом. Там его, как буйнопомешанного, посадили в отдельную палату, обитую войлоком.

Начальник полиции собрался было наконец соснуть, как вдруг зазвонили телефоны и со всех концов города посыпались сообщения:

— Алло! Полиция? У нас появилась мяукающая собака... Ее слышно по всей округе... Могут быть неприятности... Пришлите срочно кого-нибудь.

— Алло! Полиция? Куда смотрит ваша живодерная команда? У меня в подъезде уже полчаса мяукает какой-то пес. Если он просидит там до утра, никто не посмеет носа высунуть из дома... Чего доброго, он еще кусаться начнет...

Начальник полиции немедленно вызвал два отряда живодеров-полицейских, разделил их на несколько групп и выслал на поиски мяукающих собак, или как вы уже догадались, семи котов тетушки Панноккьи.

Не прошло и получаса, как был схвачен первый нарушитель городского спокойствия. Им оказался маленький котенок. Он до того увлекся мяуканьем, что даже не заметил, как его окружили, а когда увидел наконец вокруг се-

бя много народу, то решил, что люди собрались, чтобы послушать его, и мяукал пуще прежнего.

Один из живодеров, фальшиво улыбаясь, осторожно приблизился к нему, погладил по спинке, а потом быстро схватил за шиворот и сунул в мешок.

Второго из семи котов пришлось стаскивать с мраморной лошади какого-то памятника, откуда он произносил речь перед небольшой группой кошек, призывая их вернуться к мяуканью. Но кошки глядели на него с недоверием, мрачно посмеиваясь, и радостно залаяли, когда оратора взяли в плен.

Третьего кота захватили, подслушав его спор с какой-то собакой.

— Глупая, зачем ты мяукаешь?

— А что я, по-твоему, должна делать? Я кошка, вот и мяукаю, — отвечала собака.

— Ох, какая же ты глупая! Ты когда-нибудь видела себя в зеркале? Ведь ты же собака и должна лаять, а я кот, и мне полагается мяукать. Вот послушай: мяу! мяу! мяу!

Словом, кончили они тем, что поругались, и живодеры без особого труда упрятали в мешок их обоих. Правда, собаку они потом выпустили, потому что она, как и положено, мяукала.

Затем изловили четвертого, пятого и шестого котов.

— Ну а теперь остается только один, — решили вконец измученные живодеры.

И каково же было их удивление, когда через несколько часов они обнаружили не одного, а сразу двух мяукающих котов!

— Их стало больше, — с беспокойством заметил один живодер.

— Должно быть, мяуканье заразительно, — заключил другой.

Из этих двух котов один был воспитанником тетушки Панноккьи, а другой оказался тем самым Тузиком, которого мы встретили в одной из предыдущих глав.

Тузик после некоторых размышлений пришел к выводу, что Цоппино, пожалуй, был прав, когда советовал ему вернуться к мяуканью. Действительно, раз попробовав, он, как ни старался, больше уже не мог залаять. Тузик дал схватить себя без всякого сопротивления. Но седьмой кот, хоть и самый старый из всех, был еще достаточно ловок, чтобы забраться на дерево. Там он почувствовал себя в безопасности и принялся потешаться над своими преследователями. Он чуть с ума их не свел, потому что целый час распевал лучшие арии кошачьего репертуара.

Поглазеть на необычный спектакль собралось много народу. Как это всегда случается, зрители разделились на две партии. Одни, благомыслящие, поторапливали полицейских живодеров, чтобы те поскорее положили конец этому представлению. Другие, озорники, держали сторону кота, подзадоривали его и даже сами подпевали:

— Мяу! Мяу! Мяу!

Вокруг дерева собралось уже множество котов. Они изо всех сил лаяли на своего коллегу: одни — из зависти, другие — от злости... Но то и дело кто-нибудь из них все-таки не выдерживал и тоже начинал мяукать. Полицейские тут же хватали провинившегося и сажали в мешок.

Только с помощью пожарных удалось согнать с дерева упрямого мяукальщика. Пожарные подожгли дерево, и толпа, таким образом, насладились еще и зрелищем небольшого пожара.

Мяукающих котов, когда подсчитали, оказалось целых двадцать штук. Всех их отправили в сумасшедший дом. Ведь они тоже по-своему, по-кошачьи, говорили правду, значит, были сумасшедшими.

Начальник сумасшедшего дома даже растерялся: шутка ли — разместить столько котов! Поразмыслив немного, он решил посадить их в палату к Калимеро Денежному Мешку.

Вы представляете, конечно, как обрадовался жалкий доносчик этой компании, которая напомнила ему о причине всех его несчастий!

За каких-нибудь два часа он и в самом деле сошел с ума и принялся мяукать и мурлыкать. Ему всерьез стало казаться, что он кот. И когда какая-то легкомысленная мышка пробежала по комнате, Калимеро изловчился и первым настиг ее. Но мышка оставила у него в зубах хвостик и юркнула в щель.

Цоппино разузнал все эти новости и уже возвращался домой, как вдруг услышал голос своего приятеля. Джельсомино вовсю распевал одну из своих песенок, доставивших ему столько хлопот.

«На этот раз, — подумал Цоппино, — готов спорить на все три лапы, вместе с той в придачу, что Джельсомино уснул и видит сладкие сны. Если я не поспешу, полицейские разбудят его раньше меня».

Возле дома Цоппино увидел большую толпу, которая собралась, чтобы послушать Джельсомино. Все стояли молча, не двигаясь. Время от времени в соседних домах вылетали стекла, но никто не выглядывал из окон и не учинял скандала. Чудесное пение Джельсомино, казалось, околдовало всех. Цоппино заметил в толпе даже двух молодых полицейских. На их лицах тоже было написано восхищение. Полицейские, как вы сами понимаете, должны были бы схватить Джельсомино, но они и не собирались этого делать.

К сожалению, к дому приближался начальник полиции, прокладывая себе дорогу среди толпы ударами хлыста. У начальника полиции не было музыкального слуха, и пение Джельсомино на него не действовало.

Цоппино вихрем взметнулся по лестнице и пулей влетел на чердак.

— Вставай! Вставай! — замаяукал он и принялся щеко-
тать нос Джельсомино кончиком хвоста. — Концерт окон-
чен! Подходит полиция!

Джельсомино открыл глаза, протер их хорошенько и спросил:

— Где я?

— Могу тебе сказать, где ты сейчас окажешься, если не сдвинешься с места, — ответил Цоппино. — В тюрьме!

— Я опять пел?

— Быстрее! Будем удирать по крышам!

— Ты рассуждаешь как настоящий кот. А я не очень-то привык скакать по черепицам.

— Ничего. Будешь придерживаться за мой хвост.

— А куда побежим?

— Во всяком случае, подальше отсюда. Куда-нибудь да попадем.

Цоппино выпрыгнул из окна каморки прямо на крышу, что была внизу, и Джельсомино оставалось только последовать за ним, закрыв глаза, чтобы голова не кружилась.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

*из которой вы узнаете историю
Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту*

По счастью, дома в городе теснились один к другому, как сельди в бочке, и Джельсомино довольно легко пере-скакивал с крыши на крышу. Что же касается Цоппино, то он предпочел бы, чтобы дома стояли подальше друг от друга: тогда он мог бы совершить хоть один прыжок, достойный его кошачьего звания. Но вдруг у Джельсомино подвернулась нога, он полетел вниз и свалился на небольшую террасу, где какой-то старичок поливал цветы.

— Простите, пожалуйста! — воскликнул Джельсомино, потирая ушибленное колено. — Я совсем не собирался падать к вам таким образом.

— Ну что вы, что вы! — просто ответил старичок. — Я очень рад вашему приходу! Что с вами? Вы ушибли ногу? Надеюсь, ничего страшного?

В это время, свесившись с крыши, на террасу заглянул Цоппино.

— Разрешите? — мяукнул он.

— Ах, еще один гость! — обрадовался старик. — Пожалуйста, пожалуйста! Я очень рад!

Тем временем коленка Джельсомино распухла прямо на глазах.

— Вот только мне очень жаль, — сказал старик, — что у меня нет ни одного стула, чтобы усадить вас.

— Тогда давайте положим его на кровать, — предложил Цоппино, — если вы не возражаете, конечно.

— Беда в том, что у меня и кровати нет, — ответил старик, совсем расстроившись. — Я сейчас схожу к соседу и попрошу у него кресло.

— Нет-нет, — поспешно вмешался Джельсомино, — мне совсем неплохо и на полу.

— Тогда зайдите в комнату, — пригласил старик, — и будьте как дома, а я тем временем приготовлю кофе.

Комната старика была маленькой и чистенькой. Мягко поблескивала скромная мебель — стол, буфет, шкаф. Но не было ни одного стула, не было и кровати.

— А что, разве вы никогда не садитесь? — спросил Цоппино старика.

— Нет, не приходится, — ответил он.

— И не спите?

— Почему же, сплю иногда. Стоя. Правда, очень редко. Не больше двух часов в неделю.

Цоппино и Джельсомино переглянулись, как бы говоря друг другу: «Ну, держись, сейчас он наплетет нам с три короба...»

— Простите за нескромный вопрос, — продолжал Цоппино, — а сколько вам лет?

— Точно я и сам не знаю. Родился я лет десять тому назад, но сейчас мне, должно быть, не то семьдесят пять, не то семьдесят шесть.

По лицам гостей старик понял, что они не очень-то верят ему.

— Нет, я не лгу, — вздохнув, сказал он, — это неправдоподобная история, но в ней нет ни капли вымысла. Если хотите, я расскажу вам ее, пока варится кофе.

— Мое настоящее имя, — начал он, — Бенвенуто, но люди зовут меня Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту...

И старичок рассказал, что он родился в семье старьевщика. Такого резвого и живого ребенка еще никому не до-

водилось видеть. Едва он появился на свет, как выскочил из пеленок и стал бегать по комнате. Вечером Бенвенуто положили в люльку, а утром обнаружили, что люлька уже мала ему и ноги мальчика торчат из нее.

— Видно, — сказал старьевщик, — он торопится вырасти, чтобы скорее помогать семье.

Вечером Бенвенуто раздевали и клали в постель, а утром вчерашняя одежда уже не годилась ему — башмаки жали, а рубашки не налезали.

— Ну, это не так страшно, — говорила мать, — чего, чего, а уж тряпки-то в доме старьевщика всегда найдутся. Сейчас я сошью ему новую рубаху.

За какую-то неделю Бенвенуто так вырос, что соседи посоветовали отправить его в школу. Мать послушалась и повела Бенвенуто к учителю, но тот не на шутку рассердился:

— Почему вы не привели его пораньше? Ведь сейчас уже зима. Кто же начинает учиться в середине учебного года?

Но когда мать объяснила ему, что Бенвенуто всего семь дней, учитель рассердился еще больше:

— Семь дней? Уважаемая синьора, здесь — не ясли, а я — не нянька! Приходите через семь лет, тогда и поговорим.

Но тут он поднял свой нос от классного журнала и увидел, что Бенвенуто куда выше ростом любого из его учеников. Тогда он посадил мальчика на последнюю парту и принялся объяснять классу, что дважды два — четыре.

В полдень зазвенел звонок, все школьники вскочили из-за парт и выбежали из класса. Только Бенвенуто остался сидеть на своем месте.

— Бенвенуто, — позвал его учитель, — надо проветрить класс.

— Но мне не встать, синьор учитель.

Действительно, за четыре урока он так вырос, что крепко-накрепко застрял в парте. Пришлось позвать слугу, чтобы он помог ему выбраться.

На следующее утро для Бенвенуто поставили парту побольше, но, когда наступил полдень, он опять не смог встать. И эта парта стала ему тесна. Бенвенуто сидел в ней, словно мышь в мышеловке.

Пришлось позвать столяра, и тот расколол парту на части. Учитель тут просто за голову схватился.

— Завтра принесем для тебя парту из пятого класса, — сказал он и тут же отдал распоряжение.

— Ну как теперь? — спросил он, когда парту принесли.

— Хорошо! Совсем свободно! — радостно ответил Бенвенуто, и, чтобы ему поверили, он несколько раз встал и сел. Но с каждым разом вставать ему было все труднее и труднее. И в двенадцать часов, когда прозвенел звонок, все повторилось сначала, и опять пришлось звать столяра.

Директор школы и мэр города возмутились.

— Что случилось, синьор учитель? Вы разучились поддерживать дисциплину в классе! Почему в этом году парты у вас колются, словно орехи? Вам нужно как следует взяться за своих сорванцов. Мы не в состоянии каждый день покупать новые парты!

Старьевщику пришлось отвести своего сына к доктору и рассказать ему все, как было.

— Посмотрим, посмотрим, — сказал доктор.

Он надел очки, чтобы лучше видеть, и измерил рост Бенвенуто.

— Теперь, — сказал он, — садись.

Бенвенуто уселся на стул. Доктор подождал, пока пройдет минута, и сказал:

— Встань.

Бенвенуто встал, и доктор снова измерил его вдоль и поперек.

— Гм, — сказал он и, не поверив тому, что видит, протер очки платком.

— Присядь-ка еще разок.

Он проделал так несколько раз и наконец заключил:

— Это очень интересный случай. Мальчик болен какой-то новой болезнью. До сих пор еще никто не болел ею. Болезнь заключается в том, что, когда ребенок сидит, он быстро стареет. Каждая минута, проведенная сидя, равна для него целому месяцу. А лечение простое — нужно всегда быть на ногах, иначе за несколько недель мальчик превратится в белобородого старика.

После этого дня жизнь Бенвенуто совершенно переменялась. В школе ему сделали особую парту, без сиденья, чтобы он даже не пытался присесть. Дома его заставляли есть стоя. А вздумай он хоть минутку отдохнуть у камина, как тотчас раздавалось:

— Что ты делаешь! Захотел состариться раньше времени? Вставай, вставай! Посесть хочешь?

Ну а кровать?

Никаких кроватей, если он не хотел проснуться седым стариком. Пришлось Бенвенуто научиться спать стоя, как спят лошади. Вот из-за всего этого люди и прозвали его Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту. Прозвище это так и осталось за ним на всю жизнь.

Но вот в один несчастный день заболел отец Бенвенуто. Вскоре, почувствовав, что умирает, он позвал к себе сына.

— Бенвенуто, — сказал он, прежде чем навсегда закрыть глаза, — теперь твой черед помогать матери. Она старенькая и не может больше трудиться. Найди себе хорошую работу. Она не принесет тебе вреда. Наоборот, благодаря работе ты долго будешь оставаться молодым. Ведь у тебя не будет времени, чтобы сидеть сложа руки.

На другой день Бенвенуто отправился искать работу. Но люди смеялись ему в лицо:

— Работу, говоришь? Нет, сынок, у нас не играют ни в мяч, ни в кегли. Ты еще слишком мал, чтобы работать на фабрике.

— Работу? Но ведь нас оштрафуют. Закон запрещает брать па работу детей...

Бенвенуто не стал спорить. Он тут же нашел выход из положения. Вернувшись домой, он уселся перед зеркалом и стал ждать.

— Доктор говорил, что стоит мне присесть, как я поста-рею. Посмотрим, правда ли это...

Через несколько минут он заметил, что растет, — стали жать башмаки. Он скинул их и принялся рассматривать свои ноги — те удлинялись прямо на глазах. Когда же Бенвенуто опять взглянул в зеркало, то страшно удивился:

— Кто этот черноусый юноша, что смотрит на меня? Мы, кажется, знакомы. Я где-то видел его...

Наконец он понял и рассмеялся:

— Да это же я! Я — только совсем взрослый! Но теперь лучше будет встать. Больше стареть, пожалуй, не стоит.

Он не стал больше обивать пороги фабрик, а просто выкатил из сарая отцовскую тележку и двинулся с ней по улице, громко крича на ходу:

— Тряпки-лохмотья! Тряпки-лохмотья!

— Какой славный молодой человек! Откуда ты пришел в наши края? — спрашивали соседи, выглядывая из окон на его голос.

— Бенвенуто-не-присядь-ни-на-мипуту, это ты?!

— Да, соседи, это я! Я задремал на стуле и проснулся уже усатым!

Так Бенвенуто начал трудиться. И все люди любили его. Бенвенуто всегда был на ногах, всегда что-нибудь делал, всегда готов был каждому помочь — как тут не стать всеобщим любимцем! Однажды его хотели даже выбрать в мэры города.

— Вот такой человек нам и нужен — чтобы не любил засиживаться в кресле.

Но Бенвенуто не захотел стать мэром. А потом умерла и его мать, и тогда он подумал:

«Теперь я совсем один. Сидеть без дела я все равно не смогу, потому что быстро состарюсь. Пойду-ка лучше бродить по свету, посмотрю, где что делается».

Так он и сделал: взял тележку с тряпками и не долго думая отправился в дорогу. Счастливым, он дни и ночи мог шагать без усталости. Немало интересного увидел он на своем пути, немало людей повстречал.

— Ты очень славный парень, — говорили ему встречные, — присядь, поболтай с нами.

— Поболтать можно и стоя, — отвечал Бенвенуто.

Шел он, шел и все не старел. Но вот однажды проходил он мимо какой-то бедной лачуги и, заглянув в окно, увидел картину, от которой у него сжалось сердце. В кровати лежала большая женщина, а на полу возились маленькие ребятишки. Они ревели во все горло, стараясь перекричать друг друга.

— Молодой человек, — сказала женщина, увидев его, — если вы не очень торопитесь, зайдите на минутку к нам в дом. Мне не пошевеливаться, и я не могу укачивать детей, а каждая их слеза для меня все равно что нож в сердце.

Бенвенуто вошел в комнату, взял на руки одного из малышей, походил с ним взад и вперед и убаюкал его. Таким же манером он успокоил и остальных. Но последний, самый маленький, никак не хотел засыпать.

— Присядьте на минутку, — посоветовала женщина, — и поддержите его на руках. Присядьте и увидите — он уснет.

Бенвенуто сел на скамеечку около очага, и плакавший ребенок сразу же утих. Он был такой славный, что Бенвенуто принялся играть с ним и даже спел ему песенку.

— Спасибо вам от всего сердца! — сказала женщина, когда ребенок уснул. — Я уже так отчаялась, что мне и жизнь не мила стала.

— О, не говорите таких вещей даже в шутку! — ответил Бенвенуто.

Собираясь уходить, он случайно взглянул в зеркало на стене и увидел у себя седую прядь волос.

«Я и забыл совсем, что старею, когда сижу», — мелькнуло у Бенвенуто. Но потом он расправил плечи, еще раз взглянул на сладко спавших детей и пошел своей дорогой.

В другой раз он проходил ночью через какую-то деревушку и, увидев в одном из домиков свет, заглянул в окно. В комнате стоял ткацкий станок, а за ним работала девушка и тяжело вздыхала.

— Что с вами? — спросил ее Бенвенуто.

— Ох, я не сплю уже третью ночь... А к завтрашнему дню мне непременно нужно соткать этот коврик. Если я не успею, мне ничего не заплатят, и тогда всей нашей семье придется голодать. У меня могут даже отнять станок. Ах, чего бы я только не отдала, чтобы поспать хоть полчаса!

«Полчасика — это всего тридцать минут, — подумал Бенвенуто. — Пожалуй, тридцать минут я вполне мог бы поработать за девушку».

— Знаете что, — сказал он вслух, — идите-ка спать, а я заменю вас. Мне почему-то нравится этот станок. А через полчаса я вас разбужу.

Девушка прилегла на лавку и в ту же минуту уснула. Бенвенуто начал работать. Прошло полчаса, но разбудить девушку он не решился. Каждый раз, когда он подходил к ней, ему казалось, что ей снятся прекрасные сны.

Занялся рассвет, взошло солнце и разбудило девушку.

— Я проспала всю ночь! А вы работали!

— Э, пустяки! Я не скучал.

— У вас даже голова запылилась...

«Трудно сказать, на сколько лет я постарел сегодня», — подумал Бенвенуто, но не почувствовал никакого сожаления. Он успел соткать коврик, и девушка была теперь самым счастливым человеком на свете.

В другой раз Бенвенуто довелось повстречаться с одним старым-престарым стариком.

— Мне так жаль, — говорил старик вздыхая, — мне так жаль, что приходится умирать, не сыграв напоследок в карты. Все мои друзья уже умерли.

— Ну а если дело только за этим, — сказал Бенвенуто, — то в подкидного я тоже умею.

И они стали играть. Бенвенуто не хотел садиться, но старик вдруг раскричался на него:

— Ты нарочно остался стоять, чтобы подсматривать сверху в мои карты! Хочешь нечестно обыграть меня! Хочешь воспользоваться тем, что я бедный, несчастный старик!

И Бенвенуто, как упал от неожиданности на стул, так и не вставал с него до конца игры. Он так растерялся, что перепутал карты и проиграл. А старик потирал руки от удовольствия, словно мальчишка, наворовавший груш.

— Еще разок! — весело предложил он.

Бенвенуто хотел было подняться с этого стула, который отнимал у него дни, месяцы, а может быть, и годы жизни, но ему жаль было огорчать бедного старика. Он продолжал сидеть и проиграл во второй раз, а затем и в третий. Старик, казалось, помолодел от радости.

— Эти годы он взял у меня, — пробормотал Бенвенуто, глядя на себя в зеркало. Волосы его словно покрылись инеем. — Ну ничего, — утешал он себя, — кто знает, сколько уже времени этот старик мечтал поиграть в карты...

И так каждый раз, когда нашему Бенвенуто случалось присесть, чтобы помочь кому-нибудь, у него седали волосы. Потом постепенно согнулась спина, точно дерево под сильным ветром, и потускнели глаза. Бенвенуто-не-при-

сядь-ни-на-минуту старел. Скоро у него уже не осталось ни одного темного волоса. Люди, знавшие его историю, говорили:

— Много же пользы принесли тебе твои добрые дела, Бенвенуто! А ведь думай ты только о себе — был бы ты сейчас молодым парнем.

Но Бенвенуто не соглашался с такими речами. Каждый седой волос напоминал ему о каком-нибудь добром деле. Так о чем же ему было жалеть?!

— Ты мог бы сохранить жизнь для себя, а не раздавать ее всем понемножку, — говорили ему соседи.

Но Бенвенуто только улыбался и качал головой. Он думал о том, что каждый седой волос помог ему найти нового друга, и таких друзей у него были тысячи и тысячи. Бенвенуто не знал устали в своих странствиях, хоть и опирался теперь на палку и часто останавливался, чтобы передохнуть.

— Скитался я, скитался, попал вот в эту страну и решил в ней поселиться, — закончил свой рассказ Бенвенуто, — и здесь я продолжаю заниматься отцовским ремеслом — ремеслом старьевщика.

— Но ведь на свете сколько угодно других стран, — удивился Цоппино, — почему бы вам не выбрать какую-нибудь получше этой?

Бенвенуто улыбнулся:

— В этой стране люди нуждаются в моей помощи больше, чем в любой другой. Это ведь самая несчастная страна на свете. Значит, тут мне и место.

— Как это верно! — воскликнул Джельсомино. Он расстрогался до слез, слушая рассказ старика. — Вот самый правильный путь! Теперь я знаю, что мне делать с моим голосом. Он должен помогать людям, а не приносить им несчастье.

— Ну, это тебе будет нелегко, — заметил Цоппино, — например, не вздумай напевать колыбельную песенку —

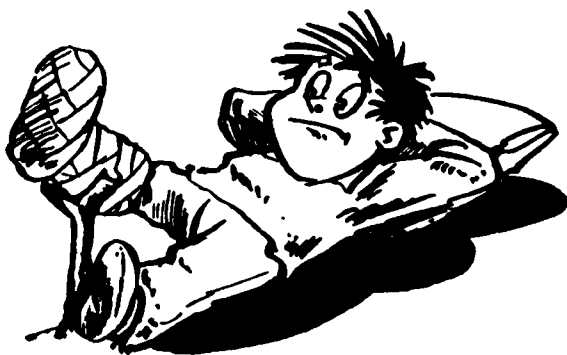
детишки только пуще разревутся. Ведь твой голос способен перебудить целую страну.

— Но будить спящих тоже бывает иногда очень полезно, — заметил Бенвенуто.

— Этим я и займусь! — решительно заявил Джельсомино.

— Нет, сначала ты займешься своим коленом, — сказал Цоппино.

Колено действительно все распухало и распухало. Джельсомино уже не мог ни ходить, ни стоять. Тогда решили, что он, пока не поправится, будет жить у Бенвенуто. Ведь он почти никогда не спал и мог позаботиться о том, чтобы Джельсомино не распевал во сне и не угодил таким образом в лапы полиции.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

*в которой Бананито переселяется в тюрьму
и готовит себе завтрак при помощи карандаша*

Бананито, как вы помните, вышел рано утром из дому и пошел куда глаза глядят. У него не было никаких определенных планов. Просто ему хотелось поскорее что-нибудь нарисовать, чтобы показать всем свое мастерство.

Привратники, орудуя шлангами, поливали водой улицы. Они перебрасывались шутками с рабочими, которые, нажимая на педали велосипедов, спешили на фабрику, ежеминутно рискуя попасть под холодный душ. Утро было ясным и светлым. Бананито чувствовал, как в его голове бродят тысячи великолепных замыслов. Внезапно ему почудился необыкновенный аромат и показалось, что среди булыжников мостовой вдруг распустились мириады фиалок.

«Вот самое лучшее из того, что я мог бы сделать!» — решил Бананито. И там же, где стоял, около ограды какой-то фабрики, он уселся на тротуар, достал из коробки кусок мела и принялся за работу. Вокруг сразу же столпились рабочие.

— Готов спорить, — сказал один из них, — что сейчас он нарисует кораблик или каких-нибудь голубков. Только где же собака, что держит шапку для подаяния?

— Я слышал однажды, — сказал другой рабочий, — такую историю. Какой-то художник провел на земле красную черту. Люди, что собрались вокруг, стали ломать себе голову, соображая, что бы это значило.

— Ну и что же?

— Спросили наконец у художника. И он ответил: «Я хочу посмотреть, кто из вас сможет пройти под этой чертой, а не над ней». Потом он надел шляпу и ушел. Он, наверное, был немножко...

— Ну, этот, пожалуй, еще в своем уме, — перебил кто-то. — Посмотрите.

Бананито ни на секунду не отрывался от работы и рисовал так быстро, что трудно было уследить за его рукой. И на тротуаре в точности так, как он задумал, возникла целая клумба настоящих фиалок. Это был всего лишь рисунок, но такой прекрасный, что воздух внезапно оказался напоенным ароматом цветов.

— Мне кажется, я чувствую запах фиалок, — прошептал один из рабочих.

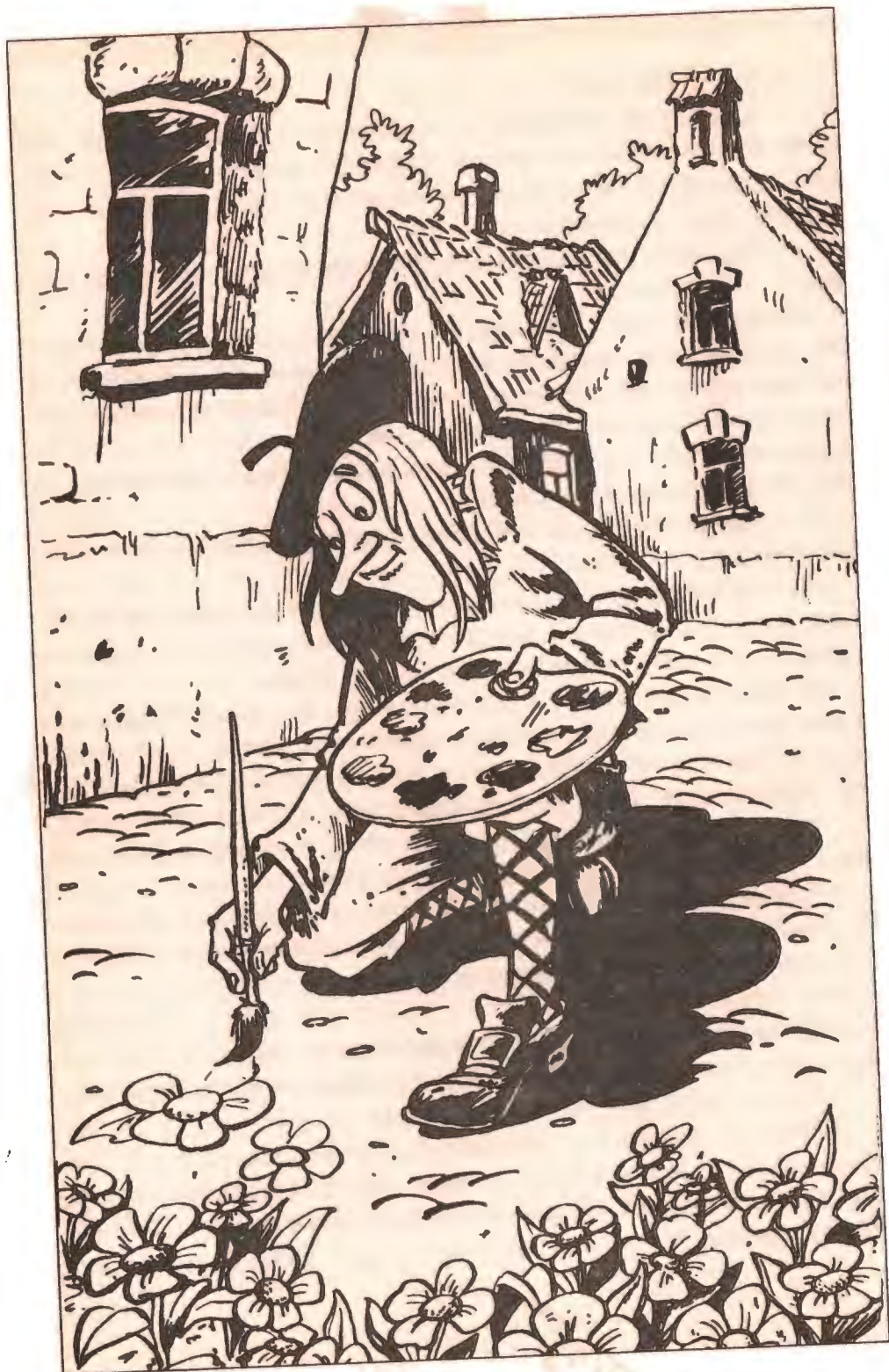
— Скажи лучше — запах тыквы, а не фиалок, не то тебя в два счета упрячут в кутузку, — посоветовал ему товарищ. — Но запах чувствуется — это верно!

Все молча стояли вокруг Бананито. Было так тихо, что слышалось даже, как поскрипывает его мелок. С каждым новым штрихом, ложившимся на тротуар, аромат фиалок все усиливался. Рабочие заволновались. Они переминались с ноги на ногу, перекладывали свертки с завтраками из руки в руку, делали вид, будто проверяют, хорошо ли накачаны шины велосипедов, но не упускали из виду ни одного движения Бананито и только потягивали носами, чтобы полнее насладиться чудесным ароматом, который так радовал сердце.

Взвыл заводской гудок, призывавший их на работу, но никто не двинулся с места. Кругом только и раздавалось: «Молодчина! Вот это молодчина!»

Бананито оторвался наконец от работы, взглянул на собравшихся и прочел в их глазах столько благодарности, что даже смутился. Он собрал свои краски и поспешно зашагал прочь.

Один из рабочих догнал его:

— Что с тобой? Куда ты? Подожди минутку, сейчас мы вывернем карманы и отдадим тебе все наши деньги. Никому из нас еще не доводилось видеть такие замечательные рисунки.

— Спасибо, — пробормотал Бананито, — большое спасибо!

И он поспешил на другую сторону улицы, чтобы поскорее остаться одному. Сердце его билось так сильно, что куртка на груди приподнималась, как будто под нею прятался котенок. Бананито был по-настоящему счастлив. Он долго бродил по городу, не решаясь, однако, приняться за какой-нибудь новый рисунок. В голове у него возникали сотни замыслов, но он отбрасывал их один за другим. Наконец, увидев бродячую собаку, Бананито окончательно понял, что ему следует делать. Он уселся тут же, на тротуаре, и стал рисовать.

В Стране Лгунов всегда найдутся люди, которым нечего делать и которые поэтому слоняются по улицам. Это профессиональные прохожие или, попросту говоря, безработные. Около Бананито опять собралась небольшая группа зрителей, и они стали отпускать замечания на его счет:

— До чего же горазд на выдумки! Вздумал рисовать кошку, как будто их и так мало в городе.

— Это не простая кошка, — весело сказал Бананито.

— Слышали? Он рисует особенную кошку! В наморднике, что ли, будет твоя кошка?

Споры прекратились как по волшебству, когда Бананито в последний раз провел кистью по хвосту своей собаки, и та, вскочив с земли, залилась веселым лаем. Толпа испустила крик изумления. В ту же минуту прибежал полицейский:

— Что такое? Что случилось? Ага, вижу! Даже слышу! Лающая собака! Как будто с нас мало было мяукающих котов! Чья она?

Толпа поспешно разошлась, чтобы не отвечать ему. Только один, бедняга, не смог увернуться, потому что стоял рядом, и полицейский ухватил его за рукав.

— Это его кошка, — ответил он и, показав на Бананито, опустил глаза.

Полицейский отпустил парня и вцепился в художника:

— Ну-ка, отправляйся со мной!

Бананито ничего не оставалось делать. Он собрал свои краски и, ничуть не огорчившись, последовал за полицейским. А собака, повиливая хвостом, отправилась по своим делам.

Художника посадили в тюремную камеру и велели ждать, пока его допросит начальник полиции. У Бананито горели руки, так ему хотелось поработать. Он нарисовал небольшую птичку и подбросил ее в воздух. Но птичка не улетела. Она уселась ему на плечо и стала ласково покле-вывать его ухо.

— А, ты, наверное, хочешь есть! — догадался Бананито.

Он нарисовал птичке горстку зернышек проса и вспомнил при этом, что и сам еще не завтракал.

«Яичницы из двух яиц мне бы вполне хватило. И пожалуй, неплохо было бы съесть большой спелый персик», — подумал он и нарисовал все, что ему хотелось.

Скоро аппетитный запах яичницы распространился по камере, проник за дверь и защекотал ноздри стражника.

— Гм, как вкусно пахнет! — сказал стражник, потягивая носом и стараясь подольше насладиться запахом.

Но потом он забеспокоился и открыл глазок камеры. Увидев заключенного, который с аппетитом уплетал яичницу, стражник окаменел от изумления. В таком положении его и застал начальник стражи.

— Замечательно! Оказывается, заключенным теперь носят обеды из ресторана!

— Я не... я не... — только и мог пролепетать стражник.

— Ты не знаешь порядка! Хлеб и вода! Вода и хлеб! И ничего больше!

— Я не знаю, откуда у него все это, — промолвил наконец стражник, — может быть, яйца были у него в кармане...

— Ну да, а жаровня, на которой он их поджарил? Тоже была у него в кармане? Я вижу, стоит мне отлучиться, как в тюремных камерах появляются кухонные плиты...

Но начальнику стражи тут же пришлось признать, что никакой плиты в камере нет и в помине. А Бананито, чтобы выручить стражника, решил рассказать, каким образом он приготовил себе завтрак.

— Ну нет, я не такой дурак! Меня не проведешь! — сказал начальник стражи, с недоверием выслушав художника. — А прикажи я тебе подать камбалу в красном вине, что бы ты стал делать?

Вместо ответа художник взял лист бумаги и принялся рисовать заказанное блюдо.

— Как угодно, с петрушкой или без нее? — поинтересовался он между прочим.

— С петрушкой, — посмеиваясь, ответил начальник стражи. — Ты и впрямь принимаешь меня за дурака. Ну ничего, когда закончишь, я заставлю тебя самого съесть этот лист бумаги!

Но когда Бананито кончил рисовать, от рисунка повалил вкусный пар и все почувствовали запах жареного, а через несколько мгновений камбала в красном вине уже дымилась на столе и, казалось, так и просила: «Съешь меня! Съешь меня!»

— Приятного аппетита! — сказал Бананито начальнику стражи, у которого от изумления глаза на лоб вылезли. — Ваш заказ выполнен.

— Мне... что-то... не хочется есть, — пробормотал тот, с трудом приходя в себя от удивления. — Отдай камбалу стражнику и следуй за мной!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

*в которой Бананито становится министром
и тут же впадает в немилость*

Начальник стражи вовсе не был глупцом. Напротив, он был хитрым пройдохой.

«За этого человека, — рассуждал он, сопровождая Бананито в королевский дворец, — можно получить столько золота, сколько он весит. Даже, может быть, на несколько центнеров побольше. Сундук у меня достаточно глубок, так почему бы не отправить в него несколько мешков золота? Ведь места оно не пролежит... Король наверняка щедро наградит меня».

Но надежды его не оправдались. Король Джакомоне, как только узнал, в чем дело, повелел немедленно привести к нему художника. А с начальником стражи обошелся весьма сурово и, лишь отпуская его, изрек:

— За то, что ты нашел этого человека, жалую тебе Большую Фальшивую медаль!

«Как же, нужна мне твоя медаль... — проворчал начальник стражи, — у меня их уже две дюжины, и все картонные. Будь у меня дома хромоногие столы, можно было бы подкладывать эти медали под их ножки, чтоб не шатались».

Пусть себе начальник стражи бормочет все, что ему хочется. Оставим его в покое и посмотрим лучше, как встретились Бананито и король Джакомоне.

Художник ничуть не растерялся в присутствии столь высокой особы и спокойно ответил на все его вопросы. Разговаривая с Джакомоне, Бананито любовался его прекрасным оранжевым париком, который сиял на голове короля, словно груды апельсинов на прилавке.

— Что это ты так разглядываешь? — спросил король.

— Ваше величество, я люблюсь вашими волосами.

— Гм! А ты мог бы нарисовать такие же хорошие волосы? — Джакомоне вдруг загорелся надеждой, что Бананито нарисует волосы прямо на его лысине, они станут настоящими и их не придется убирать на ночь в шкаф.

— Столь же прекрасные, конечно, нет! — ответил Бананито, думая доставить королю удовольствие этим комплиментом.

В глубине души он немного сочувствовал ему, как всякому человеку, страдающему из-за своей лысины. Ведь столько людей обрезают волосы только для того, чтобы не причесывать их. К тому же о людях не судят по цвету волос. Будь у Джакомоне самые настояще черные волнистые кудри, все равно он остался бы таким же пиратом и негодяем, каким был.

Джакомоне горестно вздохнул и решил, что велит расписать свою лысину в другое время.

«Лучше, пожалуй, — подумал он, — сначала использовать его как-нибудь иначе. Можно, например, с его помощью прослыть в истории великим королем!»

— Я назначаю тебя, — сказал он художнику, — министром зоологического сада. Около дворца есть чудесный парк, но в нем нет никаких зверей. Ты должен нарисовать их. И смотри: никого не забудь, иначе...

«По правде говоря, лучше уж быть министром, чем сидеть в тюрьме», — рассудил Бананито. И еще до захода солнца на глазах у изумленных зрителей он нарисовал сотни различных животных, которые тут же оживали. Это были львы, тигры, крокодилы, слоны, попугаи, черепахи,

пеликаны... И еще были собаки, много-много собак — дворняжки, лайки, борзые, таксы, пудели... Все они, к великому ужасу придворных, громко лаяли.

— Чем только все это кончится? — перешептывались придворные. — Его величество позволяет собакам лаять! Это же против всяких законов! Наслушавшись собачьего лая, народ, чего доброго, наберется опасных мыслей!

Но Джакомоне распорядился не беспокоить Бананито и разрешил ему делать все, что он захочет. Поэтому придворным оставалось только давиться от злости.

Животные, по мере того как Бананито создавал их, занимали свои места в клетках. В бассейнах теперь плавали белые медведи, тюлени и пингвины, а по аллеям бегали сардинские ослики — те самые, на которых обычно катают в парках детей.

В этот вечер Бананито не вернулся в свою каморку. Король отвел ему комнату в своем дворце. Опасаясь, как бы художник не сбежал, Джакомоне приставил к нему на ночь десять стражников.

На другой день, когда Бананито нарисовал всех животных, какие есть на свете, и в зоопарке уже больше нечего было делать, король назначил его министром съестных припасов (или, как он выразился, министром канцелярских товаров).

Перед воротами дворца поставили стол с кистями и красками и посадили за него Бананито. А горожанам сказали, что они могут просить у художника любое кушанье, какое только захотят.

Вначале многие попали впросак. Просили, например, у Бананито чернил, подразумевая хлеб (как и полагалось по «Словарю Лгунов»), — художник и рисовал бутылку чернил, да еще поторапливал:

— Ну кто там следующий?

— На что она мне? — восклицал раздосадованный проситель. — Я же не могу ни съесть, ни выпить эти чернила!

Так что очень скоро люди поняли: хочешь получить от Бананито что-либо, называй вещи настоящими именами, хоть они и запрещены.

Придворные просто из себя выходили от возмущения.

— Куда же это годится?! Чем дальше, тем хуже! — шипели они, позеленев от злости. — Это плохо кончится! Еще немного — и люди перестанут лгать! Что стряслось с нашим королем?

А король Джакомоне все ждал, когда к нему явится мужество, чтобы попросить художника нарисовать настоящие волосы. «Тогда можно будет не бояться ветра», — думал он и тем временем позволял Бананито делать все, что ему заблагорассудится. Придворные были вне себя от негодования.

Королевские генералы — те тоже не находили места от ярости.

— В кои-то веки в наших руках оказался такой человек, как этот художник, и что же? Как мы его используем? Яичницы, цыплята, мешки жареной картошки, горы шоколада... Пушки нам нужны, пушки! Тогда мы создадим непобедимую армию и раздвинем границы нашего государства!

Один самый воинственный генерал отправился к королю и рассказал ему об этих планах. У старого пирата Джакомоне закипела кровь.

— Пушки! — обрадовался он. — Конечно, пушки! И корабли, самолеты, дирижабли... Клянусь рогами дьявола! Позвать сюда Бананито!

Уже много лет подданные не слышали, чтобы король вспоминал рога дьявола. Это было его самое любимое ругательство в те времена, когда он, стоя на капитанском мостике, воодушевлял своих пиратов ринуться на abordаж какого-нибудь незащищенного судна.

Тотчас же прекратили раздачу съестного и привели Бананито к Джакомоне. Слуги уже развесили на стенах ком-

наты географические карты и приготовили коробку с флажками, чтобы отмечать места будущих сражений и побед.

Бананито спокойно выслушал все, что ему сказали, не прерывая разгоревшихся вокруг него споров. Но когда ему вручили бумагу и карандаш, чтобы он тут же, без промедления, начал отливать пушки, Бананито взял большой лист бумаги и огромными буквами написал на нем только одно слово: «Нет!» Затем он пронес этот лист по всему залу, чтобы все увидели его ответ.

— Синьоры, — сказал он затем, — хотите кофе? Пожалуйста, в одну минуту я приготовлю вам его. Хотите лошадей, чтобы поохотиться на лисиц? Могу нарисовать вам самых лучших чистокровных скакунов. Но о пушках лучше забудьте. Пушек вы никогда от меня не получите!

Вот когда разразился настоящий скандал! Все закричали, зашумели, застучали кулаками по столу. Только один Джакомоне, чтобы не ушибить руку, подозвал слугу и стукнул по его спине.

— Голову! Отрубить ему сейчас же голову! — кричали придворные со всех сторон.

— Лучше сделаем так, — рассудил Джакомоне. — Пока что не будем лишать его головы. Дадим ему время привести ее в порядок. По-моему, ясно как день, что этот человек не в своем уме. Наверное, именно поэтому он и рисует такие прекрасные картины. Посадим-ка его на некоторое время в сумасшедший дом.

Придворные стали было ворчать, что это слишком мягкое наказание. Но они понимали: Джакомоне еще надеется обзавестись настоящими волосами — и умолкали.

— Пока же, — продолжал Джакомоне, — запретить ему рисовать!

Так Бананито тоже оказался в сумасшедшем доме. Художника посадили в отдельную палату и не оставили ему ни бумаги, ни карандаша, ни кисти, ни красок. В палате

не нашлось даже ни кусочка кирпича или мела, потому что стены были обиты войлоком. И так как Бананито оставалось рисовать только кровью, то он решил отложить на время работу над своими шедеврами.

Он растянулся на скамье, закинул руки за голову и стал смотреть в потолок. Потолок был совершенно белый, но Бананито видел на нем чудесные картины — те, которые он непременно напишет, едва только окажется на свободе. А в том, что он будет освобожден, Бананито нисколько не сомневался. И он был прав, потому что кое-кто уже позаботился о его спасении. Вы, конечно, догадались, что это был Цоппино.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

в которой Цоппино снова становится рисунком

Когда в доме Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту, где Джельсомино лечил свое колено, узнали, что художник Бананито сделался министром, котенок решил отправиться к нему, чтобы подать прошение об освобождении тетушки Панноккьи и Ромолетты. Но, к сожалению, опоздал. Когда он добрался до дворца, художника там уже не было.

— Хочешь взглянуть на Бананито, — посмеиваясь, сказал ему стражник, — так ступай в сумасшедший дом. Правда, еще неизвестно, пустят ли тебя туда. Разве только если ты тоже не в своем уме.

Цоппино долго соображал, притвориться ли ему помешанным, чтобы попасть в сумасшедший дом, или лучше поискать туда какую-нибудь другую дорогу.

— Ну, лапки мои, выручайте, — сказал он наконец. — Теперь вчетвером вам будет немного полегче карабкаться по стенам.

Сумасшедший дом, вернее, сумасшедшие помещались в мрачном, похожем на замок здании, окруженном глубоким рвом с водой. Цоппино пришлось принять небольшую ванну. Он бросился в воду, переплыл ров, вскарабкался по стене, юркнул в первое же открытое окошко и очутился на кухне. Все повара и слуги в это время спали, и тут был только маленький поваренок, которому велели вымыть пол. Увидев Цоппино, он закричал:

— Брысь! Брысь! Вон отсюда, противный котенок! Пора бы уже знать, что здесь не бывает объедков!

Несчастный поваренок вечно страдал от голода и съедал все кухонные отходы до последней рыбной косточки. Поэтому он и поспешил выгнать котенка. В страхе, что тот утащит у него что-нибудь, поваренок открыл дверь и выпустил его в коридор.

Направо и налево нескончаемо тянулись палаты сошедших с ума, а точнее говоря, совершенно здоровых заключенных. Вся их болезнь состояла лишь в том, что они неосторожно сболтнули где-то правду и попались при этом ищейкам Джакомоне.

Некоторые палаты были без дверей и отделялись от коридора лишь толстой железной решеткой; другие, напротив, имели тяжелые железные двери с маленькими окошками для передачи пищи. Заглянув в одно из этих окошек, Цоппино увидел семерых котов тетушки Панноккьи и, что удивило его гораздо больше, своего старого знакомого Тузика. Коты спали вповалку прямо друг на друге и видели, должно быть, прекрасные сны. У Цоппино не хватило мужества разбудить их, тем более что в этот момент он все равно ничем не мог им помочь. В той же палате, как вы знаете, сидел и Калимеро Денежный Мешок. Калимеро не спал и, увидев Цоппино, стал умолять его:

— Приятель, раздобудь-ка мне мышку, а? Ведь ты разгуливаешь на свободе! Одну-единственную мышку! Как давно уже я не держал в своих когтях мыши!

«Вот это настоящий сумасшедший!», — подумал Цоппино и закрыл окошко. Он не был знаком с Калимеро.

В конце коридора находилась самая большая палата, в которой было заперто человек сто. Среди них были и тетушка Панноккья с Ромолеттой. Если бы в палате горел свет, Цоппино увидел бы их. А если б к тому же тетушка Панноккья не спала, она непременно схватила бы

Цоппино за хвост по своей старой привычке. Но свет не горел, и тетушка Панноккья спала крепким сном. Цоппино на цыпочках пробрался через палату и вышел на лестницу, которая вела наверх. Там после долгих поисков он отыскал наконец палату, в которую упрятали Бананито.

Художник спокойно спал, закинув руки за голову, и видел во сне великолепные картины, которые ему предстояло написать. Но в одной из этих картин вдруг образовалась дыра, из чудесного букета цветов вдруг выглянула кошачья мордочка и громко мяукнула. Бананито проснулся, взглянул на дверь и сразу же вспомнил, что он — в сумасшедшем доме. Но окошко в двери было приоткрыто, и в нем виднелась голова мяукающего Цоппино.

— Бананито! Бананито! Ну и крепко же ты спишь!

— Вот чудеса! Голову даю на отсечение, что эти усы принадлежат Цоппино!

— Проснись, говорят тебе! Это я, Цоппино! Да, это я, и даже лапка, которую ты мне сделал, со мною. Она действует превосходно.

Говоря это, Цоппино изловчился, пролез в окошко и прыгнул в палату.

— Я пришел, чтобы выручить тебя.

— Спасибо, милый Цоппино, но как?

— Еще сам не знаю. Хочешь, украду ключи у сторожей?

— Но они могут проснуться.

— Хочешь, прогрызу в двери дырку?

— Эх, будь у тебя сверла вместо зубов, — может быть, и удалось бы... Нет, знаешь, что нам нужно?

— Что?

— Напильник! Достань мне напильник, а об остальном я сам позабочусь.

— Есть! Я мигом разыщу тебе его! Бегу!

— Все можно было бы сделать гораздо быстрее, — остановил его Бананито. — Я мог бы просто нарисовать на-

пильник, но эти каналы не оставили мне даже огрызка карандаша!

— Так зачем же дело стало! — воскликнул Цоппино. — Вот тебе мои лапки! Или ты забыл, что они из мела и масляной краски?

— Это верно... Но ведь они станут короче...

Цоппино и слышать ничего не хотел.

— Пустяки! Нарисуешь мне потом новые!

— Так как же выбраться из палаты?

— Нарисуй напильник!

— А как спуститься вниз?

— Нарисуй парашют!

— А как перебраться через ров?

— Нарисуй лодку!

Когда Бананито кончил рисовать все, что требовалось для побега, лапка Цоппино превратилась в крохотную культяпку.

— Видишь, — засмеялся Цоппино, — как хорошо, что я не изменил себе имя. Хромоножкой был, хромоножкой и остался.

— Давай я нарисую тебе новую лапу, — предложил Бананито.

— Сейчас некогда. Надо успеть, пока не проснулись сторожа.

И Бананито принялся за работу. К счастью, он нарисовал такой острый напильник, что тот врезался в железо, как нож в масло. Через несколько минут в дверях уже зияло большое отверстие; через него наши друзья выбрались в коридор.

— Зайдем за тетушкой Панноккьей и Ромолеттой, — предложил Цоппино, — да и котов не стоило бы забывать.

Но скрежет напильника все-таки разбудил сторожей. Чтобы навести порядок, они стали обходить палаты.

Бананито и Цоппино услышали их тяжелые размеренные шаги, раздававшиеся в соседнем коридоре.

— Нужно добраться до кухни, — сказал Цоппино. — Раз уж не можем убежать все вместе, удерем хотя бы вдвоем. На свободе от нас будет больше проку, чем здесь.

Едва они появились на кухне, как голодный поваренок снова напустился на Цоппино:

— Я же только что выгнал тебя, бесстыжий обжора! А ты опять норовишь отнять у меня последние объедки! Ну, быстро! Вот окно — полезай в него! А утонешь, так туда тебе и дорога!

Он был так сердит и встревожен, что даже не обратил внимания на Бананито. Бедного поваренка беспокоил только кот, который, по его мнению, мог оставить его без ужина. Бананито пристегнул парашют, приготовил лодку и взял на руки Цоппино:

— Ну, в дорогу!

— Да, да! В дорогу! В дорогу! И больше тут не показывайтесь! — проворчал поваренок.

Только когда беглецы скрылись, он заподозрил что-то неладное.

— А этот, другой, кто бы это мог быть? — стал соображать он, схватившись за голову. И чтобы не навлечь на себя беды, решил притвориться, будто ничего не видел и ничего не слышал. Затем поваренок откопал в куче очисток капустную коcherыжку и, урча от удовольствия, вцепился в нее зубами.

Не прошло и десяти минут, как бегство Бананито было обнаружено. Сторожа высовывались из окон сумасшедшего дома и кричали:

— Караул! Караул! Сбежал буйнопомешанный!

Как раз в это время Бананито и Цоппино, пригнувшись к самому дну лодки и гребя руками, переплыли через ров. Но не уйти бы им от преследователей, если б на том берегу их не ждал со своей тележкой Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту.

— Скорее! Прячьтесь сюда! — велел старьевщик. Он помог им забраться в тележку и забросал сверху кучей тря-

пья. А сторожам, которые вскоре подбежали к нему, он сказал: — Вон там ищите! Они туда побежали, — и махнул рукой вдаль.

— А ты что тут делаешь?

— Я бедный старьевщик. Я устал и остановился передохнуть.

И чтобы ему поверили, Бенвенуто присел на край тележки и закурил трубку. Бедный Бенвенуто понимал, что станет сейчас совсем старым и в несколько минут лишится нескольких месяцев жизни. Но он продолжал сидеть.

«Годы, что я теряю сейчас, — думал он, — наверняка продлят жизнь моим друзьям», — и он выпустил из рта клуб дыма прямо в лицо стражникам.

К несчастью, в это самое мгновение у Цоппино защекотало в носу. Тряпки, что укрывали его, были довольно пыльными, и только какой-нибудь носорог мог бы сказать, что они были надушены. Цоппино попытался лапками зажать себе нос, но слишком поздно вспомнил, что из передних лапок у него осталась только одна. И он громко чихнул. Так громко, что поднял целое облако пыли.

Чтобы не подвести Бананито, Цоппино тут же выскочил из тележки и задал стрекача.

— Кто это? — удивились стражники.

— Кажется, какая-то собака, — ответил Бенвенуто, — да, собака. Спряталась, должно быть, среди тряпок. Вон как улепetyвает.

— Ага! — решили стражники. — Раз улепetyвает, значит, совесть нечиста. Догнать ее!

И Цоппино услышал за собой тяжелый топот, услышал тревожные крики и обрадовался: «Если они погонятся за мной, то оставят в покое Бенвенуто и Бананито».

Он пробежал почти через весь город, а стражники все гнались за ним, высунув языки. Вот площадь перед королевским дворцом, вот колонна, на которой Цоппино провел однажды такую хорошую ночь...

— Ну, последний прыжок, — сказал Цоппино своим лапкам, — и мы будем в безопасности!

И лапки с такой готовностью откликнулись на его призыв, что Цоппино, вместо того чтобы вскарабкаться на колонну, со всего разбега налетел на нее и тут же превратился в рисунок — в набросок трехлапного котенка. Правда, в тот момент он не пожалел об этом, потому что стражники остались, как они сами писали потом в донесении, с носом.

— Куда она провалилась? — спрашивали они друг друга.

— Я видел, как она бросилась к колонне...

— Но поблизости никого нет...

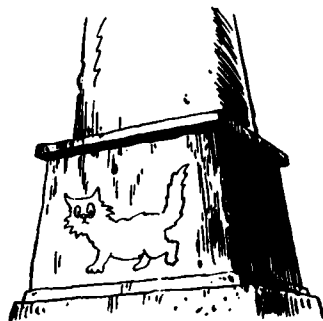
— Тут что-то нацарапано. Смотри — какой-то проказник стащил в школе мел и нарисовал на колонне собаку.

— Что ж, пойдем отсюда. Детские каракули — не наше дело.

А Бенвенуто между тем катил свою тележку к дому, останавливаясь время от времени, чтобы отдышаться. По пути он даже присел два-три раза, потому что уже еле держался на ногах от усталости. Словом, когда он выходил из дому, ему было около восьмидесяти лет, а когда вернулся обратно, ему уже перевалило далеко за девяносто. Подбородок Бенвенуто уткнулся в грудь, глаза затерялись среди морщин, а голос стал еле слышным, как бы доносящимся из-под груды опилок:

— Бананито, проснись, приехали!

Но Бананито его не слышал — он уснул, пригревшись под тряпьем.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

*в которой вы проститесь
с Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту*

— Что с тобой? Ты разговариваешь со своими тряпками? — За спиной Бенвенуто, который пытался разбудить художника, остановился ночной стражник.

— Разговариваю с тряпками? — переспросил Бенвенуто, чтобы выиграть время.

— Ну да! Я же слышал, как ты что-то говорил вот этому чулку. Или ты считал на нем дырки?

— Я, должно быть, говорил, сам того не замечая, — пробормотал Бенвенуто, — знаете, так устал... Целый день колесил по городу с этой тележкой. В мои годы это не так-то просто...

— Раз устали, так присядьте и отдохните, — сочувственно посоветовал стражник, — все равно в такой поздний час никто не станет продавать тряпки.

— Да, да, присяду, — согласился Бенвенуто и опустил-ся на свою тележку.

— Знаете, я тоже с удовольствием отдохнул бы сейчас, — сказал стражник. — Позвольте?

— Отчего же, присаживайтесь!

— Спасибо! Знаете, ведь ночные сторожа тоже устают... И подумать только, когда-то я хотел стать пианистом. Пианисты всегда играют сидя, и вообще вся их жизнь проходит среди прекрасной музыки. Я даже в школьном сочинении писал об этом. У нас была такая тема: «Кем вы

будете, когда вырастете?» Я написал тогда: «Когда вырасту, я стану пианистом, объеду с концертами весь мир, заработаю много аплодисментов и стану знаменитым». Я не нажил славы даже среди воров, потому что до сих пор не поймал еще ни одного из них. Кстати, а вы не вор случайно?

Бенвенуто покачал головой. Он хотел было утешить стражника, но у него уже не было сил. Он чувствовал, как жизнь уходит от него с каждой минутой. Но он не позволял себе подняться и продолжал слушать разглагольствования стражника.

А стражник еще долго говорил о своей работе, о пианино, играть на котором ему так и не удалось научиться, о своих детях.

— Старшему уже десять лет, — рассказывал он, — вчера он тоже писал в школе сочинение. Ведь учителя из года в год дают одну и ту же тему: «Кем ты будешь, когда вырастешь?» «Я буду астронавтом, — написал мой сын, — и отправлюсь на спутнике на Луну!» Я очень хотел бы, чтобы так оно и вышло, но годика через два сыну придется бросить школу и подыскать себе работу, потому что одного моего жалованья маловато. А как, по-вашему, это очень трудно — стать астронавтом?

Бенвенуто покачал головой. Он хотел еще добавить, что это совсем нетрудно, что в мире нет ничего невозможного, что никогда не следует терять мужества и никогда не надо расставаться со своими мечтами. Но стражник даже не увидел, как Бенвенуто покачал головой. Когда он взглянул на него, ему показалось, что Бенвенуто уснул.

— Бедный старик, — пробормотал стражник, — видимо, он в самом деле не на шутку устал. Ну ладно, продолжим наш обход.

И он осторожно, на цыпочках, пошел дальше. Но Бенвенуто продолжал сидеть, даже не шевельнувшись. У него уже не было сил подняться.

«Я подожду их так, — вздохнул он про себя, — подожду сидя. Я сделал все, что было в моих силах. Теперь Бананито в безопасности».

Мысли Бенвенуто стали путаться, их как бы заволакивало туманом... Откуда-то издалека до него донеслось вдруг пение — кто-то напевал колыбельную песенку... Потом он уже больше ничего не слышал.

Но колыбельная песенка, друзья мои, не почудилась Бенвенуто. Нет, просто Джельсомино по своему обыкновению тихонько напевал во сне.

Голос его сначала заполнил комнату, затем разнесся по всему дому и наконец загремел по всем переулкам. Он разбудил Бананито, и тот вылез из-под груды тряпья.

— Бенвенуто, — позвал он. — Бенвенуто, где мы? Что происходит?

Но Бенвенуто уже не мог ответить ему.

Художник выбрался из тележки и стал трясти его за плечо, как вдруг заметил, что рука Бенвенуто ледяная. А вокруг все громче звучал голос Джельсомино, певшего нежную колыбельную песенку.

Бананито бросился наверх, разбудил Джельсомино и вместе с ним вернулся на улицу.

— Он умер! — воскликнул Джельсомино. — Он умер ради нас! Он потратил свои последние годы на то, чтобы спасти нас, пока мы спокойно спали.

В это время в конце улицы снова показался стражник, который только что разговаривал с Бенвенуто.

— Отнесем его в дом, — предложил Джельсомино.

Но Бананито не пришлось помогать ему, потому что Бенвенуто стал теперь легким, как ребенок, и Джельсомино почти не чувствовал его на своих руках.

Стражник постоял некоторое время у тележки. «Этот старьевщик живет, наверное, где-нибудь поблизости, — подумал он, — мне бы надо оштрафовать его за то, что он оставил свою тележку посреди улицы. Но старик был та-

ким добрым... Сделаю вид, будто проходил другой стороной».

Бедный Бенвенуто! В его доме не было даже кровати, и пришлось положить его на пол, лишь подсунув под голову подушку.

Похороны Бенвенуто состоялись через два дня, после многих других событий, о которых вы еще ничего не знаете и о которых прочтете в следующих главах. На похороны пришли тысячи людей. И хотя каждый из них мог бы рассказать об одном из добрых дел Бенвенуто-не-присядьни-на-минуту, никто не стал произносить речей.

Выступил только один Джельсомино. И первый раз в жизни он пел так тихо, что ничего не разбил и не сломал. Голос его был по-прежнему сильным, но звучал так мягко и нежно, что все слушавшие его почувствовали, как сердца их становятся лучше и добрее. Но еще раньше, как я уже сказал, Бананито и Джельсомино обнаружили исчезновение котенка Цоппино. Сначала, расстроенные и опечаленные смертью Бенвенуто, они не придали этому особого значения, но потом забеспокоились.

— Он был со мной в тележке! — восклицал Бананито. — Я, правда, не видел его среди тряпок, но, представь себе, слышал, как он чихал.

— Он, конечно, опять впутался в какую-нибудь историю, — решил Джельсомино.

— Может быть, он вернулся в сумасшедший дом, чтобы выручить тетушку Панноккью и Ромолетту?

— Все что-то делают, — чуть не плача сказал Джельсомино, — один только я сижу сложа руки. Видно, я только и могу, что бить люстры да пугать людей.

В таком отчаянии он еще никогда не был. И вдруг у него возникла великолепная мысль, яркая, как утренняя звезда.

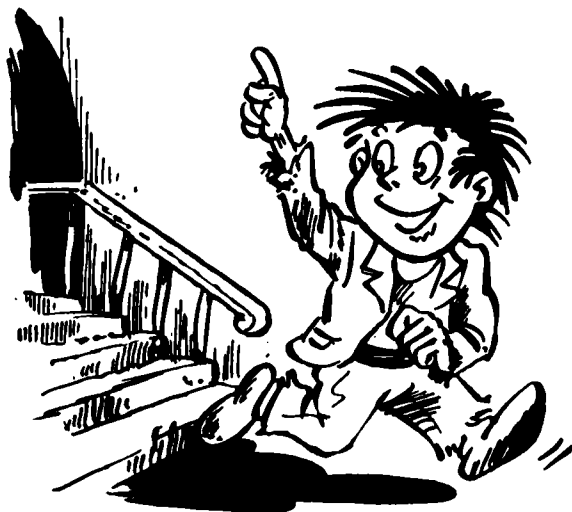
— Нет! — воскликнул он. — Вы еще увидите, на что я способен!

— Куда ты? — удивился Бананито, видя, что Джельсомино вскочил и надевает куртку.

— Настал мой черед действовать! — ответил Джельсомино. — А тебе советую сидеть смирно — стражники ищут тебя. Скоро ты услышишь обо мне! И еще как услышишь!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

*в которой Джельсомино поет во все горло
и устраивает страшный переполох*

После суматохи, вызванной бегством Бананито, в сумасшедшем доме мало-помалу воцарилось спокойствие. Уснули пациенты в палатах, уснули стражники в коридорах. Не спал только поваренок на кухне. Он вообще почти никогда не спал, потому что вечно хотел есть и все ночи напролет рылся в мусорном ящике, разыскивая что-нибудь съедобное.

Поваренку не было никакого дела до бегства Бананито и тщетных усилий его преследователей. Вполне понятно, что и до этого паренька, который остановился перед сумасшедшим домом и запел песню, поваренку тоже не было никакого дела. Он уплетал картофельную шелуху и, поглядывая на Джельсомино, качал головой.

— Вот уж действительно сумасшедший! Где это видано, чтобы молодой человек распевал серенады перед сумасшедшим домом, а не под окнами красивой девушки! Впрочем, это его дело... Однако какой сильный голос! Готов спорить, что стражники сейчас заберут его.

Но стражники, измученные долгой и напрасной погоней за Цоппино, спали как убитые.

Джельсомино, чтобы попробовать голос, запел сначала совсем тихо, а потом постепенно все громче и громче. Поваренок от изумления открыл рот и даже забыл про картофельные очистки.

— Вот это да! Даже есть расхотелось!

В эту минуту вдребезги разлетелось оконное стекло, возле которого стоял поваренок, и осколки чуть не угодили ему в нос.

— Эй! Кто там кидается камнями?

И как бы в ответ на его вопрос на всех этажах огромного мрачного здания, на всех его этажах одно за другим со страшным звоном посыпались стекла. Стражники разбежались по палатам, решив, что больные подняли восстание, но скоро убедились, что это не так, потому что пациенты, хотя и проснулись, вели себя спокойно и с удовольствием слушали пение Джельсомино.

— Кто это бьет стекла? — возмущались стражники.

— Тише! — шикали на них со всех сторон. — Не мешайте слушать! Какое нам дело до стекол? Они ведь не наши.

Потом стали раскалываться на куски железные решетки на окнах. Они ломались, как спички, и, плюхнувшись в ров, камнем шли ко дну.

Начальник сумасшедшего дома, узнав о происходящем, задрожал как осиновый лист.

— Знаете, мне что-то стало холодно, — объяснил он секретарям, а про себя подумал: «Началось землетрясение!» Он вызвал служебный автомобиль. — Я еду на доклад к министру! — Бросил сумасшедший дом на произвол судьбы и спрятался на своей загородной даче.

— К министру! — злобно зашипели секретари. — Как же! К министру! Он попросту удрал! А мы должны погибать, как мыши в мышеловке! Ну нет! Не бывать этому!

И один за другим, кто на машине, а кто пешком, они тоже помчались по подъемному мосту. Через мгновение часовые только их и видели.

К этому времени почти рассвело. По крышам скользили первые солнечные лучи. И для Джельсомино это было как бы сигналом: «Пой еще громче!»

Если б вы только слышали, как он тогда пел! Его голос вырывался из горла, словно огонь из кратера вулкана. Все деревянные двери сумасшедшего дома давно уже рассыпались в пыль, а железные настолько погнулись, что уже и не походили больше на двери. Заключенные, которые еще оставались в палатах, выбежали теперь в коридор, шумно радуясь неожиданному освобождению. Часовые, служители, стражники сумасшедшего дома тоже поспешили к главным воротам и оттуда через подъемный мост ринулись на площадь. Все они вдруг почему-то вспомнили о каких-то важных делах.

— Мне нужно вымыть голову моей собачке! — говорил один.

— Меня пригласили провести несколько дней у моря! — говорил другой.

— А я не сменил воду моим золотым рыбкам и боюсь, как бы они не подохли.

Никто не смог откровенно признаться, что просто-напросто струсил, — слишком сильна была привычка лгать.

Словом, очень скоро из всего персонала сумасшедшего дома в нем остался один только поваренок с кочерыжкой в руках. Он так и стоял, открыв от изумления рот. Впервые в жизни ему не хотелось есть, и в его голове, словно струя свежего воздуха, пронеслась какая-то хорошая мысль.

Ромолетта первая в палате заметила, что стражники удрали.

— А чего же мы ждем? Тоже надо бежать! — предложила она тетушке Панноккье.

— Это против всех порядков, — возразила старая синьора. — Но, с другой стороны, ведь все порядки против нас. Поэтому — бежим!

Они взялись за руки и устремились к лестнице, по которой уже неслись десятки людей. Сумятица была невероятная. Но тетушка Панноккья моментально различила в многоголосом шуме нежные голоса своих котов. А верные

ученики Цоппино тоже, в свою очередь, сразу же отыскали среди пестрой толпы бегущих высокую старуху с суровым лицом. Вскоре коты, громко мяукая, со всех сторон попрыгали на руки к своей покровительнице.

— Ну-ну, — заворчала тетушка Панноккья, прослезившись, — пойдемте домой. Один, два, три, четыре... Все тут? Семь, восемь! Даже на одного больше!

Восьмым оказался наш старый знакомый — Тузик. На руках у тетушки Панноккьи хватило места и для него. В это время Джельсомино перестал петь и принялся расспрашивать всех убежавших из сумасшедшего дома о Цоппино. Но никто ничего не знал о котенке. Тут уж Джельсомино совсем потерял терпение.

— Остался там кто-нибудь? — спросил он, показывая на сумасшедший дом.

— Никого, ни души! — ответили ему.

— Ну, тогда смотрите!

Он набрал полную грудь воздуха, как пловец перед прыжком в воду, сложил руки рупором, чтобы направить звук в нужном направлении, и испустил особенно громкий, просто невероятно громкий крик. Если у обитателей Марса и Венеры есть уши, то и они, конечно, слышали его на этот раз.

Достаточно вам сказать, что здание сумасшедшего дома закачалось, словно на него налетел сильнейший ураган. С крыши во все стороны полетели черепицы, здание накренилось, зашаталось и со страшным грохотом рухнуло в ров, подняв тысячи брызг.

Все это произошло в одну минуту. Подтвердить может поваренок — он оставался на кухне до последнего мгновения и едва успел броситься в ров, чтобы переплыть его. На площадь он выбрался за миг до того, как все рухнуло.

А когда стены обвалились, громкое радостное «ура!» разнеслось по площади, и как раз в этот момент взошло солнце, словно кто-то предупредил его: «Скорее, поторопись, не то упустишь замечательное зрелище!»

Восхищенный народ столпился вокруг Джельсомино таким плотным кольцом, что даже журналистам не удалось приблизиться к нашему певцу и попросить его поделиться своими впечатлениями. Им пришлось удовольствоваться беседой с Калимеро Денежным Мешком, который угрюмо стоял в стороне.

— Не могли бы вы сказать несколько слов для газеты «Вечерняя ложь»? — обратились к нему журналисты.

— Мяу! — ответил Калимеро и повернулся к ним спиной.

— Изумительно! — вскричали журналисты. — Стало быть, вы один из очевидцев! Так расскажите нам, каким образом здесь ничего не случилось?

— Мяу! — снова ответил Калимеро.

— Чудесно! Значит, мы можем самым категорическим образом опровергнуть, что сумасшедший дом разрушен и заключенные разбежались по городу!

— Да поймите вы наконец, — вдруг рявкнул на них Калимеро, — поймите же вы наконец, что я — кот!

— То есть вы хотите сказать — собака? Ведь вы мяукаете совсем по-собачьи!

— Да нет же, я — кот! Самый настоящий кот и ловлю настоящих мышей! Вот и сейчас я отлично вас вижу. Можете попрятаться куда угодно, меня вы не проведете! Все равно вы — мыши, и все до одной попадете мне в лапы. Мяу! Мяу! Курняу!

И, сказав это, Калимеро подпрыгнул и припал к земле. Журналисты поспешно спрятали свои авторучки и в страхе забрались в автомобили.

А отчаянно мяукавший Калимеро пролежал на том месте до самого вечера, пока его не подобрал какой-то сострадательный прохожий и не отправил в больницу.

Ровно через час вышел экстренный выпуск «Вечерней лжи». Всю первую страницу занимал огромный заголовок, набранный большими буквами:

**НОВАЯ НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ПРОДЕЛКА
ПЕВЦА ДЖЕЛЬСОМИНО.
СВОИМ ПЕНИЕМ ОН НЕ РАЗРУШИЛ
ДО ОСНОВАНИЯ СУМАСШЕДШИЙ ДОМ!**

Редактор газеты потирал от удовольствия руки:

— Славненькое опроверженьице! Сегодня мы продадим по крайней мере сто тысяч экземпляров...

Но вышло наоборот. Мальчишки-газетчики, продававшие «Вечернюю ложь», стали скоро возвращаться в редакцию. Все они тащили обратно кипы нераспроданных газет. Никто не пожелал купить ни одного номера.

— Как? — вскричал редактор. — Что же тогда люди читают? Может быть, календарь?

— Нет, синьор редактор, — ответил какой-то мальчишка похрабрее, — календарь люди тоже не читают. Куда он годится, если декабрь в нем называется августом? Оттого, что изменилось название месяца, никому не станет теплее. Все смеются нам прямо в лицо и советуют делать из ваших газет кораблики.

В эту минуту в комнату вбежала собачка редактора. Она только что вернулась с прогулки по городу, на которую сама себя сводила.

— Кис-кис! Иди сюда! Иди сюда, мой котенок! — обрадованно позвал ее редактор.

— Гав! Гав! — ответила ему собака.

— Что? Да ты, кажется, лаешь?

Вместо ответа собака дружелюбно вильнула хвостом и залаяла еще громче.

— Да ведь это конец света! — вскричал редактор, вытирая со лба пот. — Конец света!

Но это был всего лишь конец Королевства Лжи. После того как рухнул сумасшедший дом, на свободе оказались сотни правдивых людей. В городе появились лающие собаки,

мяукающие коты, лошади, которые ржали по всем правилам зоологии и грамматики... В городе вспыхнула эпидемия правды, и большинство населения уже заболело ею. Торговцы спешили сменить ярлыки на своих товарах. Какой-то булочник снял вывеску, на которой было написано «Канцелярские товары», перевернул ее и на обратной стороне углем написал «Хлеб». Перед его лавкой сразу же столпился народ, и люди стали шумно выражать ему свое одобрение.

Но больше всего народу собралось на площади перед королевским дворцом. Этой толпой предводительствовал Джельсомино. Он громко распевал свои песни, и люди сбегались на его голос со всех концов города и даже из окрестных сел.

Джакомоне увидел из окна своего дворца эту огромную толпу и радостно захлопал в ладоши.

— Скорее! Скорее! — заторопил он своих придворных. — Скорее! Мой народ хочет, чтобы я произнес речь. Смотрите, люди собираются, чтобы поздравить меня с праздником!

— Гм, а какой же сегодня праздник? — спрашивали придворные друг друга.

Может быть, это покажется вам странным, но они еще ничего не знали о случившемся. Королевские сыщики, вместо того чтобы сообщить обо всем во дворец, попрятались кто куда. С другой стороны, коты, жившие во дворце короля Джакомоне, еще лаяли, — эти бедняги были последними лающими котами во всем королевстве.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,

*в которой Джельсомино своим пением
изгоняет из страны короля Джакомоне*

Никакой книги судеб, как вы знаете, на свете не существует. Нет такой книги, в которой предсказывалось бы все, что должно случиться. Чтобы написать подобную книгу, нужно быть по меньшей мере редактором газеты «Вечерняя ложь». Одним словом, книги судеб нет и не было даже во времена короля Джакомоне. И очень жаль, потому что, будь у короля такая книга, он мог бы прочесть в ней то, что должно было случиться в этот день, а именно: «Сегодня король Джакомоне не произнесет речи!»

Действительно, в то время как Джакомоне с нетерпением ждал, пока слуги откроют ему двери балкона, по всему дворцу, откликаясь на голос Джельсомино, со звоном посыпались стекла.

— Нельзя ли поосторожнее?! — закричал Джакомоне слугам.

В ответ он только услышал: «Трах-тах-тах-тах-тах!» — которое донеслось из его спальни.

— Зеркало! — вскричал король. — Кто разбил мое любимое зеркало?

Удивленный, что никто не отвечает, его величество осмотрелся вокруг. Увы! Он остался совсем один. Министры, адмиралы, придворные и камергеры при первом же сигнале опасности, то есть при первой же высокой ноте Джельсомино, бросились по своим комнатам. Они без лишних

слов отшвырнули прочь свои роскошные наряды, которые носили столько лет, и достали из-под кроватей старые чемоданы со своими пиратскими одеждами, бормоча при этом:

— Если не надевать на глаз черную повязку, то я, пожалуй, смогу сойти за городского мусорщика.

Или же:

— Если не пристегивать деревянную руку, никто меня не узнает.

При Джакомоне осталось только двое слуг, в обязанности которых входило открывать и закрывать балконные двери. И хотя стекол в дверях балкона уже не было, слуги стояли как вкопанные, время от времени протирая дверные ручки своими кружевными манжетами.

— Бегите уж и вы заодно, — вздохнул Джакомоне, — все равно дворец сейчас рухнет.

Действительно, в этот момент, словно хлопущи, стали лопаться лампочки в люстрах — это Джелесомино запел в полную силу.

Слуги не заставили себя просить. Пятясь и кланясь через каждые три шага, они добрались до двери, ведущей на лестницу. Тут они повернулись и, чтобы поскорее спуститься, съехали вниз по перилам.

А Джакомоне прошел в свою комнату, снял королевский наряд и надел костюм простого горожанина, который купил когда-то, чтобы неузнанным ходить по улицам своего города и слушать, что о нем говорят. (Правда, ему быстро разонравилось это занятие и он предпочел посылать в город своих сыщиков.) Костюм был коричневого цвета, он одинаково подошел бы и банковскому служащему, и профессору философии. А как хорошо сочетался коричневый цвет с оранжевым париком! Но, к сожалению, приходилось расстаться и с париком: он был слишком хорошо известен людям, куда лучше самой королевской короны.

— Мой любимый парик! — вздохнул Джакомоне. — Мои дорогие парики! — И он открыл шкаф, где ровными рядами висели его парики, похожие на головы марионеток, приготовленных к спектаклю. Тут уж Джакомоне не смог удержаться. Он схватил добрую дюжину париков и сунул их в чемодан.

— Я возьму вас с собой в изгнание! Вы будете напоминать мне об этих невозвратных счастливых днях!

И бывший король спустился по лестнице, но не в подвал, как это сделали его придворные, которые, словно мыши, удирали из дворца по канализационным трубам. Он вышел в парк. Ведь его уже тоже можно было не считать королевским. Но все равно он был прекрасным, зеленым, полным запахов цветов.

Джакомоне подышал еще немного этой поистине королевской атмосферой, затем открыл небольшую калитку, выходящую в какой-то переулок, убедился, что его никто не видит, и, пройдя метров сто, оказался на площади, в самой гуще народа, который восторженно приветствовал нашего Джельсомино.

Никто не узнал короля — ведь он впервые появился на улице лысым. Коричневый костюм и чемоданчик, который он держал в руке, придавали ему вид приезжего коммерсанта.

— Вы, должно быть, не здешний? — вдруг спросил его какой-то человек, дружески хлопнув по плечу. — Послушайте, послушайте, как поет наш Джельсомино! Вон он там, видите? Тот самый паренек... Увидев его на велосипедных гонках, вы не поставили бы за него и двух сольдо. А между тем слышите, какой голос?

— Слышу, слышу, — пробормотал Джакомоне, а про себя добавил: «И вижу!»

Он действительно увидел, как разлетелся на куски его любимый балкон, увидел то, о чем вы, наверное, уже догадываетесь, — королевский дворец рухнул как карточ-

ный домик, которому надоело стоять, и целое облако пыли поднялось к небу.

Тогда Джельсомино взял еще одну высокую ноту, чтобы разогнать пыль, и все увидели на месте дворца лишь груды развалин.

— Кстати, — снова обратился к Джакомоне его сосед, — вам никто не говорил, что у вас великолепная лысина? Ведь вы не обидитесь на меня за эти слова, правда? Взгляните вот на мою.

Джакомоне провел рукой по своей голове и посмотрел на голову своего соседа, которая была круглой и гладкой, как резиновый мяч.

— В самом деле, прекрасная лысина, — согласился Джакомоне.

— Ну что вы! Лысина как лысина... Вот ваша — это да! Ваша — просто блестящая! Особенно сейчас, при солнце. Она так сверкает, что глазам больно.

— Ну что вы! Это слишком любезно с вашей стороны, — пробормотал Джакомоне.

— Да нет же, я нисколько не преувеличиваю! Знаете, что я вам скажу? Если б вы были членом нашего клуба лысых, то вас непременно избрали бы его президентом.

— Президентом?

— Да, и единогласно!

— А что, разве есть такой клуб лысых?

— Конечно! Правда, до вчерашнего дня он существовал нелегально, но теперь он станет легальным. В него входят лучшие граждане нашего города. И знаете, стать членом клуба, не так уж и трудно. Нужно только, чтобы на голове у вас не было ни одного волоса. Находятся даже люди, которые вырывают себе волосы только ради того, чтобы войти в наш клуб.

— И вы говорите, что я...

— Ну да, вы могли бы стать президентом нашего клуба. Готов спорить на все что угодно!

Вот когда Джакомоне по-настоящему расстроился. «Значит, — подумал он, — я жестоко ошибся в выборе профессии. Вся моя жизнь — это сплошная ошибка. А теперь слишком поздно, чтобы начинать сначала».

Воспользовавшись общей толкотней, Джакомоне улизнул от своего собеседника, выбрался из толпы и пошел по безлюдным улицам. А в чемодане у него грустно шуршали двенадцать париков. Несколько раз он замечал, как из канализационных люков выглядывали головы, которые он как будто где-то уже видел раньше. Не его ли это пираты? Но головы эти сразу же исчезали при виде этого толстого лысого гражданина в коричневом костюме.

Бывший король направился было к реке, решив положить конец своей неудавшейся жизни. Но, подойдя к воде, он передумал. Открыв чемодан, он вытащил из него парики и один за другим побросал их в воду.

— Прощайте, — прошептал Джакомоне, — прощайте, мои дорогие маленькие лгуны!

И парики поплыли по воде, но не затерялись бесследно. В тот же день их выудили мальчишки, что разбойничают на речных берегах не хуже крокодилов. Мальчишки высушили парики на солнце, напялили их себе на голову и устроили веселое шествие. Они пели песни и громко смеялись, им было невдомек, что они справляют поминки по владычеству короля Джакомоне.

Надо сказать, что самому Джакомоне еще повезло. Ведь он может просто уйти из своего королевства и даже, пожалуй, станет президентом или по крайней мере секретарем какого-нибудь клуба лысых.

Ну а пока он идет куда глаза глядят, вернемся в город и бросим последний взгляд на площадь перед дворцом.

Окончив свою разрушительную песню, Джельсомино вытер со лба пот и сказал:

— Ну вот... С этим тоже покончено... — Но на душе у него было тяжело: Цоппино все еще не отыскался.

— Где же он может быть? — спрашивал себя наш герой. — Я бы не хотел, чтобы он остался под развалинами сумасшедшего дома. Так недолго и до беды.

Но толпа отвлекла его от грустных мыслей.

— Колонна! — кричали со всех сторон. — Нужно сломать колонну!

— Зачем?

— На ней изображены походы короля Джакомоне. А это ложь, потому что Джакомоне никогда и носа не показывал из своего дворца!

— Хорошо, — согласился Джельсомино, — колонне я тоже пропую серенаду по всем правилам. Разойдитесь немного, чтобы она никого не придавила.

Люди, что стояли вокруг колонны, сразу же попятись, толпа на всей площади всколыхнулась, словно вода в ванне. И тогда Джельсомино увидел там, на колонне, в каких-нибудь двух метрах от земли хорошо знакомый рисунок трехлапного котенка.

— Цоппино! — радостно закричал он.

Рисунок заколебался, его линии на мгновение изогнулись, но затем снова застыли неподвижно.

— Цоппино! — еще громче позвал Джельсомино.

На этот раз его голос проник в мрамор, преодолел его твердость, Цоппино отделился от колонны и спрыгнул на землю.

— Уф! До чего же хорошо! — промывал он, целуя Джельсомино в щеку. — Если б не ты, я бы так и остался приклеенным к этой колонне, и меня в конце концов смыло бы дождями. Я люблю чистоту — это всем хорошо известно. Но умереть смытым мне ничуть не улыбается...

— Но вы совсем забыли обо мне, друзья мои, — услышали они вдруг голос художника Бананито. Раздав направо и налево немало хороших толчков и пинков, он наконец протиснулся сквозь толпу к своим товарищам.

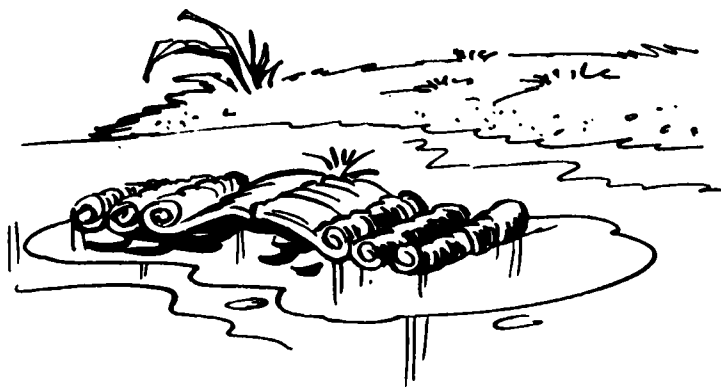

— Если с тобой еще раз случится что-нибудь подобное, я нарисую тебя заново, мой Цоппино, и ты станешь еще более красивым и совсем настоящим!

Трем друзьям, которые только что встретились, нужно многое рассказать друг другу. Поэтому оставим их в покое.

Ну а колонна? А она никому не мешает. Наоборот, ложь, изображенная на ней, будет напоминать людям о том, что когда-то в их стране властвовал бессовестный лгун и что достаточно было однажды только хорошо спеть песню, чтобы разрушить все его королевство.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ,

*в которой Джельсомино,
чтобы никого не обидеть, забивает гол,
а за ним и другой*

Эта история будет совсем закончена, когда я сообщу вам самые последние новости. Дело в том, что, торопясь дописать предыдущую главу, я совсем забыл, что в кармане у меня лежат заметки, которые я сделал в тот день, когда Джельсомино рассказал мне о своих приключениях в Стране Лгунов. Из этих заметок явствует, в частности, что никто, никогда, нигде и ничего не слышал больше о короле Джакомоне. Поэтому я даже не могу вам сказать, стали ли он порядочным человеком или же пиратская натура взяла в нем верх и опять повлекла по дурной дороге.

Из этих заметок я узнал также, что Джельсомино, который был, в общем, доволен своими делами, проходя по главной площади, каждый раз чувствовал себя так неловко, словно в ботинок ему попал камешек.

— Разве так уж нужно было разрушать дворец и превращать его в груды развалин? — упрекал он себя. — Разбей я лишь несколько стекол — Джакомоне все равно бы только и видели. А потом можно было бы позвать стекольщика, и все было бы в порядке.

Но вскоре Бананито позаботился о том, чтобы избавить друга от этого камешка. Он восстановил дворец своим обычным способом — при помощи нескольких листов бумаги и коробки красок. Он потратил на это полдня и не за-

был даже про балкон. И когда на фасаде нового дворца появился балкон, люди потребовали, чтобы Бананито поднялся на него и произнес речь.

— Послушайте моего совета, — сказал Бананито. — Издайте закон, запрещающий кому бы то ни было произносить речи с этого балкона. К тому же я художник, а не оратор. А если вам так уж хочется услышать речь, то обратитесь лучше к Джельсомино.

В этот момент на балконе появился Цоппино:

— Мяу! Мяу! Курняу!

Люди зааплодировали ему и не стали больше требовать никаких речей.

Из другого листка, найденного в кармане, я узнал, что тетушка Панноккья стала директором института по охране бездомных котов. И это очень хорошо. Уж теперь-то можно не опасаться, что кто-нибудь заставит котов лаять. Ромолетта вернулась в школу и сейчас, наверное, сидит в классе. Только не за партой, а за столом — у нее было достаточно времени, чтобы стать учительницей.

И наконец, на самом маленьком листке я нашел только одну строчку: «Война закончилась со счетом один-один». Вы только подумайте — я чуть не забыл рассказать вам о войне!

Это произошло через несколько дней после бегства короля Джакомоне. Оказывается, Джакомоне, рассчитывая на пушки, которые нарисует ему Бананито с помощью своего карандаша, втайне от своих подданных объявил войну одному из соседних государств. Самую настоящую войну, так что армии обоих государств уже отправились к границе, чтобы встретиться там и сражаться не на жизнь, а на смерть.

— Но мы совсем не хотим воевать, — заявили новые министры. — Мы же не такие пираты, как Джакомоне...

Один журналист отправился к Джельсомино, который теперь всерьез занимался музыкой, готовясь выступить с настоящим концертом.

— Что вы думаете о войне? — спросил его журналист.

— О войне? — удивился Джельсомино. — Предложите противникам устроить вместо войны хорошую футбольную встречу. Если при этом и окажется несколько ушибленных коленок, то крови, во всяком случае, прольется очень мало.

К счастью, эта мысль пришла по душе и другой стороне, потому что там тоже никто не хотел воевать. И вот в одно из ближайших воскресений состоялся футбольный матч. Само собой разумеется, что Джельсомино болел за свою команду и так увлекся, что в один из самых острых моментов не выдержал и закричал: «Бей!» Тут мяч влетел прямехонько в сетку ворот противника, как это уже случилось в самой первой главе.

Но в ту же минуту Джельсомино закричал:

— Мы хотим только честной победы. В спорте не должно быть никакого обмана!

И немедленно забил гол в другие ворота. Я уверен, что на его месте вы бы, конечно, сделали то же самое.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧИПОЛЛИНО

Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	27
Глава четвертая	31
Глава пятая	37
Глава шестая	43
Глава седьмая	52
Глава восьмая	60
Глава девятая	65
Глава десятая	74
Глава одиннадцатая	85
Глава двенадцатая	93
Глава тринадцатая	99
Глава четырнадцатая	104
Глава пятнадцатая	107
Глава шестнадцатая	113

Глава семнадцатая	131
Глава восемнадцатая	138
Глава девятнадцатая	147
Глава двадцатая	154
Глава двадцать первая	160
Глава двадцать вторая	168
Глава двадцать третья	174
Глава двадцать четвертая	181
Глава двадцать пятая	186
Глава двадцать шестая	195
Глава двадцать седьмая	203
Глава двадцать восьмая	206
Глава двадцать девятая	215
Эпилог	223

ДЖЕЛЬСОМИНО В СТРАНЕ ЛГУНОВ

Глава первая	233
Глава вторая	239
Глава третья	244
Глава четвертая	252
Глава пятая	259
Глава шестая	265
Глава седьмая	271

Глава восьмая	280
Глава девятая	285
Глава десятая	290
Глава одиннадцатая	297
Глава двенадцатая	306
Глава тринадцатая	311
Глава четырнадцатая	320
Глава пятнадцатая	332
Глава шестнадцатая	338
Глава семнадцатая	345
Глава восемнадцатая	353
Глава девятнадцатая	359
Глава двадцатая	367
Глава двадцать первая	375

Джанни Родари
**ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧИПОЛЛИНО.
ДЖЕЛЬСОМИНО В СТРАНЕ ЛГУНОВ.**

СКАЗОЧНЫЕ ПОВЕСТИ

Серия «Библиотека Солнышкина»

Генеральный директор издательства *С.М. Макаренков*

Художественный редактор *П. Навдаев*

Компьютерное оформление *А. Сидоренко, Д. Сергеев*

Компьютерная верстка *В. Сергеева*

Технический редактор *Е. Крылова*

Корректор *Н. Сидорина*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,

том 2: 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с готовых диапозитивов 05.12.2000 г

Формат 70х100/16. Гарнитура "School". Печать офсетная.

Печ. л. 24,0. Усл. печ. л. 30,96. Тираж 10 000 экз.

Заказ № 3588.

Адрес электронной почты: ripol@aha.ru.

Страничка во "всемирной паутине": www.ripol.ru

«РИПОЛ КЛАССИК»

109147, Москва, Б. Андроньевская ул., д. 23

ЛР № 064925 от 16.01.97 г.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы можете заказать полный каталог книг
нашего издательства.

Для этого отправьте заявку по адресу:

129336, Москва, в/я 5

В заявке укажите свою фамилию и полный
почтовый адрес с индексом.

Каталог высылается **БЕСПЛАТНО!**

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных оригиналов

в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»

150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

В РЕГИОНАХ
книги издательства «РИПОЛ КЛАССИК»
вы можете приобрести по следующим телефонам и адресам

- Ростов-на-Дону ♦ **ООО «Эмис»**
тел.: (8632) 32-87-71; Буденовский пр., д. 104/91
e-mail: emis@rost.ru
- Ростов-на-Дону ♦ **ООО «Владис»**
тел.: (8632) 90-71-31; e-mail: vladis-book@aaaanet.ru
- Санкт-Петербург ♦ **Дилл**
тел.: (812) 567-31-96; Ткачей ул., д. 4
e-mail: dylia@comset.net
- Челябинск ♦ **Интерсервис**
тел.: (3512) 66-62-95; Свердловский пр., д. 14
- Екатеринбург ♦ **ЧП Ларина**
тел.: (3432) 65-37-66;
- Новосибирск ♦ **ООО «Топ-книга»**
тел.: (3832) 36-10-26; e-mail: office@top-kniga.ru
интернет-магазин www.top-kniga.ru
- Новосибирск ♦ **ООО «Сант»**
тел.: (3832) 16-51-06; Северная ул., д. 19
e-mail: santi@mezon.nsk.su
- Киев (на всей территории Украины) ♦ **Книжный дом «Орфей»**
тел.: (044) 418-84-73; Красных Казаков пр., д. 6
(магазин); e-mail: sale@orfey.Kiev.ua
www.orfey.Kiev.ua

Дорогие ребята!

Предлагаем вам вместе с героями книг
«Библиотеки Солнышкина» перенестись в мир
невероятных приключений, таинственных
историй и увлекательных сказок

Очень скоро вас ждут встречи
с героями новых книг

«Библиотеки Солнышкина»:

- ✓ Виталий Коржииков «Веселое мореплавание Солнышкина»
- ✓ Виталий Коржииков «Ледовые приключения Плавали-Знаем»
- ✓ Кир Булычев «Гостя из будущего»
- ✓ Евгений Велтистов «Приключения Электроника»
- ✓ Евгений Велтистов «Новые приключения Электроника»
- ✓ Ян Ларри «Необыкновенные приключения Карика и Вали»
- ✓ Юрий Дружков «Приключения Карандаша и Самоделкина»
- ✓ Валентин Постников «Новые приключения Карандаша и Самоделкина»

ISBN 5-7905-0880-4

9 785790 508806

По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: 513-57-77

